

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 4 (51)

Октябрь — декабрь 2016

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
СОЦИОЛОГИЯ.
ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА.

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС 77-39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН,
Институт социологии РАН,
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
О. М. Барбаков, В. В. Гаврилюк, В. Е. Генин, Б. З. Докторов,
А. П. Егоршин, З. Т. Голенкова, В. И. Звонников, В. К. Левашов, Н. П. Нарбут,
В. В. Пленкина, О. М. Рой, А. Н. Силин, Н. Г. Хайруллина (зам. главного редактора)

Оператор электронной верстки, редактор – Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 314
Тел./факс: 8 (3452) 28-30-76
E-mail: nursafa@inbox.ru

Включен в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993-1824

□ ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ
Социология. Экономика. Политика, 2016

MINISTRY OF RESEARCH AND SCIENCE OF RUSSIAN FEDERATION

№ 4 (51)

Oktober — December 2016

NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

SOCIOLOGY. ECONOMICS. POLITICS.

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002

Registration Certificate of SMI PI № FS 77-39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications

Industrial University of Tyumen

Co-Founders

Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences,
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences,
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by «Cabell», the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief

M. L. Belonozhko

Editorial Board

Oleg M. Barbakov, Boris Z. Doktorov, Vera V. Gavriluck, Vlad E. Genin,
Zinaida T. Golenkova, Nursafa G. Khayrulina (Deputy Editor-in-Chief), Viktor K. Levashov,
Nikolai P. Narbut, Vera V. Plenkina, Oleg M. Roy, Anatoliy N. Silin,
Alexander P. Yegorshin, Victor I. Zvonnikov

Computer Design, editor – N. V. Shuvaeva
Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, offices 314
Telephone/Fax: +7 (3452) 28-30-76
E-mail: nursafa@inbox.ru

**Included in the RF Ministry of Education and Science SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993-1824

□ NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS
Sociology. Economics. Politics, 2016

СОДЕРЖАНИЕ
CONTENTS

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
MANAGEMENT PROCESSES

Игнатова Т. В., Марадудина В. Ф. T.V. Ignatova V.F. Maradudina	
Критерии и инструменты оценки общественной эффективности проектов государственно-частного партнерства Evaluation criterias and tools of public efficiency projects of state-private partnership	7
Михайлова М. Н., Габышева Л. К. Mikhaylova M. N., Gabisheva L. K.	
Трансформация социально-трудовой сферы в условиях экономической нестабильности Transformation of social labour sphere in economical unstability	12
Пивоварова И. В., Зубарева Ю. В. Лукьяненко Л. Р. Pivovarova I. V., Zubareva Ju. V., Lukyanenko L. R.	
Исследование опыта современных организаций по управлению карьерой менеджеров A study of the experience of modern organizations career management of managers	17

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

Акбердина В. В., Гребенкин А. В. Akberdina V. V., Grebenkin A. V.	
Инновационная реальность: сравнительная оценка регионов России Innovational reality: comparative analysis of Russian regions	20
Алтайбаева Ж. К., Курманова А. А., Жунусбаева К. Р. Altaybaeva G. K., Kurmanova A. A., Gunusbaeva K. R.	
К вопросу об управлении бюджетными процессами на местном уровне в республике Казахстан Issues of management of a budget process for a local level in the Republic of Kazakhstan	26
Белоножко М. Л., Конев Ю. М., Колтунов А. Л. Belonozhko M. L., Konev U. M., Koltunov A. L.	
Проблемы формирования комфортных условий жизнедеятельности сельского населения юга Тюменской области (по результатам авторских социологических исследований) Issues of formation of rural's comfortable conditions of the south of the Tyumen region (based on the results the copyright sociological research)	34
Бикташев А. А. Biktashev A. A.	
Оценка значимости условий ведения бизнеса, формируемых региональными властями Assessment of business condition's relevance, created by regional authorities	38

Зиновьева Н. М., Юрина Е. В. Zinovieva N. M., Yurina E. V.	
Современные банковские инновации и дальнейшие тенденции их развития Modern banking innovation and future trends of their development	42
Корнилова М. В., Фадин Н. И. Kornilova M. V., Fadin N. I.	
Трудоустройство инвалидов в Москве: возрастные особенности Employment of disabled people in Moscow: age features	46
Синица А. Л. Sinitza A. L.	
Характеристики домохозяйств в России по данным переписей населения Characteristics of households in Russia according to data of population censuses	50

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ POLITICAL AND LEGAL PROCESSES

Барбаков Г. О., Гюрджинян А. С. Barbakov G. O., Gyurdzhinyan A. S.	
Трудовые права граждан в Тюменской области Labor rights of citizens in the Tyumen region	55
Исюмов И. В., Куркин В. Б., Романова Т.А. Izyumov V. I., Kurkin V. B., Romanova T. A.	
Экономико-правовые характеристики досудебного предупреждения несостоятельности хозяйствующих субъектов Economic and legal characteristics for pretrial notice of insolvency of economic units	59
Мелешкина А. И. Meleshkina A. I.	
Опыт гендерного квотирования в рамках избирательной системы Швеции: институциональный анализ Experience of gender quotas imposing within the framework of electoral system of Sweden: institutional analysis	64
Михайлов С. Ю., Просекова М. Н. Mikhaylov S. Yu., Prosekova M. N.	
Взаимодействие государственной власти и молодежи при реализации молодежной политики в Российской Федерации The government and youth interaction at youth policy realization in the Russian Federation	70

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS

Ирназаров Р. И., Коровкина Н. В., Садретдинова Э. В., Хайруллина Н. Г., Шайхисламов Р. Б. Irnazarov R. I., Korovkina N. V., Sadretdinova E. V., Khairullina N. G., Schakhislamov R. B.	
Формирование общественности как основа конструирования российской идентичности The formation of the public as the basis for constructing russian identity	74

Кононова Т. М., Горева О. М., Соколов А. Н., Ситева С. С. Kononova T. M., Goreva O. M., Sokolov A. N., Siteva S. S.	
Социальные и межкультурные функции языка в контексте современных миграционных процессов	79
Social and intercultural functions of language in the context of contemporary migration processes	
Омелаенко Н. В., Новрузова З. Д. Omelaenko N. V., Novruzova Z. J.	
Этнический конфликт: его сущность, типологизация, причины	83
Ethnic conflict: its' nature, types, causes	
Силин А. Н., Кибенко В. А. Silin A. N., Kibenko V. A.	
Региональная идентичность населения арктической территории	86
Regional identity of the population of the arctic territory	
Скок Н. И., Барбакова Е. В. Skok N. I., Barbakova E. V.	
Каналы и лифты социальной мобильности современной российской молодежи	90
The channels and elevators of social mobility of modern russian youth	
Певная М. В., Кузьминчук А. А. Pevnaya M. V., Kuzminchuk A. A.	
Волонтерство в деятельности студентов среднего Урала	94
Volunteering in the activities of the students of middle Urals	
Персидская О. А., Мадюкова С. А. Persidskaya O. A., Madukova S. A.	
Соотношение этнической и общенациональной идентичности народов Республики Алтай	99
Relation of ethnical and national identity of the peoples of the Respublic Altai	
Юдашкина В. В. Yudashkina V.V.	
По материалам социологического исследования социальной активности молодежи Тюмени	107
On sociological research of social activity youth Tyumen	
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ	
PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENCE AND EDUCATION DEVELOPMENT	
Гаврилова Н. Ю., Габитова Л. А. Gavrilova N. Yu., Gabittova L. A.	
Вызовы глобализации и интернационализация образования	113
Challenges of globalization and internationalization of education	
Ищенко Р. В., Костырева Д. А. Ishchenko R. V., Kostyreva D. A.	
Практическое обучение как способ получения основных профессиональных компетенций	117
Practical educating as method of receipt of basic professional competenses	

Короткова М. С.
Korotkova M. S.
Динамичность как сущностная характеристика социального статуса студентов московских вузов 120
Dynamism as intrinsic characteristic of the social status of students of the moscow higher education institutions

Пирвердиева Э. А.
Pirverdiyeva E. A.
Трудовая самореализация будущих выпускников в условиях перманентных социально-экономических кризисов 125
Professional self-realization of future graduates in the conditions of permanent social economic crises

Сагитова Л. В.
Sagitova L. V.
Государственные языки в системе среднего профессионального образования (опыт республики Татарстан) 129
State languages in the system of secondary professional education (experience of the Republic of Tatarstan)

Смирнов Р. Г.
Smirnov R. G.
Интеграция выпускников вузов в контексте регионального рынка труда (на примере г. Саратова) 133
Integration of university graduates in the context of the regional labor market (on the example of Saratov)

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ **ACADEMIC LIFE**

Садыкова Х. Н., Гуденкова О. И.
Sadykova H. N., Gudenkova O. I.
Современные социокультурные процессы в оценках социологов 137
Contemporary socio-cultural processes in the sociologists

Шалин В. В., Фокина А. Б.
Shalin V. V., Fokina A. B.
Особенности функционирования современных предприятий в работах региональных социологов 139
Features of functioning of modern enterprises are in works of regional sociologists

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 338.2

КРИТЕРИИ И ИНСТРУМЕНТЫ ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА EVALUATION CRITERIAS AND TOOLS OF PUBLIC EFFICIENCY PROJECTS OF STATE-PRIVATE PARTNERSHIP

Т. В. Игнатова, В. Ф. Марадудина
T. V. Ignatova, V. F. Maradudina

Ключевые слова: государственно-частное партнерство; управление проектами; эффективность; оценка; инструментарий; публичное управление
Key words: state-private partnership; project management; effectiveness; evaluation; tools; state management

В статье эффективность публичного управления проектами государственно-частного партнерства характеризуется на основании оценки общественной полезности объекта путем составления оценочного листа, общественной экспертизы проекта на каждом этапе его реализации, общественного контроля качества объекта на этапе его эксплуатации; изучения общественного мнения посредством опроса граждан. Предложенные критерии определения общественной эффективности проектов предполагают проведение регулярного мониторинга взаимодействия публичного и частного секторов. Его целью выступает формирование полноценной системы проактивной оценки проектов государственно-частного партнерства, способствующей достижению положительного результата реализации проекта, принятию рациональных управленческих решений публичной власти.

The article's authors characterized the effectiveness of state project management of state-private partnership on the strength of evaluation of state utility objects by drawing up evaluation sheet, state examination of the project at every stage of its implementation, the quality of state control of the object at the stage of its exploitation and the researching of citizen's opinion. The proposed criteria for determining the efficiency of state projects require regular monitoring of the interaction of the state and private sectors. Its purpose serves the formation of proactive system of assessment of state-private partnership projects, contributing to the achievement of a positive result of the project, acceptance of rational management solutions of state authorities.

Построение устойчивого, конструктивного коммуникационного процесса органов власти с представителями общественного сектора весьма актуально для взаимодействия участников государственно-частного партнерства (ГЧП). Механизм его реализации должен предусматривать возможность получения своевременной и достоверной информации, дающей четкое представление о принятых договоренностях публичного и частного секторов. Привлечение общественности для оценки эффективности проектов ГЧП – один из важнейших аспектов публичного управления, характеризующий уровень транспарентности функционирования органов государственной власти.

Цель исследования — систематизация критериев оценки эффективности публичного управления проектами ГЧП и обоснование инструментария оценки.

Соответствие реализуемого проекта основным признакам и принципам ГЧП может быть раскрыто в оценочном листе.

□ Цель (принцип целесообразности): проект должен быть практически осуществимым, общественно значимым, цель его не должна противоречить политике субъекта в области строительства, инвестиций и т. д.

□ Уровень выполненных обязательств сторон (принцип добросовестности): сбор и предоставление необходимых документов (привести их перечень с указанием наличия (да/нет), также можно вынести в примечания пояснения в случае отсутствия); своевременность

предоставления сторонами партнерства информационно-консультационных услуг, финансовых средств; обеспечения/гарантий.

Для полноценного выполнения принципа добросовестности следует отражать информацию отдельно для участников, представляющих публичную и частную стороны партнерства. При разделении проекта на стадии, этапы, компоненты, разделы оценочного листа должны строиться в соответствии с формальным разделением, что позволит реализовать процедуры по контролю своевременности, полноты и фактического осуществления проекта. Так, мониторинг проекта в течение всего периода его осуществления позволит проследить ответственность сторон на каждом этапе, а также проанализировать меры, принимаемые партнерами для избежания и устранения замечаний.

□ Раскрытие информации, касающейся оптимизации бюджетных средств последует на этапе выплат концеденту, передачи в государственную собственность возведенных (модернизированных и т. д.) объектов, использования человеческих ресурсов проекта [Игнатова], предоставления услуг публичного управления посредством ГЧП, а также по мере выполнения этапов работ и по окончании самого проекта.

□ Транспарентность реализации ГЧП-проектов обеспечивается общественным контролем, осуществляемым посредством обсуждения проектов в сети Интернет, на официальном сайте, в периодических изданиях и т. д.

Рассмотрение ГЧП-проекта как квазипредприятия позволяет сформулировать требования к его отчетности по аналогии с предъявляемыми к финансовой отчетности коммерческих субъектов. Следовательно, отчет о реализуемом в рамках публичного управления проекте ГЧП должен быть достоверным, информативным, понятным, полезным, последовательным, нейтральным, точным и уместным. Отметим также необходимость создания унифицированной формы, позволяющей структурировано представлять информацию о проекте на протяжении всего периода его осуществления. В отличие, например, от Сбалансированной системы показателей, определяемой для каждого отдельного проекта, рекомендуется разработать и законодательно утвердить форму отчетности либо единую для всех областей государственно-частного партнерства (с подразделами по секторам экономики, в которых они реализуются), либо несколько, — укрупненно для схожих областей реализации проектов.

В 1999 году Министерством экономики РФ были утверждены Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов [8], предназначенные для рационализации механизма расчета их эффективности (на момент исследования являются действующими). Документ предусматривает два основных вида оценки: эффективность инвестиционного проекта в целом и эффективность участия в нем. В первом случае имеются два направления: общественная (социально-экономическая) и коммерческая эффективность. Общественную полезность характеризует соответствие поставленным целям социально-экономического развития региона, а именно: последствия реализации проекта для всего населения, как в секторе его непосредственного осуществления, так и в смежных областях экономики. Рекомендации предлагают раскрывать данные эффекты количественно. При невозможности их определения допускается оценка качественного влияния.

Однако показатели общественной эффективности, не поддающиеся количественному измерению, законодателем детально рассмотрены не были. Между тем, отражением общественной эффективности проекта выступают, например: снижение безработицы, рост заработной платы, защита окружающей среды территории реализации проекта, развитие инфраструктуры (ключевым параметром которого является качество вновь сооружаемых, модернизируемых объектов) [5]. Очевидно, что показатели, отражающие общественную эффективность реализуемых инвестиционных проектов, к которым можно отнести и государственно-частное партнерство, различаются в зависимости от отрасли.

Материалы исследования. В зарубежной практике государственно-частное партнерство наращивает масштабы, предлагая мировому сообществу еще одну форму взаимоотношений — мегапроект. Оксфордская бизнес-школа выделяет четыре критериальных отличия данных проектов: ограничение минимальной суммы инвестиций равное одному миллиарду

американских долларов, срок планирования проекта превышает 5 лет, воздействие на жизнедеятельность более 1 миллиона человек, и самый важный — трансформирующее влияние на территорию его осуществления [10]. Как правило, реализация данных проектов затрагивает одновременно несколько областей. Например, к числу таких относятся строительство нового курортного города в Мексике; разработка второго по величине в Азии рудника в монгольской пустыне Гоби, запасы которого приблизительно оцениваются в 25 млн т меди, 5,1 тыс. т серебра и 1,02 тыс. т золота; инвестиции в развитие энергетического сектора Южной Африки. По данным исследования, проведенного международной сетью компаний KPMG в 2013, Канада является государством, в котором реализуется наибольшее количество мегапроектов в рамках государственно-частного партнерства. Основная часть инвестиций (около 50 проектов примерной стоимостью 170 млрд долл. США) сконцентрирована в таких областях как энергетика и коммунальное хозяйство, горнорудная промышленность (затраты на которую ожидаются в районе 80 млрд долл. США). В то же время осуществляются государственные проекты, оцениваемые в 100 млрд долл. США [10].

Инвестиционные проекты, соответствующие целям и задачам Стратегии развития инвестиционной сферы Ростовской области на период до 2020 г. [8], именуется приоритетными и формируют «100 Губернаторских инвестиционных проектов». Согласно официальным данным, в настоящее время на территории региона реализуются 56 проектов стоимостью 555 160,87 млн рублей, что позволит создать более 33 тысяч новых рабочих мест. При этом за период 2011–2013 гг. 18 проектов, (общий объем инвестиций составил 37 630 млн рублей) введены в эксплуатацию, снизив количество безработных на 4 087 человек. Следует отметить, что инициатором данных проектов выступает частный сектор (однако не все они реализуются в рамках государственно-частного партнерства). Публичный сектор рассматривает данные предложения на предмет их полезности для общества. Включение проекта в список предусматривает его сопровождение Администрацией области на всех стадиях от проектирования до ввода в эксплуатацию. Отсутствие деятельности по данным проектам влечет исключение их из списка и, соответственно, лишает властной поддержки.

Стратегией предусмотрены следующие меры государственной поддержки инвестиций в регионе: льготы по налогам на прибыль и имущество организаций, субсидирование процентной ставки по кредитам на техническое перевооружение, новое строительство и прочее, субсидирование затрат (в части газо- и электроснабжения) на подключение объектов капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения, а также предоставления городскому округу г. Ростова-на-Дону или муниципальному образованию межбюджетных трансфертов для софинансирования расходов по проектам. Наличие проекта в «Губернаторской сотне» не предполагает его обязательного софинансирования государством. Данная политика построения партнерских взаимоотношений с частным сектором, несомненно, направлена на элиминирование посткризисных последствий и формирование интенсивного экономического роста области с последующим переходом на инновационный тип развития.

На примере Ростовской области можно продемонстрировать выполнение критерия общественной экспертизы проектов. Учитывая, что правовые акты подлежат обязательной публикации в средствах массовой информации, в том числе сети Интернет, любому резиденту области предоставляется возможность его анализа с целью внесения конструктивных предложений [3]. Образцом может служить Постановление Администрации г. Ростова-на-Дону от 26.03.2013 № 320 «О заключении концессионного соглашения о проектировании, строительстве и эксплуатации выставочного павильона и 5 павильонов-кафе, реконструкции и эксплуатации 3 участков гидротехнического сооружения, содержании и эксплуатации земельного участка, а также уходу, модернизации (капитальному ремонту) имущества, расположенного на земельном участке по ул. Береговая в г. Ростове-на-Дону».

В 2012–2013 гг. Администрацией г. Ростова-на-Дону приняты постановления «О порядке проведения оценки регулирующего воздействия и общественной экспертизы проектов правовых актов Администрации города Ростова-на-Дону, регулирующих отношения в сфере предпринимательской деятельности» и «Об утверждении административного регламента № АР-216-02 муниципальной услуги «Организация по требованию населения общественных

экологических экспертиз». Нормативное закрепление правовых и организационных основ проведения общественной экспертизы проектов государственно-частного партнерства является положительным моментом в сфере развития нормативной базы партнерства, привлечения частных инвесторов, снижения рисков коммерческого сектора и соблюдения интересов жителей страны.

Партнерство публичной и частной сторон нельзя обозначить исключительно как инвестиционный проект или форму привлечения финансирования, поскольку результат его функционирования должен обеспечивать реальные интересы трех секторов — государства, бизнеса и общества, представляющих, в целом, всех субъектов национальной экономики. Исследуемое сотрудничество — новый вид взаимодействия публичного и частного секторов для нашей страны, трансформирующий привычное взаимодействие данных субъектов в контексте вертикали «власть — подчинение» [4]. Поэтому в ГЧП следует рассматривать с позиций управления проектами и управления изменениями расстановку изменений на основе принципа приоритетности; опору на командный подход в управлении; постоянный анализ достижений и рисков прошлых периодов; эффективное использование человеческих ресурсов [7].

Специфику оценки рассматриваемых проектов определяют такие факторы, как: субъектный состав; масштаб (к примеру, строительство автомобильной трассы может осуществляться на территории нескольких субъектов РФ). Отсюда вытекает распределение полномочий органов публичной власти, ответственных за реализацию и оценку эффективности проекта, то есть, определение лиц, ее производящих (в том числе при реализации проекта на территории более одного региона). Объекты экономики, конечный результат ГЧП-проектов, помимо коммерческой эффективности обладают также социальным и общественным эффектом, не определяемым рынком.

Таким образом, методика оценки проекта должна базироваться на трехстороннем (публичная власть, коммерческий сектор и общество) изучении компонентов управления проектом с отражением его эффективности, взаимодействия сторон в рамках партнерства, качественного влияния на экономику. А именно: общественной полезности, включающей улучшение качества предоставляемых публичных услуг, совершенствования систем управления государственной собственностью и механизмов реализации сопутствующих проектов.

Результат взаимодействия публичной и частной сторон в рамках государственно-частного партнерства обуславливает необходимость оценки общественно значимого актива и нерыночного эффекта его функционирования. Следовательно, анализ эффективности реализации ГЧП-проекта, являющийся важной функцией публичного проектирования, должен учитывать следующие характеристики: особую значимость для роста обязательного потребления данного блага всем населением и обуславливаемую ею необходимость обеспечения равного доступа к его потреблению (культура, здравоохранение, образование); особую значимость для обеспечения социальной стабильности общества, социального равновесия, социальной безопасности (поддержка малого предпринимательства, защита малообеспеченных слоев населения); невозможность исключения кого-либо из процесса потребления блага (оборона, система правовой защиты, экономическое и социальное развитие, охрана окружающей среды); высокую или критическую степень зависимости эффективности деятельности всех субъектов хозяйствования от производства блага (энергетика, фундаментальная наука, образование) [2].

Однако общественному сектору важны именно особенности предоставления публичных услуг (пропускная способность автомобильных дорог, улучшение качества автодорожного покрытия, медицинских услуг, экологической обстановки, увеличение рабочих мест, рост числа детских садов и проч.), то есть то, что определяет стабильность и качество жизнедеятельности населения [1]. Поэтому информативность применяемого в российской и международной практике показателя рыночной стоимости недостаточна, тем более что участие в проектах ГЧП добавляет бизнесу гудвилл — улучшение имиджа организации, приводящее к увеличению числа контрагентов, списка клиентов и повышению показателей различных рейтингов.

Представляется, что результативность публичного управления проектами характеризуется на основании оценки общественной полезности объекта, которая может быть

произведена без применения формализованных экономико-математических моделей, а в направлении многовариантного и систематического диалога путем: общественной экспертизы проекта на каждом этапе его реализации, а также общественного контроля качества объекта экономики на этапе его эксплуатации; изучения общественного мнения посредством опроса граждан, территориально относящихся к потенциальным пользователям изучаемого объекта; мониторинга повышения уровня безопасности жизнедеятельности населения; анализа качества и безопасности используемых материальных ресурсов; оценки повышения качества предоставляемых публичной властью услуг, установления более высоких стандартов обслуживания; мониторинга наличия коммуникаций в рамках триады «государство — бизнес — общество» в прямом и обратном направлениях; анализа влияния на экологию места реализации проекта; поэтапного исследования ГЧП-проекта по завершению каждой стадии и самого проекта в целом; определения соответствия и актуальности достигнутых результатов запланированным целям социально-экономического развития субъекта, на территории которого осуществляется проект; мониторинга участия реализуемого ГЧП-проекта в формировании доступной среды для людей с ограниченными возможностями; анализа косвенных эффектов (рост уровня занятости населения, сокращение разрыва социальных статусов, поддержка отрасли и т. д.) [6].

Оценка выполнения перечисленных критериев должна производиться с учетом компетенций федеральных, региональных и местных властей, обозначенных нормами Конституции РФ и Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» № 131-ФЗ. В отчете об оценке эффективности государственно-частного партнерства необходимо проанализировать период времени, затраченный на согласование условий проекта и действий представителей публичной власти различных уровней, а также раскрыть информацию, соответствует ли данный проект программе социально-экономического развития территории либо иному подобному документу.

Предложенные критерии определения общественной эффективности ГЧП-проектов свидетельствуют о необходимости проведения регулярного мониторинга взаимодействия публичного и частного секторов. Его целью выступает формирование полноценной системы проактивной оценки проектов государственно-частного партнерства, способствующей достижению положительного результата реализации проекта, благотворно влияющей на поиск и обоснование рациональных управленческих решений публичной власти в этой области.

Список литературы

1. Албастова Л. Н., Нужнова С. Л. Роль государственно-частного партнерства в реализации социальной функции государства на местном уровне // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – № 2. – С. 32-37.
2. Волощук С. Д. Методы оценки общественно значимых объектов экономики // Аудит и финансовый анализ. – 2009. – № 2. – С. 32-35.
3. Гайсинский И. Е., Никоненко Н. Д., Перова М. В. Исследование некоторых аспектов повышения эффективности интернет-сайтов муниципальных образований // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 2. – С. 75-81.
4. Игнатова Т. В., Аширова М. Н. Общественные блага и государственные услуги // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия Экономика. Экология. – 2015. – № 2. – С. 7-17.
5. Ипатова А. В. Об использовании методологии институционального проектирования в реализации мер новой государственной промышленной политики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2016. – № 2. – С. 93-98.
6. Марадудина В. Ф. Оценка значимости и транспарентности проектов государственно-частного партнерства как инструмент публичного управления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 2. – С. 301-306.
7. Минаева Е. В. Развитие современных систем управления изменениями внутренней среды организаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. – 2015. – № 2. – С. 9-13.
8. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (утв. Минэкономки РФ, Минфином РФ, Госстроем РФ 21.06.1999 N ВК 477). – М.: Экономика, 2000.
9. Постановление Правительства РО от 31.07.2013 № 474 «О Стратегии развития инвестиционной сферы Ростовской области на период до 2020 года» // Наше время. – 14 августа. – 2013. – № 405.

10. The megaprojects paradox //Insight. The global infrastructure magazine. – 2013. – № 4. – P. 12-15.

Сведения об авторах

Игнатова Татьяна Владимировна, д. э. н., профессор, заведующий кафедрой экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, тел. 8(863)2036358, e-mail: tignatova@aanet.ru

Марадудина Виктория Федоровна, к. э. н., преподаватель кафедры экономической теории и предпринимательства Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, тел. 8(863)2036358, e-mail: vikylechka_ya@mail.ru

Ignatova T. V., Doctor of Science in Economics, Professor, Head of the Department of Economic Theory and Enterprise South-Russian Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, phone: 8(863)2036358, e-mail: tignatova@aanet.ru

Maradudina V. F., Candidate of Science in Economics, lecturer of the Department of Economic Theory and Enterprise South-Russian Institute of Management branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, phone: 8(863)2036358, e-mail: vikylechka_ya@mail.ru

УДК 331.101.21

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ**
TRANSFORMATION OF SOCIAL LABOUR SPHERE IN ECONOMICAL UNSTABILITY

М. М. Михайлова, Л. К. Габышева
M. N. Mikhaylova, L. K. Gabisheva

Ключевые слова: прекариат; занятость; молодежь; фриланс; социальные гарантии; население; постиндустриальное общество; кризис
Key words: precariat; employment; youth; freelance; social security; population; post-industrial society; crisis

В данной статье рассматривается вопрос о трансформации социально-трудовой сферы при прохождении национальной макроэкономикой кризисных периодов. Исследуются такие важные показатели, которые особенно проявляются при экономической нестабильности, как прекариатизация трудовых отношений между работником и работодателем, неформальная занятость населения и уровень безработицы. На основе анализа данных критериев выявляются тенденции, которые участвуют в формировании негативных явлений в социально-трудовой сфере. Выявлена степень влияния экономических кризисов на социум в целом. Прекариатизация трудовых отношений, неформальная занятость, безработица рассматриваются как ключевые показатели состояния социально-трудовой сферы. При этом учитывается перспектива перехода российского общества на постиндустриальный уровень. Автором сделаны важные выводы о том, что неформальная занятость не является оппозиционным явлением формальной занятости, но появляется как альтернатива безработице. Также определен уровень влияния социальной нестабильности не только на материальное состояние населения, но и на морально-нравственное.

In this article the issue of transformation of social labor sphere while national macroeconomy undergoes the crisis periods is reviewed. Such important indicators, which especially manifest themselves in the economic instability, as the increase of precarity of labor relations between employee and employer, informal employment of the population and unemployment rate, are reviewed. On the basis of analysis of given criteria the trends, which contribute in formation of negative phenomena in social labor sphere, are identified. Revealed the degree of influence of economic crises on the society in general. Increasing precarity of labor relations, informal employment, unemployment are viewed as key indicators of state of social labor sphere. While the perspective of transition of Russian society on post industrial level is taken into account. The author made important conclusions, that informal employment is not opposite to formal employment, but appear as an alternative to unemployment. Also the level of influence of social instability is defined not only on material state of population, but also moral and ethical side of citizens.

Переход российской экономики в период с конца 80-х годов — начала 90-х от плановых методов управления к рыночной системе произвел воздействие на социальную сферу, сравнимое с мощным природным катаклизмом.

Не менее сильное разрушающее действие на российский социум произвели кризисы 1998, 2008 и особенно 2014 гг., которые были сопряжены с введением обоюдных санкций западными странами и Россией. Будучи напрямую связанной с экономической системой, особенно чувствительной к экономическим пертурбациям оказалась социально-трудовая сфера, в частности ее сектор, связанный с регенерацией рабочей силы.

Термин «прекариатизация» отображает «неустойчивость» позиции работника в том трудовом пространстве, в котором работник находится. Прекариатизация трудовых отношений говорит о негативных для работника изменениях в условиях труда: туманность продолжения трудовых отношений, отсутствие уверенности в сохранении настоящей должности, неуверенность в сохранении действующей оплаты труда, снижение активности профессиональных союзов в деле защиты работников и т. д. Как следствие продолжительного воздействия прекариатизации на социально-трудовую сферу происходит возникновение альтернативных форм взаимоотношений работника и работодателя (аутстаффинг, фриланс, лизинг персонала, «коллектив — семья», моббинг и т. д.). Неся в себе все признаки прекариатизации, присущие западным капиталистическим странам, проблемы «неустойчивости, опасности, нестабильности» в российской сфере труда имеют в своем основании «теневой», неформальный генезис [2]. Позиции прекариатизации в российской социально-трудовой сфере можно определить, исследовав такие показатели как условия труда работников (безопасность труда) и задолженность по заработной плате. Условия труда работников имеют немаловажное значение для выявления степени прекариатизированности той или иной отрасли экономики. По данным исследований Росстата число трудящихся, работающих во вредных и опасных условиях труда, в 2012 году превысила ½ от всей численности работников (табл.1)

Таблица 1

Удельный вес численности работников, занятых во вредных и опасных условиях труда, по видам экономической деятельности (на конец 2012 года; в % от общей численности работников организаций соответствующего вида)

Условия труда	В организациях по видам экономической деятельности		
	добыча полезных ископаемых	обрабатывающие производства	транспорт
Работали в условиях, не отвечающих гигиеническим нормативам условий труда	46,2	33,4	35,1
Заняты на тяжелых работах	26,6	11,6	14,1
Работали на оборудовании, не отвечающем требованиям охраны труда	1,6	0,6	0,3
Заняты на работах, связанных с напряженностью трудового процесса	17,1	6,3	19,0

Одним из ключевых моментов в прекариатизации трудящихся являются долги за оплату труда. По результатам исследований Росстата на октябрь 2015 г. на крупных предприятиях совокупный долг за оплату труда — 3 466 млн рублей и на сентябрь 2015 г. возрос на 7,2 %. По сельскому хозяйству, охоте, лесозаготовкам, управлению недвижимым имуществом 100 % долга сформировалось из-за недостатка у предприятий собственных средств. По совокупному долгу за оплату труда 43 % обеспечили обрабатывающие производства, 29 % — на строительство, по 6 % — добыча полезных ископаемых и транспорт, 5 % — сельское хозяйство, охота, лесозаготовки, 4 % — производство и распределение электроэнергии, газа и воды, 3 % — научные исследования и разработки [5]. Проблема занятости населения вообще и неформальной занятости в частности, возникает особенно остро при прохождении экономикой через периоды реформ, кризисов, смены идеологических парадигм. Дифференциация занятости

населения на формальную или неформальную следует из уровня ее взаимодействия с контролирующими органами государственной власти.

Важнейшим признаком неформальности трудовой занятости служит отсутствие письменного трудового договора, закрепляющего взаимные обязанности нанимателя и нанимающегося. Также неформальность трудовой занятости определяется работой в организации, которая не взаимодействует с государственными органами в сфере управления ее деятельности.

Неформальная занятость предполагает кратковременность, «точечность» трудовых отношений, невысокое качество результатов труда и в тоже время она играет значительную роль в социально-экономической сфере. Количество работающих в «теневой» сфере РФ, по данным Росстата на 2013 год была 14 096 тыс. человек, что составляет около 20 % от всего трудящегося населения. За период с 2003 года число неформально занятых возросло на 2 700 тыс. человек. По мнению О. Ю. Голодец, это люди, которые непонятно «где и чем заняты».

Тем не менее, можно выделить специфичность неформальной занятости. По данным исследований Центра макроэкономических исследований (ЦМИ) «Сбербанка» только 9 % респондентов имеют неформальную занятость в качестве второстепенного средства для пополнения своего бюджета, и для 91 % опрошенных неформальная занятость — основа их материальной независимости. По данным исследований Росстата (на 2013 г.) наибольшее число неформально занятых трудилось в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве — 3 445 тыс. человек, в сфере строительства — 1 565 тыс. человек, в секторе обрабатывающего производства — 1 286 тыс. человек [6].

Максимальное количество неформально занятых приходилось на Северо-Кавказский федеральный округ — 40 %, а менее всего неформальная занятость развита в Центральном федеральном округе — около 3 % от экономически активного населения. Такая асимметрия объяснима — по данным Росстата (на основе выборочных обследований населения по проблемам занятости в среднем за III квартал 2015 г.) уровень безработицы в СКФО составил 10,6 %, а в ЦФО — 3,4 % [6].

На основании этого соотношения можно сделать вывод, что для населения регионов с пониженным уровнем безработицы привлекательность неформальной занятости невелика, чего нельзя сказать о регионах с повышенной безработицей. Для населения таких регионов как СКФО неформальная занятость носит вынужденный характер, так как она является основным источником доходов занятого населения и составляет оппозицию неформальной занятости, а безработице. Уровень заработной платы у работников, состоящих в формальных и неформальных трудовых отношениях (за последний месяц работы и за 12 месяцев) находится в состоянии паритета, кроме строительного сектора (табл. 2) [1].

Таблица 2

Средняя заработная плата формальных и неформальных работников (по отраслям, в руб.)

Отрасль	Зарплата за последние 30 дней		Среднемесячная зарплата за 12 месяцев	
	Формальные работники	Неформальные работники	Формальные работники	Неформальные работники
Строительство	19 961	16 573	20 024	17 903
Торговля, бытовое обслуживание	15 063	14 710	14 947	14 015
Легкая и пищевая промышленность	12 920	12 961	13 380	12 786
В среднем по всем отраслям	14 440	14 574	14 475	14 550

Исходя из этого, можно сделать вывод, что не всегда неформальная занятость основывается на нежелании платить налоги или получать высокую заработную плату, а имеет объективные причины — в некоторых регионах население не способно найти работу в связи с состоянием экономики региона, низкой востребованностью трудоспособного населения и т. д.

Создание новых производств, появление рабочих мест в регионах с высоким уровнем безработицы неизбежно перенаправит поток человеческого капитала из неформального сектора экономики в официальный сектор, с формальным трудоустройством, с социальными гарантиями трудящимся. Неформальной занятости более всего подвержены самая незащищенная часть социума — молодежь и люди пожилого возраста, для которых сам факт трудоустройства сам по себе играет более важную роль, нежели формализация трудовых отношений. У молодого специалиста возникают проблемы с официальным трудоустройством в связи с отсутствием опыта, с трудностью начала трудовой деятельности на более низких должностях, чем предполагает диплом, с несоответствием выполняемой работы и уровнем заработной платы. Особой группой, которая пополняет ряды неформально занятых, являются молодые люди без высшего образования: студенты начальных курсов вузов, лица со средним профессиональным или средним общим образованием (табл. 3) [3].

Таблица 3

Численность занятых в неформальном секторе по уровню образования (тысяч человек)

Год	Всего	В том числе имеют образование					
		высшее профессиональное	среднее профессиональное	начальное профессиональное	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего
2013	14096	2234	3070	3119	4536	1036	102

О сложной структуре коммуникативной составляющей между образовательной средой и востребованностью молодых специалистов сегодня говорят многие российские ученые (проф. И. Г. Пчелинцева, проф. Н. Г. Милованова и др.) [4]. Действительно, в прямой зависимости от уровня образования находится и степень безработицы в стране. По данным исследований Росстата в 2013 году на одного безработного с высшим образованием приходилось пять безработных без высшего образования (табл. 4). В настоящее время образование является важнейшим каналом социальной мобильности в трудовой сфере. Именно образование позволяет приспосабливаться к динамично изменяющимся условиям на рынке труда, адаптироваться под запросы конкретного работодателя [7].

Таблица 4

Численность занятых в неформальном секторе по уровню образования (тысяч человек)

Год	Всего	В том числе имеют образование					
		высшее профессиональное	среднее профессиональное	начальное профессиональное	среднее (полное) общее	основное общее	не имеют основного общего
2013	4137	721	805	803	1376	395	38

Нынешняя экономическая нестабильность отсекает значительную часть возможностей для интегрирования молодого специалиста в социально-трудовое пространство. Причинно-следственная связь этого видна невооруженным взглядом:

- экономический спад в федеральных округах усилился, вместе с тем количество выпускников образовательных учреждений не уменьшилось;
- в связи с неустойчивостью рынка труда нарушена коммуникация начинающего профессионала и работодателя;
- присутствие более легкого трудоустройства посредством перехода в статус неформально занятого;
- государственное регулирование занятости населения недостаточно эффективно;
- социально-экономический кризис повысил конкуренцию на рынке труда, так как безработица коснулась и профессионалов с опытом работы.

□ отсутствие корреляции между потребностями рынка труда и выпускаемыми специалистами.

Проблема трудоустройства молодых специалистов требует срочных мер от государственной системы управления. Наиболее важное место среди факторов, характеризующих состояние всей молодежной среды в целом, российскими учеными отводится образовательной среде и, как следствие, профессиональной самореализации молодых людей [3]. Новая экономическая реальность поставила социально-экономическую сферу перед необходимостью актуальных перемен, которые должны начаться с высшей школы:

□ задачи по выпуску молодых профессионалов вузами должны соответствовать потребностям рынка труда;

□ необходима настройка коммуникационного канала между молодыми специалистами и организациями;

□ практика соответствующего профиля для учащихся должна стать продолжением процесса обучения, а не простой формальностью.

Экономические кризисы очень дорого обходятся социально-экономической сфере. Такие крайне негативные явления как прекариатизация, неформальная занятость и безработица потенциально экономически активного населения находятся в прямо пропорциональной зависимости от силы «макроэкономического шторма». Если экономическая система сама по себе не может справиться с разбалансированностью, а государственные органы власти не способны отрегулировать дисбаланс, то массовая неустроенность населения может послужить причиной серьезных политических изменений в государственном строе. Игнорирование трудового потенциала населения и, как следствие, социальная нестабильность ставит барьеры не только для внутреннего развития социума, но и не дает прогрессировать государственной системе в целом. Результатом будет служить понижение экономических показателей, снижение ВВП и деградация других макроэкономических показателей. Нельзя не обращать внимание и на деструктивное воздействие неустроенности на духовное состояние общества. Влияние экономических пертурбаций на социальную сферу сложно переоценить. Прессинг прекариатизации, неформальная занятость или безработица всегда носит драматический характер для тех, кто испытывает трудовую нестабильность, потерял работу или вынужден стать неформально занятым. Растянутая во времени трудовая апатия может привести к снижению профессиональных навыков, что понизит шансы найти нужную работу в дальнейшем. Профессиональное бездействие лишает человека источников дохода, ведет к морально-нравственным негативным деформациям. Поэтому государственный контроль нарастающих проблем в социально-трудовой сфере имеет первостепенное значение.

Список литературы

1. Варшавская Е. Я., Доновна И. В. Неформальная занятость по найму: грани явления // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 6. – С. 130-135.
2. Михайлова М. Н. Неформальная занятость и прекариатизация работников // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 11-3. – С. 590-594.
3. Михайлова М. Н. Проблема неформальной занятости работников в современной России // Известия высших учебных заведений России. Социология. Экономика. Политика. – 2015. – № 4. – С. 37-40.
4. Пчелинцева И. Г., Милованова Н. Г. Совершенствование образовательного процесса в вузе на основе организации нелинейного обучения // Мир науки, культуры, образования. – 2011. – № 5. – С. 193-195.
5. СБРФ. Россия: неформальная занятость как новый феномен — 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sberbank.ru/common/img/uploaded/analytics/2014/neformaltrudF.pdf>. (дата обращения: 25.03.2016).
6. ФСГС. Экономическая активность населения — 2014 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_61/Main.htm (дата обращения: 27.13.2016).
7. Хайруллина Н. Г. Государственное регулирование рынка труда // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 9-3. – С. 597-600.

Сведения об авторах

Михайлова Мария Николаевна, ассистент кафедры «Иностранные языки», Тюменский индустриальный университет, тел. 8(3452)283398, e-mail: sh989@rambler.ru

Габешева Людмила Константиновна, к. с. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, тел. 89088764254, e-mail: ludmila@tsogu.ru

Mikhailova M. N., assistant of the Department of foreign languages, Industrial University of Tyumen, phone: 8(3452)283398, e-mail: sh989@rambler.ru

Gabisheva L. K., Candidate of Science in sociology, Associate Professor of Chair of Marketing and the municipal management, Industrial University of Tyumen, phone: 89088764254, e-mail: ludmila@tsogu.ru

УДК 338.24

ИССЛЕДОВАНИЕ ОПЫТА СОВРЕМЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО УПРАВЛЕНИЮ КАРЬЕРОЙ МЕНЕДЖЕРОВ A STUDY OF THE EXPERIENCE OF MODERN ORGANIZATIONS CAREER MANAGEMENT OF MANAGERS

И. В. Пивоварова, Ю. В. Зубарева, Л. Р. Лукьяненко
I. V. Pivovarova, Ju. V. Zubareva, L. R. Lukyanenko

Ключевые слова: менеджер; карьера; управление карьерой
Key words: manager; career; career management

В настоящее время актуализируется роль управления карьерой менеджеров в развитии организации. В статье приводятся результаты опроса менеджеров с целью выявления опыта организаций по управлению карьерой.

Currently actualizarea the role of career management managers in the development of the organization. The article presents the results of a survey of managers to identify the experience of organisations on career management.

В настоящее время большинство компаний приходит к осознанию того, что необходимо как можно полнее использовать ресурсы менеджеров, давая каждому из них возможность саморазвития, самореализации и активного перемещения по служебной лестнице [1]. Таким образом, многие организации актуализируют вопрос построения системы управления карьерой менеджеров.

А. А. Югова и К. Б. Фокина, раскрывая предпосылки создания системы управления карьерой менеджера, отмечают, что управление карьерой в организации должно иметь место в случаях, когда компания: заинтересована в «выращивании» собственных кадров, так как именно такие сотрудники характеризуются большей лояльностью и преданностью; активно развивается и постоянно реализует новые проекты; трансформируется в сложную, разветвленную иерархическую структуру; в компании растет или держится на высоком уровне текучесть кадров, в том числе — менеджеров среднего звена; топ-менеджеры не заинтересованы в результатах своей работы и мотивация управляющих кадров в компании — не самое сильное место [5].

В большинстве организаций отсутствует четкая система продвижения менеджеров, в рамках которой в полной мере находили бы отражение обязательные условия, необходимые для карьерного роста [2, 3, 4].

Тем не менее, в последнее время актуализируется роль новых инструментов карьерного развития, реализуемых в рамках управления карьерой. По мнению авторов, преимущества использования карьерного планирования для менеджера и для организации включают в себя следующие основные моменты: профессиональный рост и развитие менеджеров осуществляется не стихийно или хаотично, а в соответствии с четко расставленными приоритетами, целями, задачами и т. д.; благодаря непрерывности карьерного планирования руководство организации в любой момент имеет возможность сделать взвешенный структурированный выбор наиболее подходящих кандидатов на продвижение по карьерной лестнице; мотивация менеджеров существенно повышается, поскольку их дальнейшие усилия

увязываются с конкретными обозримыми результатами, которых они могут достичь в карьерном плане; менеджеры имеют возможность выбрать наиболее близкий им путь карьерного развития в зависимости от индивидуальных черт и ценностных ориентаций.

С целью выявления опыта организаций по управлению карьерой был проведен опрос 418 менеджеров предприятий г. Тюмени. В ходе исследования установлено, что в охваченных опросом организациях управление карьерой менеджеров преимущественно не осуществляется: 30,9 % респондентов непосредственно указали на отсутствие практики управления карьерой, еще 24,4 % опрошенных сообщили, что, возможно, управление карьерой в их организации имеет место, однако они об этом не знают. При этом в наименьшей степени «охваченными» управляющим воздействием являются менеджеры низшего звена, 71,4 % которых указывают на отсутствие управления карьерой в соответствующих организациях.

Об этом свидетельствуют и ответы респондентов из числа менеджеров высшего звена, из которых лишь 9,7 % дали отрицательный ответ на вопрос о наличии в их организации практики управления карьерой менеджеров (рис. 1).

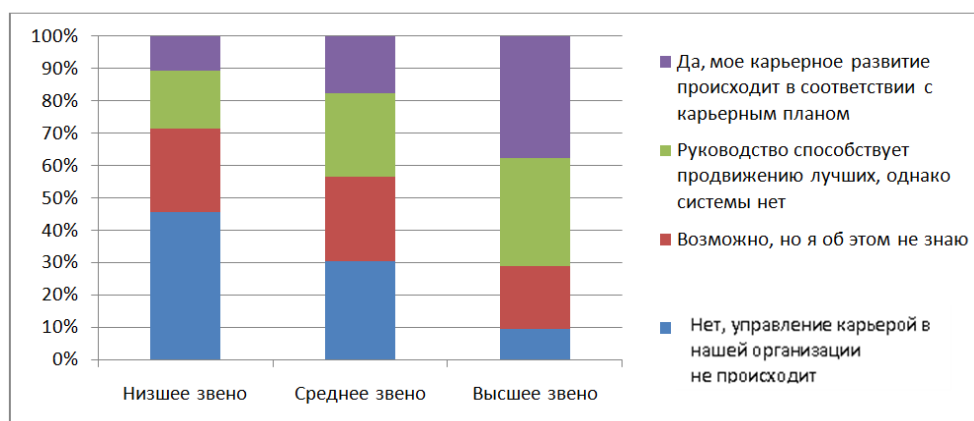

Рис. 1. *Распределение ответов респондентов на вопрос о наличии в их организации практики управления карьерой менеджеров, %*

Поскольку по мере повышения уровня управленческой иерархии прослеживается тенденция расширения практики управления карьерой менеджера, можно предположить, что собственники и руководители предприятий рассматривают низший уровень управленческой иерархии как «отборочно-подготовительный». Также есть основания полагать, что в ряде организаций в отношении некоторых менеджеров низшего звена проводятся мероприятия по управлению их карьерой, однако происходит это без уведомления самого менеджера, что в ряде случаев оправдано высокой конкуренцией или особенностями деятельности конкретной организации.

Также обращает на себя внимание существующий в ряде организаций бессистемный подход к управлению карьерой менеджеров, что проявляется только лишь в выделении и поощрении менеджеров, добивающихся определенных результатов. Респонденты склонны считать такие проявления управленческого воздействия ситуационными и связывать их с объективными причинами, такими как открытая вакансия в связи с выбытием «ценного» специалиста или появление новой должности в связи с расширением организации.

Необходимо отметить, что такая точка зрения является значительно более распространенной среди женщин (29,3 % в сравнении с 21,1 % мужчин), тогда как мужчины, напротив, относительно более часто не ощущают какого-либо управленческого воздействия в отношении их карьеры.

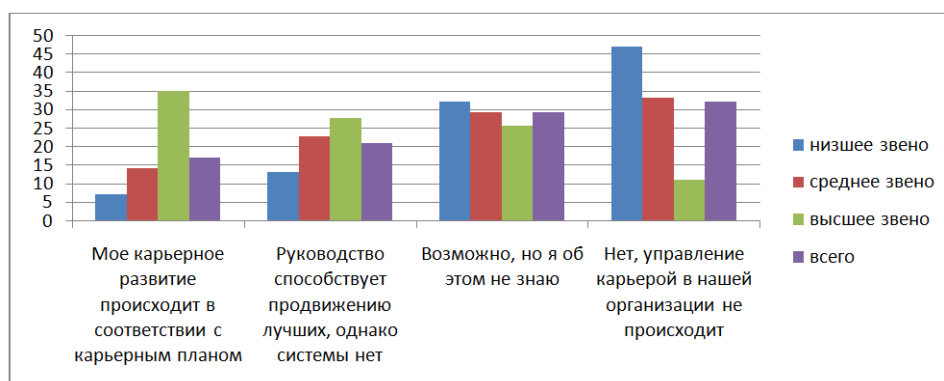

Рис. 2. Распределение ответов респондентов-мужчин на вопрос о наличии в организациях практики управления карьерой менеджеров, %

По мнению авторов, в целом факт того, что относительно более высокая доля женщин вне зависимости от уровня управленческой иерархии признает наличие управления их карьерой, пусть даже эпизодического, следует рассматривать как весьма симптоматичный. Так, 82 % ответов женщин из числа менеджеров высшего звена, 50,5 % — среднего звена и 36,9 % — низшего звена против соответственно — 63, 37,1 и 20,6 % ответов мужчин говорит о том, что либо в организациях управление карьерой происходит выборочно с явным приоритетом в пользу женщин, либо женщины-менеджеры склонны недооценивать свои карьерные достижения.

На рис. 2, 3 представлены детализированные сведения об ответах респондентов на рассматриваемый вопрос в зависимости от пола и уровня управленческой иерархии.

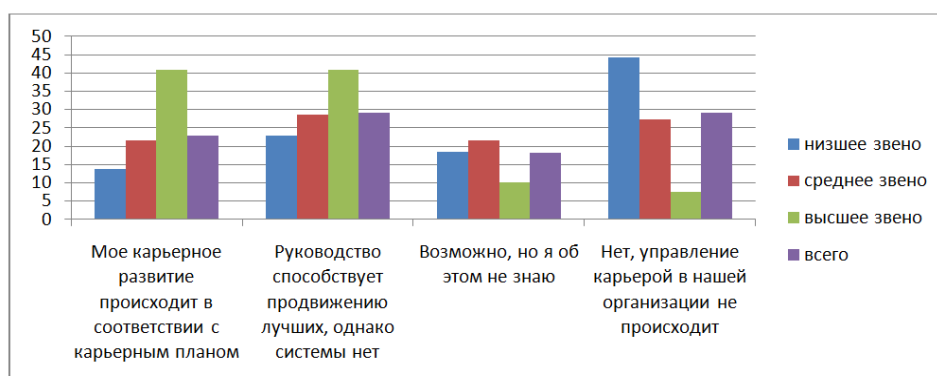

Рис. 3. Распределение ответов респондентов-мужчин на вопрос о наличии в организациях практики управления карьерой менеджеров, %

В целом результаты опроса показали, что управление развитием карьеры в рамках организаций осуществляется, поскольку менеджеры разных уровней управленческой иерархии в большинстве своем ожидают каких-либо изменений — позитивных или негативных. С другой стороны — осуществляется оно бессистемно, эпизодично.

Список литературы

1. Силин А. Н., Хайруллина Н. Г. Управление персоналом: учеб. по кадровому менеджменту для студентов вузов / А. Н. Силин, Н. Г. Хайруллина; Тюм. гос. нефтегазовый ун-т. – М., 2004.
2. Устинова О. В., Утешев Р. С. Концептуальные основы управления карьерным ростом менеджера / О. В. Устинова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2014. – № 2(29). – С. 219-222.
3. Устинова О. В., Чуприна Е. В. Формирование корпоративной идентичности персонала. / О. В. Устинова, Е. В. Чуприна // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 24(353). – С. 50-53.
4. Устинова О. В., Пивоварова И. В. Карьера менеджера как социально-профессиональной группы / О. В. Устинова // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2. – С. 651.

5. Югов А. А., Фокин К. Б. Целевые показатели работы HR-службы при управлении кадровым резервом / А. Югов, К. Б. Фокин // Справочник по управлению персоналом. – 2006. – № 11. – С. 74-81.

Сведения об авторах

Пивоварова Ирина Валерьевна, к. с. н., доцент, Тюменский индустриальный университет, тел. 8(3452)208456, e-mail: pivovarova_irina@mail.ru

Зубарева Юлия Валерьевна, к. э. н., доцент, государственный аграрный университет Северного Зауралья, тел. 8(3452)625609; e-mail: notgsha@mail.ru

Лукьяненко Лилия Рафаиловна, студент, Тюменский индустриальный университет, тел. 89523439893, e-mail: lili.tmn.lili@qmail.com

Pivovarova I. V., Candidate of Science in Sociology, associate professor, Industrial University of Tyumen, phone: 8(3452)208456. e-mail: pivovarova_irina@mail.ru

of Northern

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 332.1

ИННОВАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА РЕГИОНОВ РОССИИ INNOVATIONAL REALITY: COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN REGIONS

В. В. Акбердина, А. В. Гребенкин
V. V. Akberdina, A. V. Grebenkin

Ключевые слова: экономика знания; региональная экономика; инновационная реальность; ранжирование регионов России
Key words: economy of knowledge; regional economy; innovative reality; ranking of Russian regions

Предложен новый подход к оценке уровня инновационного развития регионов России, основанный на выделении категории «инновационная реальность» и расчетах системы показателей (по данным официальной статистики), позволяющих дать сравнительную оценку регионов: доля инновационно активных предприятий; объем отгрузки инновационной продукции на 1 руб. инновационных производственных фондов; инновационная производительность труда; отношение внутренних текущих затрат на исследования и разработки к валовому региональному продукту, %; инновационная эффективность инвестиций в основной капитал. По отдельным параметрам инновационной реальности регионами-лидерами оказались: по инновационной активности — Пермский край, Томская и Самарская области; по инновационной фондоотдаче и производительности труда, а также инновационной отдаче от инвестиций предыдущего года — Самарская область, республика Мордовия, республика Татарстан. По инновационности валового регионального продукта лидеры — Нижегородская и Калужская области, город Санкт-Петербург. По усредненному рангу в целом за 8 лет наибольшие значения инновационной реальности имеют Самарская и Нижегородская области и Пермский край. Подтверждены гипотезы о возможности использования параметра «инновационная реальность» в качестве критерия сравнительной косвенной оценки степени резонансного отклика региональной экономической системы на инновационные события, уровня восприимчивости и сопротивляемости инновациям, а также для конкретного анализа факторов и условий успешного хозяйствования. Знание конкретных параметров инновационной реальности в региональном разрезе имеет практическое значение для формирования адекватной региональной промышленной политики, разработки стратегий и программ инновационного развития, опирающихся на накопленный опыт и инновационный потенциал. Исследование выполнено при финансовой поддержке проектов фундаментальных научных исследований УрО РАН проект № 15-14-7-5 Региональная экономика институтов инновационного развития.

The authors have been offering a new approach of the level of innovative development for the Russian regions. It bases on using of the category that calls «innovative reality» and calculation of the system (according to official statistics) in order to provide a comparative assessment of regions. It includes: the share of innovation active enterprises; shipment volume of innovative products for 1 rouble innovative production assets; innovative labor productivity; the ratio of intramural

current expenditure on R & D to gross regional product,%; innovative efficiency of investment in fixed assets. There were a leaders in the individual parameters of innovation: on innovation activity — Perm, Samara and Tomsk region; on innovative capital productivity and labor productivity, as well as the innovative impact of prior year investments — Samara region, Republic of Mordovia, Republic of Tatarstan. According to the gross regional product innovation leaders — Nizhny Novgorod and Kaluga region, the St. Petersburg. According to the average rank of the whole 8 years, the highest values are an innovative reality, Samara and Nizhny Novgorod Region and Perm Territory. The hypothesis about the possibility of using the parameter "real innovation" as a criterion for relative indirect assessment of the resonant response of the regional economic system for innovative events, the level of susceptibility and resistance to innovation, as well as specific analysis of the factors and conditions for successful management. Knowledge of the specific parameters of an innovative reality in the regional context is of practical importance for the formation of an adequate regional industrial policies, development strategies and innovative development programs, based on experience and innovation potential. The research was sponsored by UD RAS project № 15-14-7-5 Regional economy innovative development institutes for basic scientific research projects.

Проблема и гипотезы исследования. Переход к экономике знаний (инновационной экономике) немислим без построения территориальных инновационных систем, реализующих в бизнесе возможности научно-технологических достижений (парадигма S2B — science-to-business). Как считают А. И. Рудской и И. Л. Туккель, «программа инновационного развития территории должна быть подпрограммой общей программы социально-экономического развития региона» [1]. В то же время в ряде исследований отмечается серьезное отставание инновационной динамики в России от развитых стран, в том числе и в разрезе регионов. Много говорится об инновационном потенциале, региональных инновационных системах [2, 3], и в то же время подчеркивается, что инновационный потенциал региона — «это та возможность, которая еще не оформлена в реальность» [2]. В том то все дело: реализация окон возможностей требует новых идей, проектов, лидеров-инноваторов, финансовых средств, рыночного развертывания, предпринимателей, готовых идти на инновационный риск и т. д. Другое дело — реальность, уже свершившиеся инновации, экономические результаты на основе инновационной активности, достигнутые регионами. Прагматизм в оценке результатов новых индустриальных преобразований подчеркивается и в ряде зарубежных публикаций [6–9].

Инновационной реальностью мы называем экономическую оценку совершившихся инновационных событий, воплотившихся в выпущенной новой продукции. В отличие от разрабатывавшейся нами ранее концепции экономико-технологической реальности [4] данное понятие носит инструментальный характер и позволяет сравнить регионы России по ряду сопоставимых параметров. Эти параметры можно сгруппировать в 4 типа: объемные, структурные, динамические и относительные (табл. 1). Кроме того, инновационная реальность может занять свое место в ряду свойств пространственной экономики [5].

Таблица 1

Система показателей инновационной реальности региона

Показатель	Содержание
Инновационная активность предприятий	Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организации q, %
Инновационная фондоотдача	Объем отгрузки инновационной продукции на 1 руб. основных производственных фондов, тыс. руб.
Инновационная производительность труда	объем отгрузки инновационной продукции на среднесписочную численность работников, тыс. руб./чел.
Инновационность валового регионального продукта (ВРП)	отношение внутренних текущих затрат на исследования и разработки к ВРП, %
Инновационная эффективность инвестиций в основной капитал	Объем отгрузки инновационной продукции на 1 руб. инвестиций в основной капитал за предыдущий год, руб./руб.

При выполнении исследования были выдвинуты следующие гипотезы.

Гипотеза 1. Инновационная реальность как фактически сложившееся положение региона по объему, доле и эффективности (производительности труда и фондоотдаче) инновационной продукции указывает на степень отклика экономической системы региона на инновационное

воздействии, уровень восприимчивости к нему, уровень сопротивляемости технологическим нововведениям.

Гипотеза 2. Ведущие места в рейтинге регионов по инновационной реальности могут занимать не те регионы, которые располагают «огромным научно-технологическим потенциалом», а те, которые в силу действия тех или иных факторов, а также условий хозяйствования и специфики отраслевой структуры добились относительно высокого уровня и качества инновационной реальности.

Результаты анализа инновационной реальности регионов России.

По первому показателю инновационной реальности — *инновационная активность предприятий* (удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, в общем числе организаций) среднероссийское значение составляет 8,5 %. При этом 30 регионов России имеют значение выше среднероссийского. Лидерами по данному показателю являются такие регионы как Пермский край (21,8 %), Томская область (14,9 %), Белгородская область (14,9 %), Самарская область 14,0 %) (рис. 1).

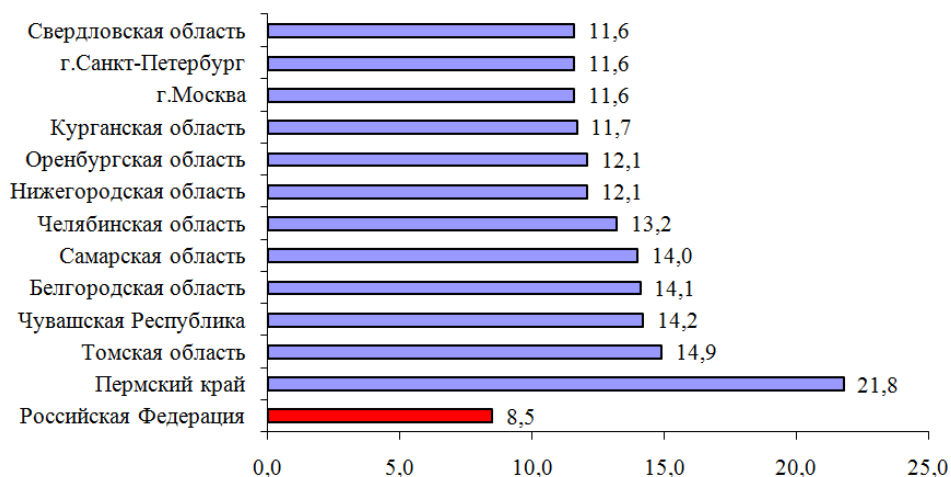

Рис. 1. Десять лучших регионов по показателю инновационной активности предприятий, %

По второму показателю реальности — *инновационная фондоотдача* (объем отгрузки инновационной продукции на 1 руб. основных производственных фондов) — среднероссийский показатель составляет 13,9 руб. на 1 000 руб. стоимости основных производственных фондов. При этом 23 региона имеют значение показателя выше среднероссийского. Лидерами по данному показателю являются Самарская область (107,1), Республика Мордовия (80,0), Республика Татарстан (79,0), Ульяновская область (61,0), Пермский Край (43,4) (рис. 2).

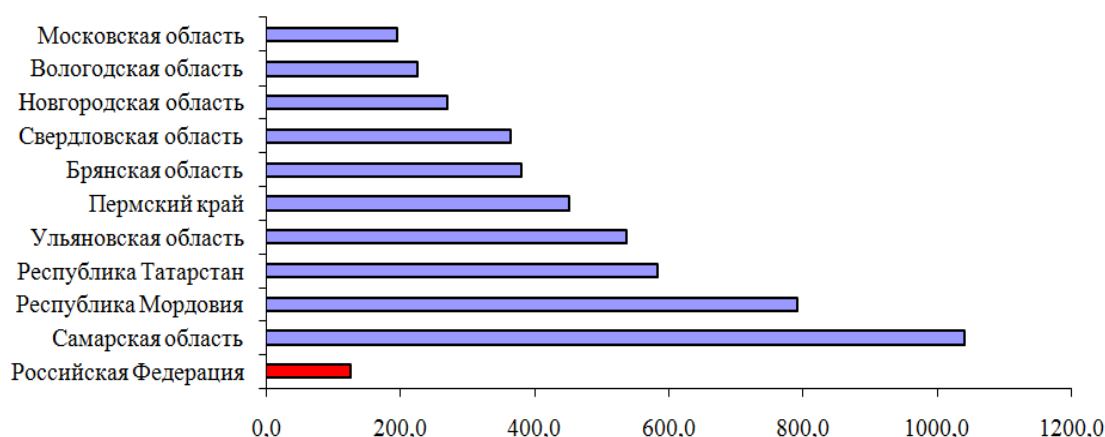

Рис. 2. Десять лучших регионов по показателю инновационной фондоотдачи, руб. на 1000 руб. основных фондов

Третий показатель для оценки инновационной реальности региона представляет собой инновационную производительность труд (объем отгрузки инновационной продукции на среднесписочную численность работников). Среднероссийское значение составляет 17,2 тыс. руб., при том, что регионов с показателем выше российского, достаточно мало — 14. Лидерами по данному показателю являются: Самарская область (115,8), Республика Татарстан (91,1), Республика Мордовия (76,1), Пермский край (58,1), Ульяновская область (41,5) (рис. 3).

По четвертому показателю — *инновационная отдача от инвестиций предыдущего года* (объем отгрузки инновационной продукции на 1 руб. инвестиций в основной капитал за предыдущий год) — среднероссийский показатель составляет 13,9 руб. на 1 000 руб. инвестиций в основной капитал. При этом 24 региона имеют значение показателя выше среднероссийского. Лидерами по данному показателю являются: Самарская область (1 042,1), Республика Мордовия (792,7), Республика Татарстан (584,3), Ульяновская область (537,0), Пермский край (452,9).

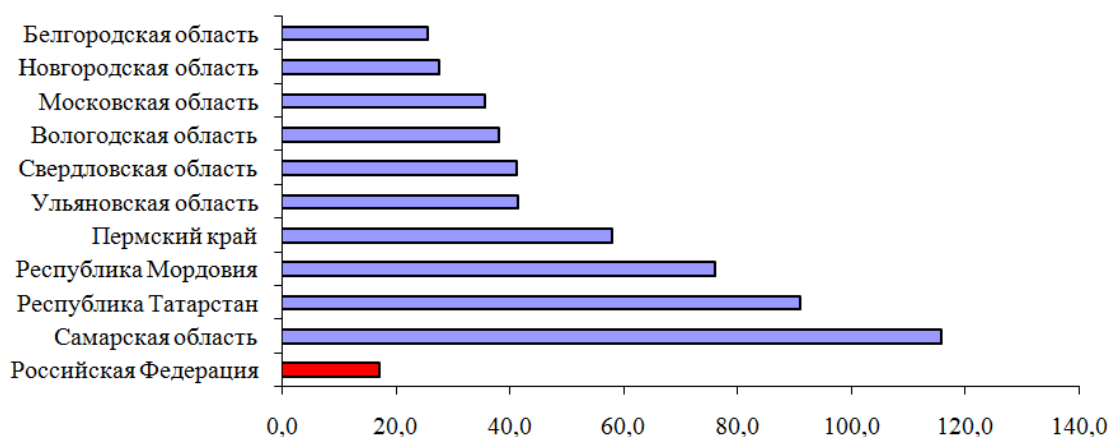

Рис. 3. Десять лучших регионов по показателю инновационной производительности труда, тыс. руб./чел.

Пятый показатель инновационной реальности региона — инновационность ВРП (отношение внутренних текущих затрат на исследования и разработки к ВРП). Среднероссийское значение по данному показателю составляет 1,25 %, при этом только 17 регионов имеют значение выше среднероссийского. Лидерами по данному показателю являются Нижегородская область (3,76 %), Калужская область (3,48 %), г. Санкт-Петербург (3,48 %), Московская область (2,98 %), Ульяновская область (2,35 %).

Итоговое распределение регионов по уровню инновационной реальности приведено в табл. 2.

Таблица 2

Сводная оценка инновационной реальности 10 регионов России

Регион	Сумма мест за 8 лет	Средний ранг
Самарская область	17	1
Нижегородская область	33	2
Пермский край	55	3
Калужская область	56	4
Московская область	57	5
Республика Татарстан	61	6
Санкт-Петербург	68	7
Свердловская область	79	8
Челябинская область	82	9
Ульяновская область	83	10

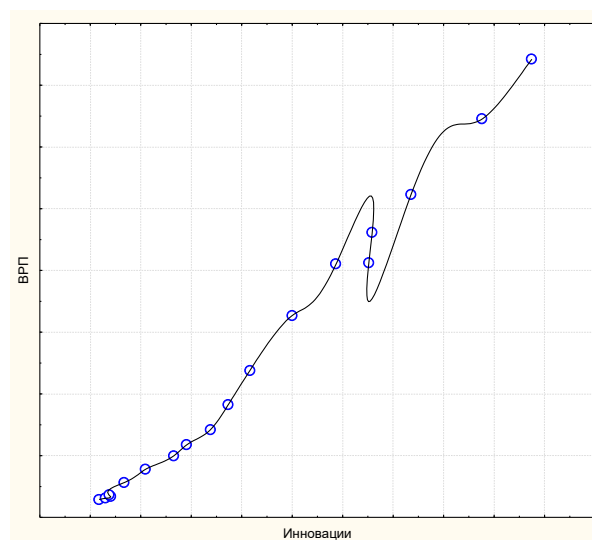
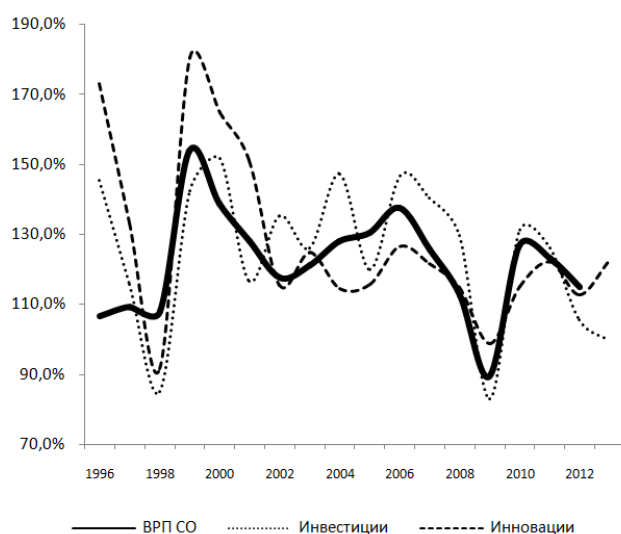
Дополнительный анализ показал, что в 10 лучших регионах высокая доля инновационной продукции, большая доля иностранных инвестиций, в том числе и в сборочные производства, хорошо развито инвестиционное законодательство. Результаты расчетов подтвердили высказанные выше гипотезы.

Резонансные отклики в оценке инновационной реальности.

Резонансные отклики экономической системы на управляющие воздействия можно обнаружить в рамках инновационного цикла «наука — технологии — рынок», — они возникают в точках перехода из одной сферы в другую. Следовательно, выделяются *три типа резонансных откликов* — научно-технологический, рыночно-технологический и интегральный. Механизм инновационного резонанса региональной промышленной системой основан на сочетании и взаимодействии государственного регулирования, инновационного бизнеса и его инфраструктуры, а также фундаментальных и прикладных исследований в области высоких современных технологий. Основная сложность создания такого механизма состоит в определении средств и способов, обеспечивающих эффективную реализацию научно-технических программ разработки и освоения наукоемких ресурсосберегающих технологий и позволяющих промышленным предприятиям осуществлять экономический производственный цикл в режиме расширенного воспроизводства.

Резонансные отклики на примере индустриального региона.

Рассмотрим *резонансный отклик на меры государственной поддержки* на примере типичного индустриального региона — Свердловской области.

a

б

Рис. 4. Резонансный отклик на меры государственной поддержки (Свердловская область, 1996–2013 гг.):

a — индексы объема ВРП, инвестиций в основной капитал и затрат на НИОКР,

б — совмещенный график динамики объема ВРП и затрат на НИОКР

На рис. 4 показаны *разворотные точки*, в которых экономическая динамика (сопряженный график ВРП и инноваций) меняет угол в ответ на *вводимые в регионе меры государственной поддержки*:

1) *2002 год*: введение в действие Закона Свердловской области № 42-ОЗ «О ставке налога на прибыль организаций для отдельных категорий налогоплательщиков в Свердловской области» от 29.11.2002 г., устанавливающего региональные льготы;

2) *2003 год*: введение в действие Закона Свердловской области № 35-ОЗ «Об установлении на территории Свердловской области налога на имущество организаций» от 27.11.2003 г., устанавливающего региональные льготы;

3) *2006 год*: появление налоговых льгот, предоставляющихся организациям, имеющим статус участника приоритетного инвестиционного проекта Свердловской области по новому строительству в соответствии с Законом Свердловской области № 43-ОЗ от 30.06.2006 г.;

4) *2007 год*: разработка стратегического документа «Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на период до 2020 года» № 873-ПП от 27.08.2008 г., определяющего приоритеты развития Свердловской области;

5) *2008 год*: финансово-экономический кризис;

4) *2013 год*: утверждение стратегического отраслевого документа – государственной программы Свердловской области «Развитие промышленности и науки на территории Свердловской области до 2020 года» № 1293-ПП от 24.10.2013 г., определяющей такие *финансовые меры поддержки промышленности*, как предоставление субсидий организациям промышленного комплекса Свердловской области на возмещение затрат, связанных с внедрением результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере промышленного производства; предоставление субсидий юридическим лицам на возмещение затрат, связанных с выполнением научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере нанотехнологий; предоставление субсидий юридическим лицам на возмещение затрат, связанных с выполнением работ по внедрению научно-технической продукции в сфере нанотехнологий; предоставление субсидий резидентам технопарков в Свердловской области на возмещение затрат, связанных с производством и реализацией инновационной продукции; предоставление субсидий организациям промышленного комплекса Свердловской области на возмещение затрат на уплату процентов по кредитам, полученным в российских кредитных организациях для реализации инвестиционных проектов, в размере, не превышающем 2/3 ставки рефинансирования ЦБ РФ, установленной на момент заключения кредитного договора; предоставление субсидий организациям промышленного комплекса Свердловской области на возмещение затрат на внедрение в производство новых, значительно технологически измененных или усовершенствованных продуктов, новых или усовершенствованных технологических процессов.

Таким образом, дальнейшие исследования и предложения могут быть направлены как на выявление слабых мест в системе факторов инновационной активности регионов, так и на разработку мультифункциональной промышленной политики. В методологии исследования региональной экономики формируются новые подходы, связанные со становлением теории инновационной реальности, осознать, предвидеть и оценить факторы развития которой предстоит в ближайшие годы.

Список литературы

1. Рудской А. И., Туккель И. А. Инноватика: вопросы теории и кадрового обеспечения инновационной деятельности // Инновации. – 2015. – № 11(205). – С. 3-11;
2. Мосленко Н. Л., Пирогова Е.В. Инновационный потенциал территориального образования: возможности диагностики // Регион: экономика и социология. – 2011. - № 1. – С. 71-90;

3. Гамидуллаева Л. А. Возможности неинституционального системно-синергетического подхода к исследованию инновационной системы // Журнал экономической теории. – 2015. - № 4. – С. 142-154.
4. Романова О. А., Гребенкин А. В. Акбердина В. В. Концепция и моделирование экономико-технологической реальности региона // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 1. – С. 88-98;
5. Симарова И. С. Плотность, неоднородность и контрастность в совокупности свойств экономического пространства // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2015. – № 2. – С. 53-56.
6. Aiginger K. Industrial policy: a dying breed or a re-emerging phoenix // Journal of industry competition and trade. – 2007. – № 7. – P. 297-323.
7. Disruptive Technologies: Advances that will Transform Life, Business, and the Global Economy. – McKinsey Global Institute, 2013.
8. Steinmeier F. A growth programme for industrial renewal in Europe. – Friedrich-Ebert-Stiftung, Berlin. – 2012. – 193 p.
9. Toward knowledge-driven reindustrialisation. European Competitiveness Report. – Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2013. – 196 p.

Сведения об авторах

Акбердина Виктория Викторовна, д. э. н., профессор РАН, зав. кафедрой «Теории управления и инноваций» УрФУ, заведующая отделом региональной промышленной политики и экономической безопасности Института экономики УрО РАН, тел. 89655225450, e-mail: akb_vic@mail.ru

Гребенкин Анатолий Викторович, д. э. н., профессор, профессор кафедры «Теории управления и инноваций» УрФУ, ведущий научный сотрудник Института экономики УрО РАН, тел. 89122204618, e-mail: avgrebenkin48@yandex.ru

Akberdina V. V., Doctor of sciences in Economic, professor of Russian Academy of Sciences, Head at Department of «Theory of management and innovation» Ural Federal University, head at the department of regional industrial policy and economic security of the Institute of Economics, Ural Division, phone: 89655225450, e-mail: akb_vic@mail.ru

Grebenkin A. V., Doctor of sciences in Economic, professor of «Theory of management and innovation» Ural Federal University, Leading Researcher of the Institute of Economics, Ural Division of RAS, phone: 89122204618, e-mail: avgrebenkin48@yandex.ru

УДК 314

**К ВОПРОСУ ОБ УПРАВЛЕНИИ БЮДЖЕТНЫМИ ПРОЦЕССАМИ НА
МЕСТНОМ УРОВНЕ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН**
ISSUES OF MANAGEMENT OF A BUDGET PROCESS FOR A LOCAL LEVEL IN THE
REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Ж. К. Алтайбаева, А. А. Курманова, К. Р. Жунусбаева
G. K. Altaybaeva, A. A. Kurmanova, K. R. Gunusbaeva

Ключевые слова: межбюджетные отношения, регион, Казахстан, бюджетное регулирование
Key words: inter-budget relations, region, Kazakhstan, budget control

Проведен анализ межбюджетных отношений на примере экономики Казахстана. Они представляют собой денежные отношения между органами власти разных уровней по поводу разграничения на постоянной основе видов расходов и доходов, поступающих в бюджетную систему страны, и распределения (перераспределения) средств между бюджетами разных уровней в порядке бюджетного регулирования. Авторы предлагают четко распределить расходные функции между уровнями власти, закрепить соответствующие им источники финансирования, сформировать систему оказания финансовой помощи финансово неблагополучным регионам.

The analysis of intergovernmental relations by the example of Kazakhstan's economy. They represent the monetary relations between different levels of government on the delimitation of permanent types of expenditure and revenue coming into the budget system of the country, and distribution (redistribution) of funds between budgets of different levels in the order of budget management. The authors offer a clear division of expenditure functions between levels of government, fix the corresponding sources of funding, establish a system of financial assistance to financially disadvantaged regions.

Как известно, межбюджетные отношения представляют собой денежные отношения между органами власти, в основном, разных уровней по поводу разграничения на постоянной (долговременной без указания срока) основе видов расходов и доходов, поступающих в бюджетную систему страны, и распределения (перераспределения) средств между бюджетами разных уровней в порядке бюджетного регулирования. Они реализуются в любом государстве, которое имеет административно-территориальное деление, но развиваться они могут на основе разных принципов. Рассматриваемые в конкретно-исторических экономических условиях эти отношения преследуют *цель выбора наиболее эффективной модели межбюджетных отношений*. Для этого необходимо четко распределить расходные функции между уровнями власти, закрепить соответствующие им источники финансирования, сформировать систему оказания финансовой помощи финансово неблагополучным регионам.

Каждая страна по-своему решает задачу выбора модели межбюджетных отношений. Эффективность модели межбюджетных отношений, действующей в любом государстве, зависит от оптимального сочетания различных методов и форм бюджетного регулирования, которое осуществляется с помощью *горизонтального и вертикального бюджетного выравнивания*. В процессе вертикального бюджетного выравнивания устраняются несоответствия между расходными функциями бюджетов всех уровней и их доходными возможностями, то есть достигается сбалансированность всех звеньев бюджетной системы по вертикали. Распределению доходных источников должно предшествовать четкое разграничение расходных полномочий между органами власти. При горизонтальном выравнивании происходит территориальное перераспределение бюджетных средств от «богатых» регионов к «бедным», которое, как правило, осуществляется через финансовую помощь. Сочетание вертикального бюджетного выравнивания с горизонтальной сбалансированностью позволяет обеспечить примерно равный (нормативный) уровень потребления предоставляемых бюджетных услуг на всей территории государства.

Особенности межбюджетных отношений в зарубежных странах представляют для Республики Казахстан определенный интерес. Для их выявления и анализа сгруппируем страны ОЭСР, в основу чего положим такие признаки, как общие подходы к регулированию межбюджетных отношений и соотношение ролей центральной власти и субнациональных властей (табл. 1).

Таблица 1

Группировка стран ОЭСР по типам регулирования межбюджетных отношений

Группа	Страны	Тип государственного устройства	Количество стран	Характеристика Межбюджетных отношений
1	Австралия, Канада, США	Федеративное	3	Высокая степень самостоятельности региональных и местных властей
2	Австрия, Германия, Швейцария	Федеративное	3	Существенная степень автономии бюджетов и развитая система их сотрудничества
3	Дания, Норвегия, Швеция, Финляндия	Унитарное	4	Высокая доля участия местных органов власти в финансировании социал. расходов
4	Бельгия, Франция, Греция, Италия, Нидерланды, Португалия, Испания	Унитарное	7	Значительная финансовая зависимость регионов от центрального бюджета

Применяемые в зарубежных странах подходы к организации межбюджетных отношений характеризуются рядом общих черт, что позволяет говорить о действии общемировых процессов и тенденций, направленных на унификацию форм, а в ряде случаев и методов межбюджетных взаимоотношений. Ни одной стране пока не удалось создать такие механизмы бюджетного выравнивания, которые бы позволили в полной мере устранить горизонтальные бюджетные различия. Вместе с тем ученые отмечают, межбюджетные отношения в разных

странах имеют свои общенациональные и региональные особенности. В качестве примера возьмем три страны ОЭСР — США, Канаду и Австралию [1].

Специфика межбюджетных отношений в США состоит в четком разграничении расходных и доходных полномочий, приводящем к формированию самостоятельных налоговых систем трех уровней власти и автономному функционированию всех бюджетов. В США межбюджетные отношения между штатами и местными органами власти регулируются «правилом Дилона», но в отдельных случаях — «правилом дома». Согласно первому правилу местные органы власти пользуются полномочиями, делегируемыми им правительствами штатов. По «правилу дома», что на практике применяется редко, штаты предоставляют местным органам власти более широкие права вплоть до бюджетной автономии. Финансовая помощь из бюджета страны нижестоящим уровням власти предоставляется в форме бюджетных грантов, подразделяющихся на целевые и узкоцелевые, которые преобладают и предназначены для финансирования расходов штатов на здравоохранение, социальную поддержку, образование, занятость и профессиональную подготовку. Сегодня с помощью бюджетных грантов в США финансируются более 500 общегосударственных программ, учитывающих потребности штатов и территорий. Местные бюджеты еще в большей степени зависят от финансовой помощи вышестоящих бюджетов (доля трансфертов в среднем составляет около 45 %, в том числе доля трансфертов штатов — 36 %, доля правительства страны — 9 %).

Особенности механизма организации межбюджетных отношений в Канаде заключаются в системе трансфертов из специального фонда, сформированного на уровне бюджета страны. Финансовая помощь бюджетам канадских провинций предоставляется на основе программно-целевого подхода по трем основным общегосударственным программам: программа развития здравоохранения и социальной помощи; программа выравнивания уровня предоставляемых бюджетных услуг в менее обеспеченных провинциях; программа территориального финансирования северных территорий.

Основой межбюджетных отношений в Австралии служит четкое разделение расходных полномочий между центральной властью и властями штатов. Особенностью такого разграничения является то, что социальная защита населения находится исключительно в ведении правительства страны. Заметим, что в других странах ОЭСР обеспечение социальных гарантий населению в большинстве своем относится к компетенции региональных и местных органов власти. В Австралии действует единая налоговая система, ограничивающая права штатов, в силу чего центральный бюджет аккумулирует около 80 % всех налогов. Это позволяет правительству страны сохранять жесткий контроль над государственными расходами и проводить политику бюджетного выравнивания предоставлением штатам субсидий. Что же касается неожиданных изменений мировой конъюнктуры рынка, то для преодоления возникающих финансовых трудностей штатам временно предоставляются специальные субсидии.

Изучение зарубежного опыта межбюджетных отношений определяется не столько степенью централизации (децентрализации) бюджетной системы, наличием или отсутствием регулирующих налогов, долями доходов (расходов) правительства страны и объемом и способами передачи финансовой помощи, сколько четко установленной и сбалансированной системой всех этих факторов, которая соответствует особенностям каждого государства [2]. Как правило, более высокая централизация бюджетной системы и больший объем перераспределяемых бюджетных средств характерны для стран с высокой степенью неравенства бюджетной обеспеченности между уровнями власти [3].

Существующие сегодня в мировой практике попытки создать оптимальную модель межбюджетных отношений имеют огромное значение для независимого Казахстана. Учитывая богатый опыт других стран и критически его переосмысливая, наша страна выстраивает собственную модель межбюджетных отношений, где особая роль отводится *местным бюджетам*.

В современных условиях бюджетные процессы характеризуются расширением и усложнением экономических функций местных органов власти, которые наделены

определенными полномочиями в отношении финансовых ресурсов для обеспечения жизнедеятельности территориальных образований. Они обеспечивают удовлетворение основных жизненных потребностей населения в сферах, отнесенных к ведению местных образований, на уровне не ниже минимальных государственных социальных стандартов. От данного уровня власти зависит успех всех экономических реформ в стране, стабильность всего казахстанского общества и будущее государства.

Для выполнения своих функций местные представительные и исполнительные органы наделяются определенными имущественными и финансово-бюджетными правами. Решение большого количества возложенных задач требует от местных органов власти иметь источники доходов. К таким источникам, в первую очередь, относятся местные бюджеты. В широком смысле местные бюджеты представляют собой «особую систему денежных отношений, возникающих в процессе распределения и перераспределения стоимости валового внутреннего продукта и национального дохода путем аккумуляции ее части в распоряжении местных органов власти и управления и использования в соответствии с возложенными функциями» [4].

Сущность местного бюджета как экономической категории реализуется через распределительную функцию. Распределительная функция заключается в том, что благодаря ей происходит концентрация денежных средств у органов местных исполнительных органов и их использование с целью удовлетворения социально-экономических потребностей на подведомственной им территории [5]. Сфера деятельности этой функции определяется тем, что в отношении с местным бюджетом вступают все участники общественного производства, как юридические, так и физические лица (на подведомственной территории).

Местные бюджеты особо значимы с точки зрения обеспечения комплексного развития территории, повышения жизненного уровня ее населения. Как звено консолидированного на уровне республики бюджета, они являются важным инструментом воздействия на развитие экономики страны в целом и социальной сферы в частности. С их помощью государство совершенствует структуру общественного производства, оказывает положительное влияние на результаты хозяйствования, осуществляет необходимые социальные преобразования [6].

Состояние местных бюджетов, как самостоятельной части бюджетной системы, зависит от влияния ряда факторов:

- социально-экономического положения в стране;
- экономического потенциала соответствующей территории;
- совершенства государственного законодательства, регулирующего права и обязанности местных органов власти и управления;
- степени компетенции местных органов власти и управления в реализации предоставленных им прав [7].

Обеспечение стабильности местных бюджетов возможно при высокопрофессиональном уровне управления бюджетными процессами. Соответствие требованиям, предъявляемым к качеству исполнения местных бюджетов, определяется способностью местных органов в рамках конкретного финансового периода и конкретной территории обеспечить баланс доходов и расходов. Однако в современных условиях этого, на наш взгляд, уже недостаточно. Сегодня важно, чтобы каждый бюджетный тенге, направленный на развитие территории, был эффективно использован: оправдан приростом капитала, способствовал экономии прошлого труда, улучшению условий жизни местного населения.

В Республике Казахстан местные бюджеты (бюджеты административно-территориальных единиц) представлены областными бюджетами, бюджетами города республиканского значения и столицы, районными бюджетами [8]. Состав и структура поступлений и расходования средств на местном уровне зависят от наличия производственных объектов, природных ресурсов, объектов социальной и бытовой инфраструктуры, статуса единицы, плотности населения, природно-климатических условий и т. д. В рамках настоящей статьи рассмотрим структуру местного бюджета на примере бюджета г. Павлодара, формирование которого представлено в табл. 2 [9].

Формирование бюджета Павлодарской области в 2013–2014 гг. (млн тенге)

Наименование города, района	Всего		в том числе:									
	2013 г.	2014 г.	республиканский бюджет		местный бюджет				в том числе:			
									областной бюджет		городской (районный) бюджет	
			2013 г.	2014 г.	2013 г.	Доля в проц.	2014 г.	Доля в проц.	2013 г.	2014 г.	2013 г.	2014 г.
г. Павлодар	105625,5	90765,5	67396,1	46355,2	38229,3	56,5	44 410,2	56,0	9986,5	12 925,7	28242,8	31484,5
г. Экибастуз	56045,6	52892,2	39450,6	33030,6	16595,0	24,5	19 861,6	25,0	8660,9	9 326,9	7934,1	10534,7
г. Аксу	17567,1	13693,2	9845,3	5089,6	7721,9	11,4	8 603,6	10,8	2862,9	3 576,5	4859,0	5027,1
Актогайский	273,5	328,9	16,4	23,8	257,1	0,4	305,1	0,4	20,2	23,7	236,8	281,4
Баянаульский	2460,0	2 287,6	1402,9	1035,5	1057,2	1,6	1 252,1	1,6	170,3	228,8	886,9	1023,3
Железинский	561,7	702,6	64,2	116,2	497,5	0,7	586,4	0,7	31,6	47,5	465,9	538,9
Иртышский	483,6	548,6	92,5	110,5	391,1	0,6	438,2	0,5	42,2	43,0	348,9	395,2
Качирский	496,2	556,4	68,3	66,2	427,8	0,6	490,1	0,6	38,2	54,6	389,6	435,5
Лебяжинский	345,7	372,2	25,2	15,1	320,4	0,5	357,2	0,4	41,7	40,9	278,7	316,3
Майский	403,0	483,4	22,8	25,2	380,2	0,6	458,2	0,6	32,3	46,7	347,9	411,5
Павлодарский	661,5	719,6	133,1	123,1	528,4	0,8	596,5	0,8	31,4	41,9	497,0	554,6
Успенский	317,4	357,9	47,5	69,1	270,0	0,4	288,7	0,4	29,0	36,2	241,0	252,5
Щербактинский	552,6	631,1	99,3	118,2	453,3	0,6	512,9	0,6	54,3	65,4	399,0	447,5
Областной бюджет	1157,7	2133,7	604,9	921,5	552,8	0,8	1 212,3	1,5	552,8	1212,3	0,0	0,0
Итого по области	186951,1	166472,9	119269,1	87099,8	67682,0	100	79 373,1	100	22554,3	27670,1	45 127,6	51703,0

Примечание: составлено по данным программы развития территории Павлодарской области на 2011–2015 гг.

Как видно из табл. 2, бюджет Павлодарской области включает в себя 14 самостоятельных бюджетов. Наибольшая доля средств формирования местного бюджета приходится на областной центр (56,5 % в 2013 году и 56,0 % в 2014 году соответственно). При этом следует подчеркнуть, что в 2013 году на 73,9 % местный бюджет г. Павлодара сформирован из собственных источников (28 242,8/38 229,3), а в 2014 году — на 70,9 % (31 484,5/44 410,2). Суммарное значение средств бюджета г. Павлодара увеличилось с 28 242 млн тенге до 31 484 млн тенге.

Важную роль в доходах местных бюджетов играют именно местные налоги. Объем налогов, поступающих в местные бюджеты, зависит от степени развития производства, предпринимательства, инвестиционной активности, структурной перестройки экономики регионов. Наибольший удельный вес в источниках поступления бюджетных средств г. Павлодара (90 %) приходится на налоговые поступления. Основными бюджетобразующими налогами в структуре собственно доходной части местного бюджета являются индивидуальный подоходный налог, внутренние налоги на товары, работы и услуги, а также налоги на собственность (табл. 3).

Так, за рассматриваемый период доля подоходного налога составила 30,7 % в 2013 году и 46 % в 2014 году. Постепенное увеличение доли этого дохода произошло из-за превышения темпа роста суммы по данной статье над темпом роста общей суммы поступления в бюджет.

Что касается доли неналоговых поступлений, то она относительно невелика и составила в 2013–2014 гг., соответственно, 1,8 % и 2,9 %. Их рост, по нашему мнению, связан с возвратом неиспользованных средств, ранее полученных из местного бюджета, то есть с поступлениями, имеющими разовый характер, не зависящий от налогового администрирования. Кроме этого, данные средства подлежат возврату в вышестоящие бюджеты.

Таблица 3

Источники формирования бюджета г. Павлодара 2012 – 2014 годы (млн тенге)

Наименование показателей	2013 г.				За 2014 год				факт 14 / 13 г.
	План	Факт	Факт. доля в %	Процент исполн.	План	Факт	Факт. доля в %	Процент исполн.	откл., процент
Налоговые поступления — всего	26127	26297	93,1	100	27974	28333	90	101	108
Подоходный налог	8435	8673	30,7	102	14216	14474	46,0	101	167
Социальный налог	6115	6115	21,7	100	—	—			
Налог на имущество	2859	2933	10,4	102	3166	3180	10,1	100	108
Земельный налог	538	551	2,0	102	489	492	1,6	100	89
Налог на транспортные средства	970	1015	3,6	104	862	881	2,8	102	87
Ед. земельный налог	—	0,1	0,0		—	0,2	0,0		200
Внутренние налоги на товары, работы и услуги	6876	6675	23,6	97	8842	8887	28,2	100	133
Прочие налоги	—	—			3	3	0,0		
Государственная пошлина	331	333	1,1	100	394	412	1,3	104	124
Неналоговые поступления	482	507	1,8	105	903	918	2,9	101	181
Итого по налоговым и неналоговым поступлениям	26610	26805	94,9	100	28877	29251	92,9	101	109
Поступления от продажи основного капитала	1415	1437	5,1	101	2236	2232	7,1	99	155
Итого доходов	28025	28242	100	100	31114	31484	100	101	111

При анализе источников формирования городского бюджета обращает на себя внимание снижение динамики роста по доходам от использования государственной собственности местными исполнительными органами города на сумму 1,2 млн тенге. Отклонение фактических данных по статьям источников поступления от плановых значений на протяжении рассматриваемого периода незначительно, в пределах от 1 до 4 % в сторону перевыполнения. В 2014 году общее отклонение фактических поступлений в местный бюджет г. Павлодара от плановых составило 1 % или 370 млн тенге. Доходная часть бюджета города на 2014 год в процессе его исполнения уточнялась пять раз, в том числе по собственным инициативам три раза. Большой объем увеличения годового плана поступлений бюджета города при его уточнениях на 2014 год приходится на целевые трансферты, кредиты из вышестоящего бюджета и собственные доходы. В целом по итогам 2014 года собственно доходная часть городского бюджета была исполнена на 101,2 % (31 484,5 млн тенге). По сравнению с прошлым годом он увеличился на 5 012,3 млн тенге.

Исполнение плана налоговых и неналоговых поступлений, а также их перевыполнение, носят субъективный характер, что в большей степени связано:

□ по налоговым поступлениям — с произведенными авансовыми платежами крупных предприятий города по подоходному налогу, налогу от подакцизных товаров в счет 2015 года в сумме 1 529,4 млн тенге;

□ по неналоговым — с занижением планового объема поступлений при их утверждении на 2014 год.

Напряженное состояние местных бюджетов свидетельствует о необходимости совершенствования управления бюджетными процессами, основанного на реализации следующих принципов: принципа результативности, принципа самостоятельности бюджета, принципа эффективности, принципа ответственности, принципа адресности и целевого характера бюджетных средств. Добиться эффективности управления местными бюджетами и качества предоставляемых местными государственными службами общественных услуг населению, на наш взгляд, возможно при условии повышения финансовой самостоятельности местных исполнительных органов, в том числе расширения налоговых и бюджетных полномочий местных исполнительных органов. Самостоятельность бюджетов обеспечивают закрепленные законом источники доходов всех звеньев бюджетной системы и право

использовать бюджетные средства по усмотрению соответствующего органа власти в пределах полномочий, определенных законами страны [10]. Под самостоятельностью бюджета понимается положение, когда орган регионального управления на основе закрепленной доходной базы сам определяет объем бюджета, конкретную структуру и величину доходов и расходов по статьям.

Управление местными бюджетами проявляется посредством организации бюджетных процессов: планирования бюджета, формирования и исполнения бюджета, контроля.

На основании изложенного выше, мы определяем управление местными бюджетами, как основывающееся на принципах бюджетного кодекса Республики Казахстан принятие решений по планированию, утверждению, исполнению, контролю бюджетных средств и организации их реализации на местном уровне.

Бюджетный процесс в местном звене по определению аналогичен всем видам бюджетов — это регламентированная законодательством деятельность органов власти и управления по планированию, рассмотрению, утверждению, исполнению, уточнению и корректировке, ведению бюджетного учета и отчетности, государственному финансовому контролю, бюджетному мониторингу и оценке результатов. Исходя из этого, по нашему мнению, анализ механизма управления местным бюджетом необходимо проводить с точки зрения его функциональных связей в области планирования, формирования, исполнения и контроля, которые представлены на рис. 1.

Недостатки в управлении бюджетными средствами города, в первую очередь, являются результатом невыполнения установленных правил формирования и исполнения бюджета. Основываясь на итогах работы ревизионной комиссии и инспекции финансового контроля в 2013–2014 гг., можно установить наиболее распространенные виды финансовых нарушений, допускаемые при бюджетном планировании на местном уровне:

□ некачественное стратегическое и бюджетное планирование, равно как и формальное определение стратегических целей, задач, прямых и конечных результатов;

□ несоблюдение принципов бюджетной системы, а именно, обоснованности и своевременности при утверждении и уточнениях налоговых поступлений в бюджет города, что приводит к привлечению авансовых платежей;

□ низкая эффективность деятельности администраторов бюджетных программ, что приводит к неполному освоению бюджетных средств и невыполнению принятых ими обязательств.

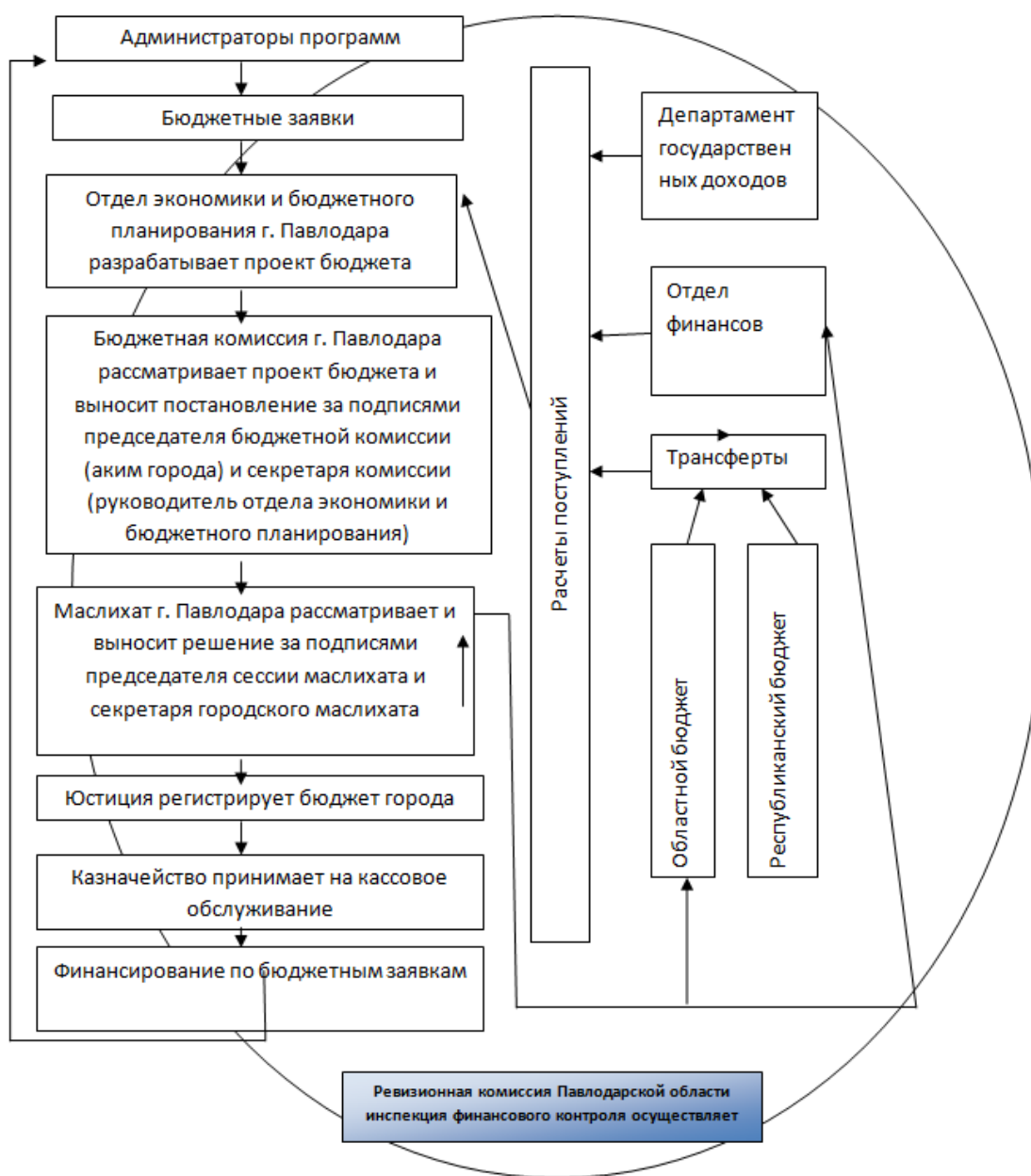

Рис. 1. Функциональные связи при планировании, формировании, исполнении и контроле местного бюджета

Бюджет несет определенные потери и вследствие неэффективного управления активами государства, слабого контроля со стороны местных исполнительных органов, в том числе из-за неисполнения условий заключенных договоров землепользования со стороны уполномоченного органа; нарушения порядка предоставления права на земельные участки в части сроков заключения договоров аренды земельных участков; нарушения по закреплению или передаче эксплуатирующим организациям вновь построенных инженерных сетей; несвоевременного внесения изменений в заключенные договоры имущественного найма и доверительного управления городскими коммунальными сетями в части увеличения стоимости переданного имущества [11].

Эти нарушения ведут к потерям и несвоевременности поступлений средств в городской бюджет.

Целью управления бюджетными средствами является не только эффективное распоряжение ими, но и увеличение доходной части бюджета. Одной из предпосылок увеличения финансового обеспечения региона является эффективное использование коммунального имущества. Местными исполнительными органами города, по нашему мнению, не в полной мере используются предусмотренные законодательством возможности для пополнения доходной части бюджета. Так, например, в г. Павлодаре при расчетах размера годовой арендной платы за временное землепользование уполномоченный орган не использует максимально допустимые пределы ставок в отношении крупных субъектов бизнеса, а также не рассматривает увеличение поправочных коэффициентов к базовой ставке с 1,3 до 1,5 земельного налога для объектов недвижимости, по значимости и полноте оценки воздействия на окружающую среду относящихся к объектам 1 категории.

Для устранения этих и других недостатков управления бюджетными средствами считаем необходимым:

обеспечивать полноценный учет и мониторинг поступлений в бюджет средств от аренды коммунальной собственности и имущества, переданного в доверительное управление, других источников пополнения местного бюджета;

определить ответственность администраторов программ по принятию обязательств только под имеющуюся нормативную базу для реализации мероприятий и не допускать принятие дополнительных обязательств без обеспечения их источниками финансирования;

повышать квалификационный уровень финансовых работников бюджетных организаций, финансируемых из бюджета города;

активизировать работу по сокращению дебиторской и кредиторской задолженности, в том числе просроченной, недопущению ее роста и образования в дальнейшем;

разрабатывать и исполнять бюджет, ориентируясь на достижение прямых и конечных результатов, исходя из необходимости наилучшего и эффективного достижения социально-экономических целей местного бюджета.

усилить контроль исполнения подрядными организациями принятых договорных обязательств по выполнению ими работ и услуг;

обеспечить своевременное принятие мер гражданско-правовой ответственности за ненадлежащее исполнение договорных обязательств и норм действующего законодательства о государственных закупках.

Перечисленные проблемы, связанные с протеканием бюджетных процессов в регионе и республике в целом, требуют своего незамедлительного решения на основе глубокого анализа и способности органов местной власти отвечать новым вызовам экономических реалий.

Список литературы

1. Бюджетная система Российской Федерации / Под ред. О. В. Врублевской, М. В. Романовского. – М.: 2005. – С. 572-579
2. Борескова Е. В., Китова Е. Н. Некоторые особенности межбюджетных отношений на субфедеральном и местном уровнях // Финансы и кредит. – 2000. – № 5.
3. Яшин С. Н., Яшина Н. И. Некоторые аспекты анализа бюджетного потенциала муниципальных образований // Финансы и кредит. – 2013. – № 5 (119).
4. Омирбаев С. М. Бюджетная система Республики Казахстан. – Астана: ИД «Сарыарка». – 2007. – 488 с.
5. Курляндская Г. В. Актуальные вопросы межбюджетных отношений и формирования местного бюджета // Финансы и кредит. – 2013. – № 10.
6. Поляк Г. Б. Финансовые проблемы развития регионов // Финансы и кредит. – 2011. – № 9.
7. Поляк Г. Б. Анализ территориальных бюджетов // Финансовый бизнес. – 2008. – № 11-12.
8. Бюджетный кодекс Республики Казахстан, № 95-IV ЗРК, 2008 [Электронный ресурс]
9. Программа развития территории города Павлодара на 2011-2015 годы. – Павлодар: 2015 [Электронный ресурс]
10. Утибаев Б. С., Жунусова Р. М., Саткалиева В. А. Государственный бюджет / Под общ. ред. Б. С. Утибаева. – Алматы: Экономика. – 2006. – 412 с.
11. Отчет ревизионной комиссии по Павлодарской области за 2012–2014 годы.

Алтайбаева Жанат Калеловна, к. э. н., Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, Казахстан, e-mail: zhanat.ka@mail.ru

Курманова Айнагуль Амангельдиновна, магистр экономических наук, член ревизионной комиссии по Павлодарской области, г. Павлодар, Казахстан, e-mail: aika-k072@mail.ru

Жунусбаева Кымбат Ризабековна, магистр экономических наук, Инновационный Евразийский университет, г. Павлодар, Казахстан, e-mail: g.kima1991@mail.ru

Altaybaeva G. K., Candidate of Sciences in Economic, Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Kazakhstan, e-mail: zhanat.ka@mail.ru

Kurmanova A. A., Master of Economics, Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Kazakhstan, e-mail: aika-k072@mail.ru

Gunusbaeva K. R., Master of Economics, Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Kazakhstan, e-mail: g.kima1991@mail.ru

УДК 316.334.52 (571.12-13)

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОМФОРТНЫХ УСЛОВИЙ
ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ
АВТОРСКИХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**
ISSUES OF FORMATION OF RURAL'S COMFORTABLE CONDITIONS OF THE SOUTH
OF THE TYUMEN REGION (BASED ON THE RESULTS THE
COPYRIGHT SOCIOLOGICAL RESEARCH)

М. Л. Белоножко, Ю. М. Конев, А. Л. Колтунов
M. L. Belonozhko, U. M. Konev, A. L. Koltunov

Ключевые слова: сельское хозяйство; социологическое исследование; агропромышленный комплекс; сельское население; комфортная среда жизнедеятельности; инфраструктура
Key words: farming; sociological research; agriculture; rural population; liveability; infrastructure

В статье представлен анализ результатов социологического исследования по проблемам оценки условий жизнедеятельности сельского населения Юга Тюменской области, на основе чего были выявлены основные направления создания комфортной среды жизнедеятельности сельян.

The paper presents the analysis of the results of sociological research on assessment of living conditions of the rural population of the South of the Tyumen region. On this basis, the main directions of creating a comfortable environment of life of the rural population were identified.

Анализ опыта развитых западных стран позволяет констатировать тот факт, что учет мнения сельских жителей при реформировании, поддержка и помощь в развитии сельскохозяйственного производства ведут к тому, что товаропроизводитель сельскохозяйственной продукции, чувствуя заинтересованность в выпуске продукции собственного производства, сам добивается больших успехов и начинает кормить не только себя и свою семью, но и все большее количество городских жителей, что и способствует решению продовольственной проблемы. Организация такой помощи и поддержки государственных структур предопределяет улучшение условий жизнедеятельности сельских жителей, повышение их социально-экономической активности, высокий уровень и качество сельскохозяйственного труда и сельскохозяйственной продукции. Поэтому решение проблем организации комфортной жизнедеятельности сельского населения как основы развития сельского хозяйства в российских регионах важно на современном этапе развития российского общества.

Очевидно, что комфортная среда жизнедеятельности определяется в первую очередь эффективной производственной инфраструктурой и ее развитием. Достаточно интересно, что, отмечая наиболее приоритетные проблемы, тормозящие развитие сельского хозяйства, эту проблему все респонденты поставили на последнее место, хотя развитая инфраструктура необходима как для улучшения условий труда (а это важно, по мнению селян), так и для решения актуальной, по оценке респондентов, проблемы с реализацией продукции (см. рис. 1).

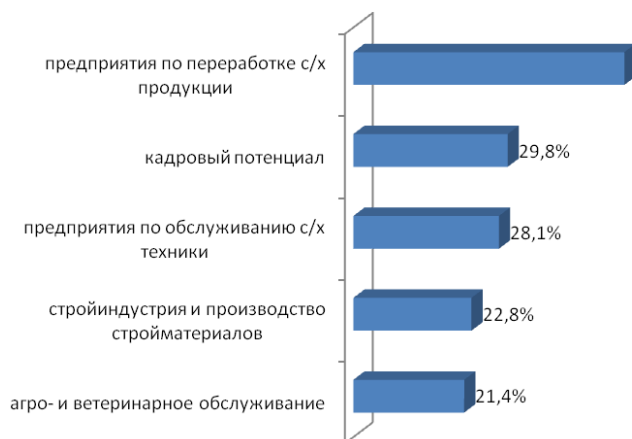

Рис. 1. Потребность в компонентах производственной инфраструктуры в 2015 г. (в % к числу опрошенных)

Предприятия по переработке продукции — наиболее важный компонент производственной инфраструктуры в сельском хозяйстве.

Результаты исследования показывают, что на современном этапе одним из основных факторов развития сельскохозяйственного производства является кадровый вопрос. Если, с одной стороны, это можно оценивать, как позитивный факт, то есть сельские жители начинают осознавать необходимость привлечения в деревню квалифицированных кадров, и считают это основным условием развития сельскохозяйственного производства, то, с другой стороны, это может свидетельствовать о массовом оттоке из производства специалистов в силу крайне неблагоприятных условий жизнедеятельности на селе.

Следующий срез ответов респондентов касался уровня их жизни. Опрос был проведен по различным факторам (см. табл. 1).

Таблица 1

Оценка респондентами условий жизни на селе (в % к числу опрошенных)

Условия жизни	Хорошие	Нормальные	Плохие	Затрудняюсь ответить
Материальное положение	13,1	53,0	31,3	2,6
Возможность заработка	9,3	38,3	44,6	7,9
Карьерный рост	8,5	37,4	44,6	13,3
Питание	26,4	61,7	9,5	2,3
Жилищно-коммунальное обслуживание	11,7	45,5	38,4	4,6
Торговое обслуживание	13,9	68,8	20,2	5,0
Бытовое обслуживание	10,3	45,5	38,0	6,2
Социальное обслуживание (пенсии, пособие)	10,8	46,3	31,5	11,4
Образование детей	14,4	54,9	24,3	6,4
Досуг	8,5	39,4	44,4	7,7
Культурное развитие	8,8	38,8	41,7	10,7
Безопасность жизни	9,6	49,6	30,7	10,0
Жизненные перспективы	10,5	35,3	38,1	16,1

Так, наибольшее неудовлетворение у сельских жителей вызывают следующие элементы их жизнедеятельности:

- отсутствие возможности дополнительного заработка;
- отсутствие карьерного роста;

- плохая организация досуга;
- отсутствие условий культурного развития;
- отсутствие жизненных перспектив.

Видимо, объективен тот факт, что больше всего сомнений у опрошенных селян вызвал вопрос об оценке своих жизненных перспектив — 16,1 % затруднились оценить свое будущее. Также не готовы оценить возможность карьерного роста 13,3 % и уровень социального обслуживания 11,4 % респондентов. Последние являются молодыми людьми, и они не достаточно четко понимают, что включает в себя социальное обеспечение различных групп населения. Мнение относительно жилищно-коммунального бытового обслуживания, проведения досуга разделилось поровну: одни считают их удовлетворительными, другие — плохими.

Эксперты тоже оценивали отдельные элементы условий жизнедеятельности сельских жителей (см. табл. 2).

Почти все эксперты считают, что ни один из элементов жизнедеятельности селян не может быть оценен как хороший. Исключение составляют только торговое обслуживание (хорошим его считает 17,5 % экспертов), социальное обслуживание (17,2 %) и, как ни парадоксально, 14,9 % экспертов отмечают хорошие условия сельскохозяйственного труда, что прямо противоположно мнению самих сельских тружеников.

Совпадает мнение экспертов с мнением сельских жителей о том, что материальное положение крестьян нельзя назвать ни хорошим, ни удовлетворительным. Также они оценивают негативно условия для отдыха на селе.

Таблица 2

Оценка экспертами существующих условий жизни на селе (в % к числу опрошенных)

Условия	Хорошо	Нормально	Плохо	Затрудняюсь ответить
Материальное положение	9,3	26,8	61,9	2,1
Возможность заработка	7,4	27,7	60,6	4,3
Возможность повысить квалификацию	6,4	40,4	47,9	3,3
Условия сельскохозяйственного труда	14,9	43,6	36,2	3,3
Жилищно-коммунальное обслуживание	9,7	39,8	44,1	6,5
Торговое обслуживание	17,5	55,7	24,7	2,1
Бытовое обслуживание	8,5	41,5	44,7	5,3
Социальное обслуживание	17,2	50,5	28,0	4,3
Медицинское обслуживание	6,3	40,0	49,5	4,2
Транспортное обслуживание	8,6	28,0	59,1	4,3
Воспитание и образование детей	6,2	42,7	47,9	3,1
Условия для отдыха и проведения досуга	4,2	32,3	60,4	3,1
Безопасность жизни	9,9	47,3	31,9	11,0

Только 9,9 % экспертов, считают, что на селе есть все условия для обеспечения безопасности жизни людей, остальные признают полное отсутствие условий для обеспечения личной безопасности.

Таким образом, в процессе социологического исследования были выявлены наиболее насущные проблемы сельского населения юга Тюменской области и определены основные направления для достижения комфортности проживания на селе. В первую очередь это улучшение медицинских учреждений по месту жительства. Вторым условием, по оценкам респондентов, является активация коммунально-бытового обслуживания на селе. Создание условий для полноценного образования детей, в том числе и отказ от интерактивных форм обучения, стоит на третьем месте (рис. 2).

Рис. 2. Условия, необходимые для комфортного проживания на селе (в % к числу опрошенных)

Эксперты, в свою очередь, оценили условия для достижения комфортности жизнедеятельности сельского населения следующим образом (табл. 4).

Таблица 4

Оценка экспертами условий, необходимых для достижения комфортности проживания в сельской местности

Условия	%	Балл
Устранение изолированности сельских поселений за счет разводов сети дорог	40,6	1
Создание условий для полноценного образования детей	28,7	2
Обеспечение первичного медицинского обслуживания	24,8	3
Активизация коммунально-бытового обслуживания	5,9	5
Развитие торговой сети	6,9	4
Создание условий для отдыха и досуга	3,0	6

Мнение экспертов резко отличается от мнения сельских жителей относительно наиболее важного условия комфортности проживания на селе. Так, если сельские жители больше всего озабочены своим здоровьем из-за отсутствия медицинской помощи, то эксперты считают самым важным устранение изолированности сельских поселений развитием транспортной системы. На второе место эксперты ставят необходимость создания условий для образования детей на уровне, при котором были бы обеспечены равные условия с городскими школами, а на третье — обеспечение сел хотя бы первичной медицинской помощью.

А вот повышение качества коммунально-бытового обслуживания, на взгляд экспертов, не является тем необходимым условием, при котором резко повысится уровень социальной инфраструктуры села.

В качестве основных направлений для достижения комфортности жизнедеятельности сельского населения на основе анализа результатов проведенного социологического исследования предлагаем следующие мероприятия: повышение уровня доходов; обеспечение материального благосостояния; улучшение условий труда, проживания и быта, транспортного обслуживания; развитие коммуникационной сети; улучшение медицинского, культурного обслуживания и условий воспитания и образования детей; эффективная организация отдыха и досуговой деятельности; развитие социальной и производственной инфраструктуры; реализация социального обеспечения.

Таким образом, реализация обозначенных мероприятий создаст все условия для решения проблем жизнедеятельности сельского населения, обеспечит решение

продовольственной проблемы, то даст возможность достигнуть качественного уровня жизни селян.

Таким образом, реализация обозначенных мероприятий создаст все условия для решения проблем жизнедеятельности сельского населения, обеспечит решение продовольственной проблемы, что даст возможность селянам достичь качественного уровня жизни.

Список литературы

1. Белоножко М. Л., Барбаков О. М., Конев Ю. М. Социальные настроения сельских жителей юга Тюменской области // Социологические исследования. – 2016. – № 3.
2. Белоножко М. Л., Барбаков О. М. Модели аграрных преобразований в Тюменской области // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2013. – № 3.
3. Белоножко М. Л., Барбаков О. М. Социальное самочувствие сельского населения северного региона России // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 10 часть 11
4. Конев Ю. М., Белоножко М. Л., Барбаков О. М. Эффективность взаимодействия властных структур и сельского населения Тюменской области (по результатам социологического исследования) // Материалы III Тюменского социологического форума «Модернизационный потенциал и социальные практики — основа конкурентоспособности и консолидации российских регионов», 3–4 октября 2013. / Под ред. М. М. Акулич, Г. С. Корепанова. – Тюмень: Тюменская областная Дума, ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», 2013.

Сведения об авторах

Белоножко Марина Львовна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, тел. +7(908)8734449, e-mail: mlb@inbox.ru

Конев Юрий Михайлович, д. с. н., профессор, депутат Тюменской областной думы, тел. +79199534069, e-mail: filippovana@duma72.ru

Колтунов Анатолий Львович, к. с. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, тел. +7(922)4811815, e-mail: astra_gp@mail.ru

Belonozhko M. L., Doctor of Science in Sociological Sciences, Head of Marketing and Municipal Management Department, Industrial University of Tyumen, phone: +7(908)8734449, e-mail: mlb@inbox.ru

Konev Y. M., Doctor of Science in Sociological Sciences, Professor, Deputy of the Tyumen Regional Duma, phone: +79199534069, e-mail: filippovana@duma72.ru

Koltunov A. L., Candidate of Science in Sociological Sciences, Associate Professor of Marketing and Municipal Management Department, Industrial University of Tyumen, phone: +7(922)4811815, e-mail: astra_gp@mail.ru

УДК 354

ОЦЕНКА ЗНАЧИМОСТИ УСЛОВИЙ ВЕДЕНИЯ БИЗНЕСА, ФОРМИРУЕМЫХ РЕГИОНАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ ASSESSMENT OF BUSINESS CONDITION'S RELEVANCE, CREATED BY REGIONAL AUTHORITIES

А. А. Бикташев
A. A. Biktashev

Ключевые слова: государственное регулирование; условия ведения бизнеса; качество регулирования; стимулирование; инструменты; факторы; регионы России
Key words: state regulation; business environment; quality of regulation; stimulation; tools; factors; Russian regions

Целью данной работы является сравнение условий ведения бизнеса, формируемых региональными властями и выявление их значимости. Для проверки гипотезы о наличии зависимости показателей развития бизнеса от условий его ведения, формируемых региональными властями, были использованы такие методы как статистический анализ информации, корреляционный анализ данных, сравнение, обобщение, описание. В ходе исследования было установлено, что ни один из регионов не имеет одинаково высоких результатов по всем показателям условий ведения бизнеса. Проведение корреляционного анализа, позволило утверждать, что наша

гипотеза подтвердилась. Факт наличия связи между условиями ведения бизнеса и результатами его деятельности свидетельствует о том, что региональные власти действительно имеют возможность формировать благоприятные условия ведения предпринимательства. При принятии практических решений могут быть использованы результаты данной работы. С их помощью могут быть выявлены причины плохих результатов региона по тому или иному социально-экономическому показателю, и выбрано направление, по которому должны улучшаться условия ведения бизнеса. Для создания таких условий могут быть использованы как «Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ», так и другие подобные исследования. Изложенные в них успешные практики могут быть адаптированы и использованы в других регионах.

The objective of this study is comparison of the business environment generated by the regional authorities and identify of its significance. To test the hypothesis that the development of business indicators depends on the conditions of reference, formed by the state authorities such methods as statistical analysis and correlation analysis of data, comparison, generalization and description was used. The study determined that none of the regions has any equally good results on all indicators of the business environment. The results of correlation analysis allows us to say that our hypothesis confirms. The fact of the connection between the business environment and the results of its activities suggests that the state authorities do have the ability to developing an enabling environment for business. State authorities are able to use the results of this work for practical solutions. This results can help to identify causes of negative results in the region on particular socio-economic indicators and select the way of improvement the business environment. To create such environment the "National Rating of the State's Investment climate of Russian regions" or other similar studies can be used. Contained therein experience of success can be adapted and used in other regions.

Одной из целей нашего государства является развитие малого и среднего бизнеса. Однако это невозможно без учета того, насколько условия ведения предпринимательства в разных регионах обуславливают фактическое развитие бизнеса в них [5]. Лишь с учетом данных показателей возможно проведение мер по улучшению развития бизнеса в проблемных регионах и в целом по стране.

Цель данной работы — сравнение условий ведения бизнеса, формируемых региональными властями и выявление их значимости.

Для достижения поставленной цели потребовалось решить следующие задачи:

- выявить факторы, влияющие на бизнес;
- определить показатели, по которым будет проводиться анализ;
- раскрыть методику определения показателей;
- провести сравнение условий ведения бизнеса в регионах;
- разработать методику проведения анализа значимости этих условий;
- проверить наличие связи между условиями ведения бизнеса и его фактическими результатами деятельности.

В качестве гипотезы выступило предположение о наличии зависимости показателей развития бизнеса от условий его ведения, формируемых региональными властями.

Основными методами исследования являются теоретический анализ источников, статистический и системный анализ информации, корреляционный анализ данных, сравнение, обобщение, описание.

Рассмотрев текущее состояние малого и среднего бизнеса в России, мы убедились, что он значительно уступает по показателям своего развития многим странам [7]. В связи с этим необходимо стимулировать его развитие на федеральном уровне и в регионах, в особенности в тех, где бизнес развит меньше всего [2].

На сегодняшний день существует множество исследований, рассматривающих условия ведения бизнеса в регионах, начиная с Ежегодной оценки министерства экономики и заканчивая докладами исследовательских институтов, однако, часто их результаты отличаются из-за рассмотрения разных регионов, различных показателей и методов оценки [4].

Сравнение данных исследований позволило выявить основные факторы, имеющие влияние на развитие бизнеса.

Наиболее полно данные факторы включены в систему показателей исследования Агентства стратегических инициатив «Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ».

Кроме того, рейтинг является наиболее полным и актуальным по критериям сравниваемых регионов и времени проведения. Поэтому было решено использовать данный рейтинг для рассмотрения условий ведения бизнеса в регионах, а также проверки зависимости степени развития бизнеса от этих условий.

Рассмотрение методологии рейтинга показало, что по сравнению с другими исследованиями методология прозрачна и объективна, недорога и независима от внешних воздействий. Это подтверждает, что данное исследование может быть использовано в нашей работе.

Помимо методологии, важно было учитывать то, каким образом представлены итоговые результаты исследования. Они представлены в двух различных форматах. Более высокий уровень занимает рейтинг регионов по интегральному индексу. На более низком уровне имеется 4 рейтинга по каждому из направлений оценки. На обоих уровнях субъекты ранжированы от имеющих больший индекс к имеющим — меньший. В соответствии с набранными значениями регионы разбиваются на 5 групп.

С учетом методики представления итогов рейтинга, для выявления зависимости фактических показателей регионов от условий ведения бизнеса в них, нами было решено использовать метод корреляционного анализа. Для проведения анализа была использована программа для обработки статистических данных SPSSStatistics 22. В качестве показателей связи мы решили использовать коэффициент корреляции Пирсона и коэффициент ранговой корреляции Спирмена [6].

Необходимо отметить, что разбивка на группы не позволила нам рассматривать регионы по отдельности, мы рассматривали группы регионов. При этом, макроэкономические параметры, рассматриваемые нами в качестве зависимых переменных, брались как среднее по группе.

После рассмотрения методологии мы провели обзор итогов рейтинга. По интегральному рейтингу в группу регионов-лидеров вошли всего 5 субъектов федерации: Татарстан и Калужская, Белгородская, Ульяновская, Тамбовская области. Однако необходимо отметить, что уверенно занимают позиции только Татарстан и Калужская область. Остальные регионы могут быть вытеснены некоторыми регионами второй группы при улучшении их показателей.

Также в работе мы рассмотрели результаты каждого из направлений по отдельности. Кроме того, мы отметили управленческие практики, которые обусловили получение регионами тех или иных результатов по данному направлению.

Обзор итогов рейтинга показал, что не всегда регионы, преуспевающие в одном направлении, имеют хорошие результаты по другим показателям. Однако мы можем точно утверждать, что лишь те регионы, которые предпринимают соответствующие меры, имеют возможность улучшить условия ведения бизнеса.

Далее мы провели анализ связи результатов Национального рейтинга с различными социально-экономическими параметрами регионов. Параметры выбирались так, чтобы среди них были как те, что отображают непосредственное развитие бизнеса, так и те, которые в значительной степени обеспечиваются этим бизнесом. Как уже было отмечено, результаты регионов в рейтинге были представлены по группам. Поэтому для проведения корреляционного анализа на уровне интегрального индекса и на уровне направлений все статистические данные регионов были кластеризованы в соответствии с группами.

В первую очередь был проведен анализ итогового рейтинга. Было выявлено, что в наибольшей степени итоговый индекс условий ведения бизнеса в регионе обуславливает инновационную активность организаций, среднестатистический региональный продукт, уровень безработицы и занятости на частных предприятиях в рассматриваемом субъекте федерации. Связь условий ведения бизнеса с данными показателями не только довольно тесная, но и высокозначимая статистически [9].

Остальные рассмотренные показатели также коррелируют с итоговым рейтингом, но не столь сильно.

Далее был проведен корреляционный анализ по каждому из направлений. Это позволило нам более точно определить, насколько направление обуславливает результаты регионов по тому или иному параметру.

Анализ направления «Регуляторная среда» позволил сделать выводы о том, что эффективность и качество предоставления государственных услуг влияют на уровень безработицы и занятости на частных предприятиях, а также на число предприятий и стоимость основных фондов. Это вполне логично, так как упрощение и удешевление процедур стимулирует предпринимателей работать официально, с документальным оформлением работников.

В результате корреляционного анализа направления, характеризующего институты для бизнеса, была выявлена зависимость ряда показателей регионов от наличия и степени развитости институтов в регионе. К этим показателям были отнесены инновационная активность организаций, стоимость основных фондов, среднедушевые инвестиции в основной капитал, среднедушевой ВРП и доля налогов от бизнеса среди статей дохода регионального бюджета.

Далее мы рассмотрим результаты анализа направления «Инфраструктура и ресурсы». Данное направление в наибольшей степени обуславливает результаты показателя доли занятых на частных предприятиях. Не столь сильно, но все же проявляется связь с показателями числа предприятий, уровнем безработицы, потребительских расходов и инновационной активности.

Последнее анализируемое направление — поддержка малого бизнеса. Было выявлено, что данное направление имеет наибольшее влияние на развитие бизнеса. Со степенью развития поддержки малого предпринимательства в значительной степени связаны показатели среднедушевого производства, количества малых предприятий, денежных доходов и расходов населения, стоимости основных фондов, инновационной и инвестиционной привлекательности регионов.

Мы выявили, что нет показателей, которые были бы не связаны с тем или иным направлением рейтинга. Кроме того можно утверждать, что эффективнее рассматривать зависимость показателей регионов от конкретного направления рейтинга.

Таким образом, в ходе исследования установлено, что ни один из регионов не имеет одинаково высоких результатов по всем затронутым показателям. После проведения корреляционного анализа, мы можем утверждать, что наша гипотеза подтвердилась. Факт наличия связи между условиями ведения бизнеса и результатами его деятельности свидетельствует о том, что региональные власти действительно имеют возможность формировать благоприятные условия ведения предпринимательства. Кроме того, можно утверждать, что результаты Национального рейтинга связаны с фактическими результатами деятельности бизнеса. Это делает обоснованным его использование на практике региональными властями, как при определении проблемного направления, так и при работе над ним.

При принятии практических решений могут быть использованы результаты данной работы. С их помощью могут быть выявлены причины плохих результатов региона по тому или иному социально-экономическому показателю, и выбрано направление, по которому должны улучшаться условия ведения бизнеса. Для создания таких условий могут быть использованы как «Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата в субъектах РФ», так и другие подобные исследования. Изложенные в них успешные практики могут быть адаптированы и использованы в других регионах. На сегодняшний день это особенно важно, так как стимулирование бизнеса является эффективным инструментом, с помощью которого может быть ускорен выход из кризиса и восстановлен экономический рост.

Список литературы

1. Branstetter, L. Do Entry Regulations Deter Entrepreneurship and Job Creation? Evidence from Recent Reforms in Portugal: The National Bureau of Economic Research Working Paper No. 16473: 18.10. 2010 / L. Branstetter, F. Lima, L. Taylor, A. Venancio; National Bureau of Economic Research. – Cambridge M.A., 2010. – 37 p.
2. Ciccone, A. Red Tape and Delayed Entry / A. Ciccone, E. Papaioannou // Journal of the European Economic Association. – 2007. - № 5 - p.444-458.
3. Djankov, S. The Regulation of Entry: A Survey / S. Djankov // The World Bank Research Observer. – 2009. - № 24 – p.183–203.
4. Doing Business in Russia 2012: A copublication of The World Bank and the International Finance Corporation / World Bank Group. - Washington D. C., 2011. – 149 p.
5. Doing Business in Russia 2009: A copublication of The World Bank and the International Finance Corporation / World Bank Group. - Washington D. C., 2008. – 40 p.
6. Friese, S. Qualitative data analysis with ATLAS. ti. - Los Angeles.: SAGE Publications, 2012. 296 p.
7. Iwanow, T. Trade Facilitation and Manufacturing Exports: Is Africa Different? / T. Iwanow, C. Kirkpatrick // World Development. – 2009. - № 37 – p.1039-1050.
8. Klapper, L. The impact of the business environment on the business creation process : World Bank Policy Research Working Paper No. 4937: 01.05.2009 / L. Klapper, A. Lewin, J. Delgado; World Bank Group. - Washington D.C., 2009. – 19 p.
9. Kremelberg, D. Practical statistics: a quick and easy guide to IBM SPSS Statistics, STATA, and other statistical software. - Los Angeles.: SAGE Publications, 2011. 528 p.
10. Kaplan, D. Entry Regulation and Business Start-Ups: Evidence from Mexico: World Bank Policy Research Working Paper No.4322: 01.08.2007 / D. Kaplan; World Bank Group. - Washington D. C., 2007. – 41 p.
11. Loayza, N. Regulation and Macroeconomic Performance: World Bank Policy Research Working Paper No.346: 12.01.2005 / N. Loayza, A. M. Oviedo, L. Servén; World Bank Group. - Washington D.C., 2005. – 44 p.
12. Alesina, A. Regulation and Investment / A. Alesina, S. Ardagna, G. Nicoletti, F. Schiantarelli // Journal of the European Economic Association. – 2005. - № 3 – p.791-825.

Сведения об авторе

Бикташев Айну́р Альфритович, Высшая школа экономики. Школа социальных и гуманитарных наук, Департамент государственного администрирования РФ, тел. 89818584409, e-mail: biktashev.a@mail.ru,
Biktashev A. A., National Research University Higher School of Economics, School of Social and Human Sciences, Department of state administration, Russia, phone: 89818584409, e-mail: biktashev.a@mail.ru

УДК 336

**СОВРЕМЕННЫЕ БАНКОВСКИЕ ИННОВАЦИИ ДАЛЬНЕЙШИЕ
ТЕНДЕНЦИИ ИХ РАЗВИТИЯ**
MODERN BANKING INNOVATION AND FUTURE TRENDS OF THEIR DEVELOPMENT

Н. М. Зиновьева, Е. В. Юрина
N. M. Zinovieva, E. V. Yurina

Ключевые слова: банковская инновация; коммерческий банк; новейшие технологии; инновационные продукты; новшества
Key words: banking innovation; commercial bank; newest technologies; innovative products; innovations

В данной статье рассмотрены ключевые вопросы возникновения понятия «банковская инновация» и различные подходы к пониманию сущности данного термина. Обобщены и систематизированы этапы разработки и внедрения банковских инноваций. Представлены дальнейшие перспективы инновационной деятельности коммерческих банков и отмечены наиболее интересные банковские инновации по мнению иностранных исследовательских компаний.

This article describes the key issues of notion's «banking innovation» origin and different approaches to understanding the essence of the term. Stages of development and implementation of banking innovation were generalized

and systematized. The future prospects of the innovation activity of commercial banks were presented and the most interesting innovations in banking were marked by the opinion of foreign research companies.

Современный этап развития мировой банковской системы протекает в условиях обострения конкуренции и кризисных явлений на финансовых рынках. Одним из основных факторов успешного развития банковской деятельности выступает политика постоянных нововведений, так как своевременное внедрение финансовых инноваций обеспечивает стабильное развитие, повышение конкурентоспособности и устойчивый экономический рост банков. Финансовые инновации стали сутью современного развития не только в банковском деле, но и во всех отраслях экономики, что объясняет актуальность проводимых научных исследований в данной сфере.

Разработчиками теории инноваций в банковской сфере стали отечественные и зарубежные ученые И. В. Букато, В. С. Викулов, Е. А. Забашта, О. В. Мирошкина, А. И. Полищук, Т. Б. Рубенштейн, Х.-У. Дериг, П. Роуз, Дж. Синки и другие. Несмотря на многочисленность работ, среди них отсутствуют те, которые рассматривали бы банковские инновации и инновационный процесс в коммерческом банке комплексно. В частности, дискуссионными остаются взгляды на сущность и содержание банковских инноваций. Кроме того, в работах большинства ученых-экономистов недостаточно внимания уделяется методическим подходам к производству и распространению банковских инноваций, что свидетельствует о необходимости проведения дальнейших исследований, направленных на решение теоретических и прикладных проблем инновационной деятельности банков.

В настоящее время не существует единого общепринятого определения понятия «банковская инновация». Само понятие «инновация» (от англ. «innovation») впервые появилось в научных исследованиях 19 века. Новую жизнь это понятие получило в начале 20 века в научных работах австрийского экономиста Й. Шумпетера в результате анализа «новационных комбинаций», изменений в развитии экономических систем [5]. Термины «финансовая инновация» и «банковская инновация» вошли в научную литературу в конце 20 века.

Финансовую инновацию можно рассматривать как в узком, так и широком смысле. В первом случае инновация отождествляется с созданием ранее не существовавших (улучшенных) услуг либо продуктов. В широком смысле инновацию можно определить как «систему разноаспектных нововведений в любой сфере функционирования банка, обладающих определенным положительным экономико-стратегическим эффектом» [3].

Инновации как ключевой фактор стабильности и обеспечения конкурентоспособности в банковской сфере рассматривали в своих работах И. Т. Балабанов, М. Березовская, Б. Санто, Л. В. Кох, А. В. Муравьева и другие.

В своей работе И. Т. Балабанов в толковании понятия «банковская инновация» исходит из того, что банковская инновация представляет собой часть финансовых инноваций (инновации, функционирующие в финансовой сфере). Банковская инновация — это реализованный в форме нового банковского продукта или операции конечный результат инновационной деятельности банка [1].

В научных трудах А. В. Муравьевой предлагается следующее определение банковской инновации: совокупность принципиально новых банковских продуктов и услуг — это синтетическое понятие о цели и результате деятельности банка в сфере новых технологий, направленных на получение дополнительных доходов в процессе создания благоприятных условий формирования и размещения ресурсного потенциала при помощи внедрения нововведений, содействующим клиентам в получении прибыли [7].

По определению П. Друкера банковские инновации — это доведенные до клиентов и принятые ими новые или кардинально видоизмененные услуги или продукты, внедренные в банковский процесс современные технологии, в том числе и инфокоммуникационные, позволяющие изучить экономический или социальный эффект [2].

К инновациям относят также разработку и внедрение новых типов организационных структур кредитных организаций. Это обусловлено тем, что современные банки развиваются в

условиях глобализации телекоммуникационных средств, развития сетевой формы организации различных форм бизнеса, поэтому центральное место занимает вопрос формирования наиболее эффективной организационной структуры банка.

Проанализировав различные определения современных ученых-экономистов, можно сделать вывод о том, что банковская инновация представляет собой новую услугу или банковский продукт, технологию их предоставления, либо новый или усовершенствованный процесс, в той или иной форме повышающий эффективность деятельности банка. То есть банковская инновация — это продукт, услуга или технология, внедрение которой приводит к качественным изменениям в банковской деятельности и, как правило, приносит банку, напрямую или опосредованно прибыль.

Как правило, инновации связаны с новыми технологиями. Банки, как и другие субъекты экономики, в последнее время активно внедряют передовые технологии. В банковском деле все большую роль играет ИТ-обеспечение. Качественная ИТ-платформа позволяет решать множество задач, такие как увеличение скорости проведения операций, развитие онлайн-сервисов, снижение издержек на документооборот и другие.

Исследование рынка банковских инноваций дает возможность выделять различные его характеристики: регулируемый, развивающийся, монопольный, свободный, деформированный, неразвитый и т. д. Преимущественные позиции имеет характеристика развивающегося рынка банковских инноваций, который ориентирован на финансовые потребности широкой сети клиентов [8]. Разработка и внедрение банковских инноваций для коммерческих банков стало уже привычной деятельностью, в которой можно выделить четыре основных этапа, представленных в таблице.

Основные этапы разработки и внедрения банковских инноваций коммерческим банком [6, 393]

I этап	Сбор и обработка информации о состоянии рынка, анализ рынка о потенциальных потребностях в новых банковских продуктах и услугах
II этап	Разработка инновационной стратегии кредитной организации, концепции нового продукта и технологии его внедрения на рынок банковских услуг (подготовка документов, разработка технологии банковских операций, обучение сотрудников, определение способов внедрения продукта (услуг) в рыночную среду, испытание качества продукта среди клиентов)
III этап	Организация продвижения инновационного продукта (услуги), его продажа клиентам. Ключевыми факторами успеха на данном этапе являются: правильный выбор политики ценообразования, определение каналов товародвижения, учет жизненного цикла банковского продукта (стадия внедрения, стадия зрелости, стадия спада)
IV этап	Оценка результатов реализации инновационных продуктов (услуг) и анализ выбранной инновационной стратегии

Также можно выделить несколько ключевых тенденций, на основании которых происходило развитие инновационной деятельности банков в России [4].

Первый этап развития банковских инноваций в России приходится на период 1991–1997 гг., его можно охарактеризовать как период становления инновационной деятельности банков. В это время кредитные организации страны преимущественно занимались операциями с иностранной валютой, осуществлением расчетных операций клиентов — юридических лиц, в том числе и в области внешнеэкономической деятельности. Существовавшая в России гиперинфляция и нестабильность экономики давали возможность банкам получать аномально высокую прибыль без существенных инвестиционных вложений и развития инфраструктуры. Подобное положение дел не стимулировало кредитные организации к повышению клиентоориентированности, поэтому их инновационная деятельность заключалась преимущественно в разработке и внедрении продуктов и технологий, обслуживающих расчеты.

Второй этап развития банковских инноваций в России относится к 1998–2001 гг. Он стал переходным, поскольку пришелся на время масштабного внутрироссийского экономического кризиса и восстановления после него. Крах финансовых рынков, в первую очередь, государственных краткосрочных облигаций, резкое снижение доходности вынудили банки обратиться к другим направлениям деятельности для выживания, в том числе кредитование реального сектора и работе с населением. Одновременно с этим происходило развитие банковских технологий и процессов.

Третий этап развития инновационной деятельности банков пришелся на период 2002–2007 гг. Его можно охарактеризовать как время интенсивного развития инноваций. В эти годы происходил уверенный рост российской экономики, повышение благосостояния населения, стабильность на международных рынках. Многие банки в целях повышения доходности и диверсификации деятельности сделали ставку на развитие розничного направления. На протяжении третьего этапа банки внедряли инновационные кредитные продукты, ориентированные на розницу. Одновременно происходило внедрение новых процессов и технологий.

Четвертый этап развития банковской инновационной деятельности в России начался в 2008 году и продолжается по настоящее время. Его можно назвать периодом преодоления последствий мирового финансового кризиса. Банковский рынок России достиг определенного уровня зрелости, в том числе и в инновационном плане. Повышение конкурентной борьбы, рост финансовой грамотности клиентов и их «разборчивости» привели к тому, что инновационный процесс стал для банков не роскошью, а необходимостью. Этим обусловлено появление в России большого количества банковских инноваций. Среди них в 2015 году исследовательской компанией Gesellschaft für Konsumforschung («Общество изучения потребления» — GfK) и международным исследовательским центром Market Adjustment Research Center («Научно-исследовательский центр адаптации рынка» — MARCS) были выделены следующие «интересные» банковские инновации:

1. Мгновенная выдача неименной пластиковой карты. Из всех респондентов, опрошенных GfK, 28 % нравится возможность за 10 минут получить в отделении банка карту, не имеющую привязки к имени клиента. Такую инновацию запустил Альфа-банк. Чтобы получить карту, клиент должен пользоваться услугами Альфа-банка, то есть его персональные данные должны находиться в системе.

2. Сканирование документов посредством смартфона. Люди в возрасте 30 лет и старше весьма ценят свое время. Поэтому им больше всего понравилась возможность сканировать платежные и другие данные через камеру смартфона (при помощи приложения QBank), а не набирать их вручную. Создатели приложения позаботились о возможности сканирования квитанций для оплаты услуг ЖКХ, сканирования платежной карты и сканирования удостоверения водителя и документа о регистрации транспортного средства. Последняя опция предназначена для тех, кому нужно уплатить штраф ГИБДД. Впервые такую услугу запустил Связной Банк. Процент проголосовавших за нее составил 29 % опрошенных в ходе исследования GfK и MARCS.

3. Уведомления о штрафах и налогах по SMS. Эту инновацию Бинбанка отметили 33 % респондентов. Такая услуга позволяет вовремя оплачивать любые задолженности перед ГИБДД, ФНС и судебными приставами. Для получения информации о налогах в личном интернет-кабинете банка нужно указать ИНН, а чтобы пришла SMS о штрафах ГИБДД — номер свидетельства о регистрации автомобиля или удостоверения водителя.

4. Оплата покупок с помощью смартфона. Что может быть проще: приложил мобильное устройство к терминалу у магазинной кассы и все покупки тут же оплачены. Не нужно рыться в кошельке в поисках нужной суммы, и ловить нетерпеливые взгляды кассира и других людей в очереди. Подобную удобную инновацию, которую впервые запустил Сургутнефтегазбанк, особо отметили 39 % опрошенных.

5. Перевод денег на карту с карты иного банка. На первом месте в рейтинге популярнейших российских банковских новшеств находится услуга, предлагаемая Бинбанком с марта 2015 года. Больше всего возможность в онлайн-режиме пополнять свою карту с карт

других банковских организаций понравилась жителям городов с населением от 300 тысяч человек (45 % опрошенных). И заметно меньший интерес к ней проявили жители небольших и средних городов (от 100 и 249 тысяч человек) — 35 % опрошенных.

Таким образом, внедрение банковских инноваций способствует стабильному функционированию банков и обеспечивает их экономический рост. Банковская деятельность становится все более зависимой от инновационной деятельности, так как применение современных технологий и внедрение новейших продуктов способствуют повышению качества услуг и формированию конкурентных преимуществ кредитных учреждений.

Список литературы

1. Балабанов И. Т. Инновационный менеджмент: учебное пособие для вузов / Балабанов И. Т. – СПб.: М.; Харьков, Минск, 2011. – 303 с.
2. Друкер П. Бизнес и инновации: научно-популярное издание / П. Друкер. Пер. с англ. – М.: ИД «Вильямс», 2009. – 78 с.
3. Дьячков М. Н. Понятие и сущность банковских инноваций / М. Н. Дьячков // Экономические науки. – 2012. – № 10. – С. 36.
4. Кондрашов В. А. Тенденции развития банковских инноваций в современной России / В.А. Кондрашов // Российское предпринимательство. – 2012. – № 8 (206). – С. 101-105.
5. Макрусев В. В. Таможенный менеджмент: учебник / Макрусев В. В. – М. – Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 197 с.
6. Менделян А. С. Электронные инновации в банковском бизнесе: финансовое обеспечение / А. С. Менделян // Молодой ученый. – 2013. – № 11. – С. 393-395.
7. Просалова В. С. Понятие банковских инноваций и их классификация / В. С. Просалова, А. А. Никитина // Наукоеведение. – 2013. – № 1(14). – С. 2-3.
8. Семагин И. А. Теоретические основы банковских инноваций / И. А. Семагин // Экономические науки. – 2010. – № 10(71). – С. 254-258.

Сведения об авторах

Зиновьева Надежда Михайловна, к. э. н., ст. преподаватель кафедры «Экономика», Воронежский экономико-правовой институт (филиал в г. Старый Оскол), тел. 89524373393, e-mail: nadejdazin@gmail.com

Юрина Екатерина Васильевна, студентка 3 курса, направление подготовки «Финансы и кредит», Воронежский экономико-правовой институт (филиал в г. Старый Оскол), тел. 89194398253, e-mail: YurinaEkaterina@yandex.ru

Zinoveva N. M., Candidate of Science in Economics, senior lecturer of Economics Department, Institute of Economics and Law of Voronezh (Statiy Oskol branch), phone: 89524373393, e-mail: nadejdazin@gmail.com

Yurina E. V., 3th grade student of «Finance and Credit», Institute of Economics and Law of Voronezh (Statiy Oskol branch), phone: 89194398253, e-mail: YurinaEkaterina@yandex.ru

УДК 316.4

ТРУДОУСТРОЙСТВО ИНВАЛИДОВ В МОСКВЕ: ВОЗРАСТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ EMPLOYMENT OF DISABLED PEOPLE IN MOSCOW: AGE FEATURES

М. В. Корнилова, Н. И. Фадин
M. V. Kornilova, N. I. Fadin

Ключевые слова: инвалиды; трудоустройство; возрастные группы; социальная защита; квотирование рабочих мест
Key words: disabled people; employment; age groups; social protection; system of job quotas

В статье приводятся нормативно-правовые акты, регулирующие процесс трудовой деятельности инвалидов, анализируются статистические данные по трудоустройству инвалидов в Москве, а также обобщаются данные социологического исследования об особенностях трудоустройства и занятости инвалидов в разрезе возрастных особенностей. В ходе проведения опроса сравнивались особенности трудоустройства до и

после получения группы инвалидности, отношение разных возрастных групп инвалидов к деятельности служб занятости, созданию и квотированию рабочих мест, возможности получения новой профессии, желанию переобучиться и повысить квалификацию. Блиц-опрос проводился в декабре 2015 года в формате интернет-исследования на официальном сайте Института дополнительного профессионального образования работников социальной сферы при поддержке Департамента труда и социальной защиты населения Москвы.

The article presents the legal acts governing the process of employment of disabled persons, analyzes statistical data on the employment of disabled persons in Moscow, as well as summarize the data of sociological research on the employment characteristics and employment of disabled persons in the context of age-related features. During the survey following topics were compared: Features of employment before and after receiving the degree of disability, the ratio of different age groups of disabled persons to employment services, the establishment of quotas and jobs, opportunities for new profession, will to retrain and improve their skills. Blitz-poll was held in December 2015 in the format of Internet research on the official website of the Institute of additional professional education of social workers with the support of the Department of Labor and Social Protection of Moscow.

Социальная защита наиболее уязвимых и незащищенных категорий населения является приоритетным направлением реализуемой государственной социальной политики, а создание благоприятных условий для интеграции инвалидов в общество — один из важнейших блоков работы системы социальной защиты населения [2].

Мероприятия по повышению уровня занятости инвалидов, содействию их трудоустройству, оснащению специально оборудованных рабочих мест, разрабатываются и реализуются согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

Государственная программа «Доступная среда» также способствует трудовой реабилитации и интеграции инвалидов в общество. Ее реализация продлена до 2020 года. В данной госпрограмме закреплены основные мероприятия, направленные на формирование благоприятного жизненного пространства и успешное трудоустройство инвалидов: определение основных возможностей и предпочтений в вопросах трудоузанности, соответствующую профессиональную подготовку к работе, получение качественного профильного образования [4].

На территории столицы действует Закон г. Москвы «О квотировании рабочих мест» от 22.12.2004 г. № 90, который устанавливает правовые, экономические и организационные основы квотирования.

Государственная программа города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012–2018 годы» также предполагает формирование безбарьерной среды для инвалидов и других маломобильных групп населения. Реализуя программу в части обеспечения занятости инвалидов, в 2014 году трудоустроено 1 829 инвалидов. По итогам года показатель «доля трудоустроенных инвалидов в общей численности инвалидов, имеющих трудовые рекомендации», составила 70,3 % , к 2016 году его значение вырастет до 83,9 % » [3].

Согласно данным Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы, «численность граждан из числа инвалидов составляет почти десятую часть населения города Москвы (около 1,2 млн. человек)». Из них: 79 % — нетрудоспособного возраста, включая детей-инвалидов (3 %). Из всех инвалидов, проживающих в Москве только 21 % (или 250 тыс. чел.) имеют трудоспособный возраст (то есть старше 18 лет и младше 55–60 лет). Из числа инвалидов трудоспособного возраста только 60 % (или 150 тыс. чел.) имеют медико-социальные показания к трудоустройству. По итогам 2014 года 70 % инвалидов из числа лиц трудоспособного возраста были обеспечены рабочими местами и, только 30 % инвалидов (от общего количества трудоспособных инвалидов, имеющих медико-социальные показания к трудоустройству), не осуществляли трудовую деятельность [3].

Таким образом, предоставление рабочих мест, и обеспечение занятости инвалидов, а также анализ проблем и возможностей их трудоустройства актуален.

Методические и организационно-структурные особенности проведения исследования. Блиц-опрос проводился с 24 ноября по 18 декабря 2015 года посредством использования интернет-ресурсов. Анкета была размещена на сайте Института дополнительного профессионального образования работников социальной сферы в свободном доступе и заполнялась респондентами в интерактивном режиме, что позволило значительно повысить

оперативность опроса. По результатам проведения исследования сотрудниками Центра мониторинговых исследований Института, методистом которого является первый автор данной статьи, был подготовлен аналитический отчет [1], основные положения которого проанализированы авторами с точки зрения возрастных особенностей трудоустройства инвалидов и представлены в статье. При участии второго автора разрабатывалась анкета исследования.

Цель исследования: изучение проблем и возможностей трудоустройства инвалидов.

Задачи исследования:

- 1) выявить возрастные особенности инвалидов в сфере трудоустройства;
- 2) изучить мнения инвалидов относительно работы служб занятости, с точки зрения создания и квотирования рабочих мест;
- 3) проанализировать имеющиеся возможности получения новой профессии и других вопросов трудовой реабилитации инвалидов;

Размер и характеристика опрошенной совокупности. В исследовании приняли участие 696 инвалидов, проживающих в Москве: 53,3 % — женщин; 46,7 % — мужчин.

Необходимо отметить, что количество респондентов, находящихся в наиболее активном трудоспособном возрасте (от 21 до 50 лет), составило больше половины (59,1 %) от общего количества участников исследования. Возрастная структура респондентов: группы 21–30 лет, 41–50 лет, 51–60 лет, 60 и старше были представлены практически равными долями, близкими к 18 %. Исключение составили респонденты среднего и молодого возраста. Доля участников опроса в возрасте 31–40 лет — 23,6 %, тех, кому не исполнилось 20 лет — 4,2 % .

Соотношение инвалидов II и III групп, принявших участие в опросе, примерно один к одному, и в совокупности равно 86,2 %, от общего количества участников опроса. При этом по 40 % инвалидов каждой из групп: люди среднего и пенсионного возрастов. Доля инвалидов самой «тяжелой» — I группы — 13,8 %, в которой почти каждый 2-ой инвалид средней возрастной группы, каждый 3-ий — молодой, и только каждый 5-ый условно пожилой.

Уровень образования респондентов характеризуется достаточно высокими показателями: 43 %, от общего количества опрошенных имеют высшее образование, и почти 1/3 имеет среднее профессиональное образование (29,6 %). Чуть более шестой части (17,5 %) получили среднее, а около десятой доли (9,1 %) — неоконченное высшее образование. При этом о наличии ученой степени заявили 0,9 % от общего количества участников опроса. Хотя образовательный уровень респондентов старшего возраста несколько выше, чем в других группах (среди них высшее образование имеют 48,4 %, в отличие от группы респондентов молодого возраста — 30,9 %) наличие научного и образовательного потенциала среди инвалидов очевидно. Это обстоятельство косвенно указывает на имеющиеся персональные ресурсы для трудовой реабилитации инвалидов, возможности выполнения ими квалифицированной работы без привязки к возрастным особенностям.

Результаты исследования. Согласно ответам респондентов, 65,6 % получили инвалидность вследствие общего заболевания, причем половина из них инвалиды старшей возрастной группы. Инвалидами с детства являются 25,6 % опрошенных, из них больше половины — молодого возраста. Для 6,9 % опрошенных причиной инвалидности стали травма или заболевание, полученные в ходе исполнения служебных обязанностей и службы в армии, а для 1,9 % — трудовое увечье или профессиональное заболевание.

Длительность инвалидности в разрезе возраста выглядит таким образом. Из тех, кто является инвалидом более 10 лет — 1/4 составляют инвалиды в возрасте 31–40 лет, по 1/5 возрастные группы: 21–30 лет и старше 60 лет. Почти по 1/3 из тех, кто получил инвалидность 6–10 лет назад и 4–5 лет назад составляют люди пенсионного и предпенсионного возраста. А каждый 4-ый, получивший инвалидность недавно (1–3 года и менее 1 года назад) является

представителем групп инвалидов наиболее экономически активного возраста (21–30 лет, 31–40 лет).

Трудовая занятость. На момент установления инвалидности, только половина опрошенных осуществляли трудовую деятельность (51 %). При этом каждый 2-ой работающий инвалид — представитель среднего возраста, каждый 4-ый входит в старшую возрастную группу, а почти каждый 5-й — относится к группе молодых инвалидов. По признаку группы инвалидности занятость характеризуется следующим образом: по 25 % работающих — инвалиды I и II групп и 50 % — инвалиды III группы.

После установления инвалидности только 12,8 % респондентам была предложена работа по другой специальности, 2/5 продолжили свою трудовую деятельность на прежнем рабочем месте, а остальные 46,6 % были вынуждены уволиться. Из них половину составляют инвалиды старших возрастных групп. Данное обстоятельство косвенно свидетельствует о возможном риске потери работы после установления инвалидности, особенно в пожилом возрасте.

Среди тех респондентов, кто вынужден был уволиться в связи с установлением инвалидности, только 13,8 % нашли работу быстро (за 3 мес.), от 6 мес. до 2-х лет поиски работы заняли у 16,4 % опрошенных, а 26,7 % до сих пор не могут найти работу, из которых: 45 % представители средней возрастной группы, 41,4 % — старшей группы, 13,4 % — молодежь. Трудности с последующим трудоустройством вследствие получения инвалидности определяют инвалидам место в группе «риска» по отношению к другим трудоспособным гражданам без ограничений здоровья. Кроме того, инвалиды пенсионного и предпенсионного возраста, несмотря на наличие опыта и более высокого уровня образования испытывают больше препятствий при трудоустройстве именно в силу возрастных особенностей.

Доля *информированных инвалидов о системе квотирования рабочих мест* составляет 57,6 %. Из них 28,7 % были проинформированы ближайшим социальным окружением (получили информацию от друзей, знакомых, родственников), 27,4 % ответивших признались, что случайно где-то услышали, по 22,7 % опрошенных отметили, что источником данных стали СМИ и службы занятости города Москвы. Причем, чем старше возраст, тем больше количество респондентов, знающих о системе квотирования рабочих мест. Важность гарантии трудоустройства подчеркнули 85,5 % опрошенных, причем среди самой молодой возрастной группы (до 20 лет) доля составляет 100 % случаев.

Поскольку при переходе на новую работу может возникнуть необходимость переобучения или обучения новой профессии в Центрах занятости разработаны специальные программы для желающих получить новую специальность. Но результаты проведенного опроса показывают, что обучение новой профессии потребовалось 37,3 % респондентам от общего количества обратившихся за помощью по трудоустройству, а у 62,7 % респондентов такой необходимости не возникло. Логично, что доля заинтересованных в переобучении в группах респондентов молодого и среднего возрастов существенно выше (на 10–20 п.п.), чем у опрошенных в возрасте 51–60 лет и старше 60 лет.

Выводы. Анализ статистических и эмпирических показателей трудовой деятельности инвалидов, показывает, что разработка теоретических и практических основ для обеспечения права инвалидов на труд также важна, как и стимулирование ориентации инвалидов на включенность в трудовой процесс и выполнение посильной трудовой деятельности. Органам государственной власти удалось достичь определенных показателей интеграции инвалидов в общество, в том числе и за счет включения лиц с ограниченными возможностями здоровья в трудовой процесс, гарантировав трудоустройство в рамках программы квотирования рабочих мест. Но, несмотря на усилия властей, инвалиды всех возрастов констатируют недостаток информации о возможностях трудоустройства и испытывают сложности при поиске работы, не всегда имеют возможность переобучиться и применить свои знания на практике. Среди

нуждающихся в получении новой профессии и переподготовке преобладают представители более молодых возрастных групп. Для них же более характерна и важность гарантии трудоустройства.

В составе инвалидов, осуществляющих трудовую деятельность на момент установления инвалидности, доля молодых и пожилых инвалидов составляла примерно по 1/4, среднего возраста — 1/2, от общего количества опрошенных. После установления инвалидности, почти половина инвалидов старших возрастных групп были вынуждены уволиться. Несмотря на то, что доля респондентов с высшим образованием среди представителей старшего возраста в целом несколько выше, чем в других возрастных группах, многие из них до сих пор не могут найти работу.

Кроме того, невысокие показатели информированности респондентов об одном из обязательных направлений деятельности службы занятости — трудоустройстве инвалидов свидетельствует о недостаточной просветительской работе и недооценке данного направления деятельности Центрами занятости населения.

Список литературы

1. Изучение проблем трудовой реабилитации инвалидов: информационно-аналитический отчет / [В. А. Бобровский, М. В. Корнилова, И. В. Мкртумова и др.; под ред. Петросяна В. А., Холостовой Е. И.]. – М., 2015.
2. Корнилова М. В. Институт социальной защиты населения в условиях усиления социальных рисков (на примере социального обслуживания пожилых граждан г. Москвы): Диссертация ... канд. социол. наук: 22.00.04: Москва, 2012.
3. Официальный сайт Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы. Доклад «Информация о выполнении Государственной программы города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы на 2012-2018 годы» в 2014 году и задачах на 2015 год». – М. 2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.dszn.ru/upload/documents/ % D0 % 94 % D0 % BE % D0 % BA % D0 % BB % D0 % 90 % D0 % B4_2014.pdf](http://www.dszn.ru/upload/documents/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%90%D0%B4_2014.pdf) (дата обращения: 15.02.2015).
4. Официальный сайт Министерства труда и социальной защиты населения Российской Федерации. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011 - 2020 годы. – М. 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/ministry/programms/3/0> (дата обращения 02.02.2016).

Сведения об авторах

Корнилова Марина Валерьевна, к. с. н, методист Центра мониторинговых исследований, Институт дополнительного профессионального образования работников социальной сферы, младший научный сотрудник, Институт социологии РАН, тел. 8(926)2376500, e-mail: mmrr@mail.ru

Фадин Никита Игоревич, специалист по социальной работе, Ресурсный центр для инвалидов Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы, тел. 8(495)6744758, e-mail: fadin-nikita@mail.ru

Kornilova M. V., Candidate of Science in Sociology, Methodist of Center for monitoring studies, Institute of additional professional education for social workers, Junior Researcher, Institute of Sociology, RAS, phone: 8(926)2376500, e-mail: mmrr@mail.ru

Fadin N. I., Specialist of Social Work, Resource Center for disabled persons Department of Labor and Social Protection of Moscow, phone: 8(495)6744758, e-mail: fadin-nikita@mail.ru

УДК 314.643

ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РОССИИ ПО ДАННЫМ ПЕРЕПИСЕЙ НАСЕЛЕНИЯ¹ CHARACTERISTICS OF HOUSEHOLDS IN RUSSIA ACCORDING TO DATA OF POPULATION CENSUSES

**А. Л. Синица
A. L. Sinita**

¹ Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ «Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности ее сокращения» (№ 15-06-09027).

Ключевые слова: домохозяйство; перепись населения; регионы России; конвергенция
Key words: household; convergence; population census; regions of Russia

На основе данных переписей населения в статье рассматривается изменение числа домохозяйств и их среднего размера в регионах России, а также проверяется наличие сближения регионов по этим показателям. Автор отмечает снижение их значений и сближение регионов по среднему размеру домохозяйств, а также выделяет наиболее проблемные регионы.

Based on population censuses data the article examines the change in the number of households and their average size in the regions of Russia, as well as checks for presence of convergence of the regions on these indicators. The author notes a decrease in their values and convergence of the regions in terms of the average size of households, as well as identifies the most problematic regions.

Скоро будут опубликованы результаты микропереписи населения, проведенной в 2015 г. Они позволят исследователям оценить произошедшие за пять лет перемены и перспективы демографического развития России и ее регионов и предложить пути совершенствования государственной политики. В преддверии этого следует рассмотреть, как изменялась численность и размер домохозяйств между переписями 2002 и 2010 годов.

В современной научной литературе столь важный вопрос как число и состав домохозяйств в России и ее регионах рассмотрен недостаточно подробно. В работах изучаются уровень жизни неполных семей [6], число семей и домохозяйств в отдельных регионах [4], домохозяйства с тремя и более детьми [5], изменение структуры домохозяйств [1], а также факторы, влияющие на увеличение размеров домохозяйств [7], но нет сравнительных исследований, посвященных изучению изменения числа домохозяйств в регионах РФ на материалах всероссийских переписей населения, что обуславливает актуальность данной работы.

Целью нашего исследования является изучение изменения числа домохозяйств и их средних размеров в России и ее регионах в 2002–2010 годах. Для этого мы рассмотрим динамику изменения числа домохозяйств, состоящих из двух и более членов, числа их членов и их среднего размера и проведем регрессионный анализ данных показателей на региональном уровне

Источниками информации являются материалы всероссийских переписей населения 2002 [2] и 2010 [3] годов. Между 2002 и 2010 годами число и состав федеральных округов значительно изменились, поэтому мы не будем проводить сравнительный анализ на уровне макрорегионов. Микроперепись населения 1994 г. охватила всего 5 % населения и по ряду пунктов не обеспечивает преемственность данных, поэтому она не была учтена при работе.

К сожалению, в связи с наличием только двух точек мы не можем рассмотреть σ -конвергенцию. В связи с этим для изучения того, с какой скоростью и в каком направлении происходит движение к устойчивому состоянию по числу домохозяйств и их составу, мы будем использовать β -конвергенцию [8], наличие которой является необходимым, но не достаточным условием существования σ -конвергенции.

Регрессия Барро (β -конвергенция) представляет собой следующее уравнение:

$$\ln\left(\frac{\text{Показатель}_T}{\text{Показатель}_0}\right)/T = \alpha + \beta \ln(\text{Показатель}_0) + \varepsilon,$$

где Показатель_T — значение показателя на момент времени T, Показатель₀ — значение показателя на начальный момент времени, T — рассматриваемый временной период, α — константа, β — коэффициент конвергенции (в данной форме уравнения тестируется гипотеза о том, что $\beta < 0$), ε — стандартная ошибка.

За межпереписной период число частных домохозяйств, состоящих из двух и более человек, сократилось на 428 тыс. человек (1,04 %). При этом число членов в них сократилось на 4 071 тыс. человек (3,1 %). Следовательно, средний размер домохозяйства сократился с 3,20 человек до 3,13 человек (на 2,1 %). Это является негативным результатом, так как свидетельствует о нуклеаризации общества: с 2002 г. по 2010 г. число домохозяйств, состоящих из одного человека выросло на 2 277 тыс. (с 11 741 до 14 019 тыс.), то есть на 19,4 %. Впоследствии из-за этого общество может столкнуться с дополнительной социальной нагрузкой, вызванной менее прочными связями внутри семьи, более низкой рождаемостью и более высокой смертностью.

Несмотря на снижение числа домохозяйств в масштабе всей страны, в ряде регионов оно выросло. Можно выделить две причины, способствующие этому.

Во-первых, число домохозяйств выросло в экономически развитых богатых регионах. В областях: Белгородской — на 2,1 %, Московской — на 6,3 %, Ленинградской — на 1,4 %, Тюменской — на 4,8 %, Томской — на 0,7 %. В Республиках: Татарстан — на 0,7 %, Саха — на 2,0 %. В краях: Краснодарском — на 2,4 %, Ставропольском — на 3,0 %. В Москве — на 15,9 % и Санкт-Петербурге — на 5,2 %.

Во-вторых, число домохозяйств выросло в экономически неразвитых регионах с высокой рождаемостью. Республики: Дагестан — на 20,5 %, Ингушетия — на 5,4 %, Карачаево-Черкесская — на 6,6 %, Северная Осетия — на 0,7 %, Чеченская — на 27,0 %, Алтай — на 1,3 %, Тыва — на 2,7 %.

В 16 регионах снижение числа домохозяйств составило 8 % и более. В областях: Ивановской — на 8,4 %, Костромской — на 9,0 %, Тамбовской — на 8,2 %, Тверской — на 9,1 %, Тульской — на 8,2 %, Мурманской — на 9,5 %, Новгородской — на 8,5 %, Псковской — на 12,1 %, Кировской — на 9,1 %, Курганской — на 10,0 %, Амурской — на 8,9 %, Магаданской — на 14,4 %, Сахалинской — на 8,8 %. В Республиках: Карелии — на 8,8 % и Коми — на 10,4 %; Камчатском крае — на 8,1 %. Мы видим, что наибольшее снижение числа домохозяйств наблюдалось в северных регионах с суровыми условиями жизни, в которых уровень социально-экономического развития низкий и наблюдается значительный миграционный отток. В остальных регионах к причинам снижения числа домохозяйств можно отнести низкую рождаемость (Тамбовская и Тульская области) и низкий уровень социально-экономического развития (Курганская область).

Снижение числа членов домохозяйств было более значительным по сравнению со снижением числа самих домохозяйств. Так, не во всех регионах, в которых наблюдался рост числа домохозяйств, число их членов увеличилось, но все равно можно выделить две группы регионов.

В экономически развитых регионах увеличение числа членов домохозяйств наблюдалось лишь в областях: Белгородской — на 0,3 %, Московской — на 6,2 %, Ленинградской — на 1,1 %, Тюменской — на 2,2 %; краях: Краснодарском — на 1,2 %, Ставропольском — на 2,2 %, в Москве — на 10,9 % и Санкт-Петербурге — на 3,2 %. В регионах второй группы увеличение числа членов домохозяйств наблюдалось лишь в регионах Северного Кавказа, республиках: Дагестан — на 12,8 %, Карачаево-Черкесская — на 9,5 %, Северная Осетия — на 1,4 %, Чеченская — на 15,2 %.

Снижение числа членов домохозяйств было более значительным, чем снижение числа домохозяйств, поэтому в ряде регионов число их членов сократилось на ≈ 10 % и более. К ним относятся области: Ивановская — на 9,9 %, Костромская — на 10,7 %, Курская — на 10,5 %, Орловская — на 9,8 %, Тверская — на 9,9 %, Архангельская — на 10,3 %, Мурманская — на 13,4 %, Новгородская (на 10,7 %), Псковская — на 13,9 %, Кировская — на 12,5 %, Курганская — на 13,2 %, Амурская — на 11,8 %, Магаданская — на 16,6 %, Сахалинская — на 11,2 %. Республики: Карелия — на 12,2 %, Коми — на 14,2 %, Ингушетия — на 11,3 %. Край: Алтайский — на 9,9 %, Камчатский — на 11,8 %.

Таким образом, эти регионы в основном совпадают с регионами, в которых значительное снижение числа домохозяйств, но есть и различия. В Тамбовской и Тульской областях снижение числа членов домохозяйств было недостаточно большим (на 9,2 и 9,5 %

соответственно), а в Курской, Орловской областях и Алтайском крае число домохозяйств снизилось значительно, но все же недостаточно (на 7,9; 7,9 и 6,5 %). Различия являются наибольшими в отношении Республики Ингушетия, в которой число домохозяйств возросло на 5,4 %, а число членов в них сократилось на 11,3 %. Они свидетельствуют об интенсивном протекании демографических процессов, связанных с формированием семьи, но для определения причин этого необходимы дополнительные обследования.

По данным переписи 2002 г. регионами с самым низким (3,00 человека и ниже) размером домохозяйств (средним числом членов в них) были следующие области: Магаданская (2,90), Псковская (2,94), Мурманская (2,94), Ивановская (2,95), Новгородская (2,97), Костромская (2,97), Ярославская (2,97), Тверская (2,97), Кировская (3,00) и Республика Карелия (3,00). К регионам с самым высоким размером домохозяйств (3,5 человек и более) относились Республики: Якутия (3,52), Калмыкия (3,59), Карачаево-Черкесская (3,89), Северная Осетия (3,94), Тыва (3,99), Кабардино-Балкарская (4,25), Дагестан (4,77), Чеченская (5,65), Ингушетия (7,23).

Данные переписи населения, проведенной в 2010 г., свидетельствуют о значительном сокращении размеров домохозяйств. В семи регионах РФ средний размер домохозяйства был 2,90 человека и менее: в Мурманской (2,82), Магаданской (2,83), Псковской (2,88), Кировской (2,89), Новгородской (2,90), Ивановской (2,90) областях и Республике Карелия (2,88). Наиболее большими (3,5 человека и более) домохозяйства в 2010 г. были в следующих Республиках: Калмыкия (3,60), Тыва (3,88), Северная Осетия (3,97), Карачаево-Черкесская (4,00), Кабардино-Балкарская (4,12), Дагестан (4,47), Чеченская (5,13), Ингушетия (6,08).

Увеличение размеров домохозяйства наблюдалось лишь в четырех регионах: Адыгее — на 0,5 %, Калмыкии — на 0,3 %, Карачаево-Черкессии — на 2,7 %, Северной Осетии — на 0,7 %. Наибольшее снижение размера домохозяйств (4 % и более) наблюдалось в семи регионах: Мурманской области — на 4,2 %; республиках: Ингушетии — на 15,9 %, Чеченской — на 9,3 %, Дагестане — на 6,4 %, Коми — на 4,3 %; Камчатском крае — на 4,0 %; в Москве — на 4,3 %.

Сближались ли регионы по числу домохозяйств, числу членов в них и их размеру в межпереписной период или различия увеличивались?

В таблице 1 представлены результаты эконометрического моделирования. В модели 1 изучается сближение по числу домохозяйств, в модели 2 — по числу членов домохозяйств, в модели 3 — по среднему размеру домохозяйств.

Результаты эконометрического моделирования

Модель 1	Коэффициент	Стандартная ошибка	Р-значение	Р-квадрат	Исправленный Р-квадрат
const	-0,0215372	0,0110958	0,0559	0,032600	0,020198
1_v2002	0,00140262	0,000865138	0,1090		
Модель 2	Коэффициент	Стандартная ошибка	Р-значение	Р-квадрат	Исправленный Р-квадрат
const	-0,0402175	0,0117036	0,0009	0,096956	0,085378
1_v2002	0,00241980	0,000836180	0,0049		

Модель 3	Коэффициент	Стандартная ошибка	P-значение	R-квадрат	Исправленный R-квадрат
const	0,0107754	0,00190803	<0,0001	0,397655	0,389933
1_v2002	-0,0115702	0,00161236	<0,0001		

Источник: расчеты автора на основе [2–3].

Модель 1 не может считаться значимой даже на уровне 10 %, а R^2 в ней маленький. Следовательно, в ней не учтены какие-то важные факторы, и мы не можем использовать ее и говорить о конвергенции или дивергенции регионов. Модель 2 значима на уровне 1 %, хотя мы можем говорить о дивергенции регионов, правда, имеет низкую объяснительную силу, так как R^2 менее 10 %. Это связано с различиями в уровнях рождаемости, смертности и миграции, и является предсказуемым результатом. Наиболее содержательной является модель 3, в которой R^2 — относительно высокий. Отрицательный знак коэффициента при переменной свидетельствует о сближении регионов по среднему размеру домохозяйств, что, возможно, объясняется наследием 1980–1990-х гг. и снижением среднего размера домохозяйств в регионах с высоким уровнем рождаемости (причины этого неясны, и для ответа на этот вопрос требуется дополнительная работа).

Выводы и рекомендации

Проведенный анализ показал, что рост числа домохозяйств отмечался в богатых регионах и регионах с высокой рождаемостью, а снижение — в средней полосе Европейской части России и северных регионах. В этих же регионах (с небольшими различиями) наблюдалось и увеличение (снижение) числа членов домохозяйств, а также высокий (низкий) размер домохозяйств. Все это означает усиление нуклеаризации общества и негативных последствий в виде более низкой рождаемости и брачности, что не отвечает потребностям государства. Таким образом, для увеличения числа домохозяйств и их размеров необходимы меры, направленные на повышение рождаемости и уровня жизни семей с детьми, развитие социальной инфраструктуры и улучшение отношения общества к семьям с детьми. Такие меры могут быть реализованы в условиях комплексной политики народонаселения, увязывающей в масштабе всей страны демографическое развитие с социальным с учетом региональной специфики.

Список литературы

1. Абаноква К. Р. Изменения в структуре российских домохозяйств в 1994-2013 гг. (статистический анализ) // Демографическое обозрение. – 2015. – Том. 2. – № 1. – С. 125-147.
2. Итоги всероссийской переписи населения 2002 г. В 14 томах. Т. 6. Число и состав домохозяйств. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2005. – 456 с.
3. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. В. 11 томах. Т. 6. Число и состав домохозяйств. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. – 543 с.
4. Лобанова Н. А. Особенности семейного состава населения Волгоградской области (по результатам Всероссийской переписи населения 2010 г.) // Грани познания. – 2013. – № 3 (23). – С. 70-73.
5. Черешова С. В. Социально-экономические факторы развития сектора домохозяйств, имеющих трех и более детей // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России. Сборник материалов VI Уральского демографического форума с международным участием: Экономико-демографическое поведение домохозяйств в условиях перехода на инновационный тип развития. Медико-демографические аспекты естественного и механического движения населения. Опыт демографической политики на постсоветском пространстве: риски пенсионной реформы (круглый стол). Отв. ред.: А. И. Татаркин, А. И. Кузьмин. – Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2015. – С. 175-180.
6. Чурилова Е. В. Состав и благосостояние неполных семей в России // Социологические исследования. – 2015. – № 3 (371). – С. 78-81.
7. Abanokova K. M., Lokshin M. Changes in household composition as a shock-mitigating strategy // Economics in transition. – 2015. Vol. 23. – no 2. – pp. 371-388.

8. Sala-i-Martin X. X. The Classical Approach to Convergence Analysis // The Economic Journal. 1996. – Vol. 106. – №. 437. – pp. 1019-1036.

Сведения об авторе

Синица Арсений Леонидович, к. э. н., научный сотрудник лаборатории экономики народонаселения и демографии, экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, тел. +7(495)9393094, e-mail: sinitsa@econ.msu.ru

Sinitsa A. L., Candidate of Science in Economics, researcher of the Laboratory of Economics of Population and Demography of Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, phone: +7(495)9393094, e-mail: sinitsa@econ.msu.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

УДК 34.349

ИССЛЕДОВАНИЕ ПО СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЕ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ STUDY ON SOCIAL PROTECTION OF CITIZEN'S LABOR RIGHTS IN THE TYUMEN REGION

Г. О. Барбаков, А. С. Гюрджинян
G. O. Barbakov, A. S. Gyurdzhinyan

Ключевые слова: защита прав и свобод человека и гражданина; нарушения трудовых прав работников; Трудовой кодекс РФ; надзорно-контрольная деятельность Федеральной инспекции труда
Key words: protection of the rights and liberties of man and citizen; violation of labor rights of workers; Labor Code of RF; supervisory and control activities of the Federal Labour Inspection

В статье рассматриваются наиболее типичные нарушения трудового законодательства, и анализируется защита трудового права в России и в Тюменской области. Исследованы и систематизированы знания о трудовых правах, как объектах защиты, определены критерии классификации трудовых прав работников; проанализирован круг государственных органов, реализующих функцию защиты трудовых прав, определена роль этих органов; пересмотрена роль и полномочия Федеральной службой по труду и занятости; проанализированы и разработаны предложения по совершенствованию порядка инспектирования работодателей.

This paper discusses the most common violations of labor laws and examines the protection of labor rights in Russia and Tyumen region. Knowledge of labor rights, defined criteria for the classification of labor rights of employees were studied and systematized as the objects of protection. The range of state agencies implementing the labor rights protection function, defined the role of these agencies. The role and powers of the Federal Service for Labour and Employment was reviewed; Proposals for improving the procedure for the inspection of employers was analyzed.

Право современной России принято считать предельно динамическим общественным явлением. Оно находит свое выражение в повседневной жизнедеятельности людей. Последовательность его реализации напрямую влияет на полноту раскрытия сущности и истинного предназначения права; чем больше последовательности, тем ошутимее проявляют себя заложенные в праве возможности.

Л. С. Явич, исследуя воплощение правовых норм в жизнь, писал, что «право ничто, если его положения не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях» [1].

В Конституции Российской Федерации признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства [2]. Государство гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина. Не случайно в любой отрасли права, равным образом и в трудовом праве, защита субъективных прав, свобод и законных интересов занимает важное место. Издавая норму права, государство обязано предусмотреть необходимые гарантии, способы и формы защиты прав, свобод и законных интересов, охраняемых принятой нормой. Право, предоставленное лицу, но не обеспеченное от нарушения необходимыми средствами защиты, является лишь «декларативным правом» [3]. Такое право не может в полной мере рассчитывать на безусловную и точную его реализацию в том смысле, который заложен в правовой норме; осуществление его без определенных защитных мер может быть реализовано лишь на добровольной основе со стороны членов общества в силу сознательности членов общества и авторитета государственной власти.

В соответствии с Трудовым кодексом РФ, одной из целей трудового законодательства является защита прав и интересов работников и работодателей [4]. Для реализации этих положений в Российской Федерации закреплены основные способы защиты трудовых прав и свобод, к числу которых относятся и государственный надзор и контроль за соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права [5].

Цель данной работы — исследовать трудовые права как объекты защиты, определить критерии классификации трудовых прав работников; проанализировать круг государственных органов, реализующих функцию защиты трудовых прав, определить роль этих органов; определить роль и полномочия Федеральной службой по труду и занятости; проанализировать и разработать предложения по совершенствованию порядка инспектирования работодателей.

Нарушения трудовых прав работников по-прежнему многочисленны, а осуществление органами государственного надзора и контроля своих полномочий недостаточно действенно. Причины сохранения такой ситуации: несовершенство законодательства, экономический кризис в стране, повлекший реорганизацию, ликвидацию организаций, вследствие чего произошло массовое высвобождение работников с нарушением действующего законодательства, предоставление им вынужденных отпусков без сохранения заработной платы и другие нарушения трудовых прав. Однако особо следует выделить такую причину, как недостаточное внимание государства к процессам, происходящим в сфере труда, поскольку результативность защиты трудовых прав напрямую зависит от роли государства в этом процессе [6].

В современных условиях острой проблемой является защита трудовых прав и работников. Экономический кризис еще не преодолен, и его последствия будут сказываться длительное время, что, несомненно, повлияет на эффективность действующего механизма защиты трудовых прав граждан. В связи с этим исследование проблем, связанных с повышением результативности защиты трудовых прав и законных интересов работников органами государственного надзора и контроля, не вызывает сомнений в их актуальности.

В самой человеческой природе, как отмечают исследователи, изначально заложена потребность трудиться как необходимое и естественное условие существования. Многие ученые придерживаются точки зрения, что труд сам по себе является источником удовлетворенности, позволяющим реализовать свойственные человеку стремления к самовыражению в труде. Желание работать часто связывают с осознанием индивидуумом принадлежности к человеческому сообществу, участию в общей жизни, в совместном создании своей среды [7].

Трудовой кодекс РФ содержит нормы о защите трудовых прав, в т. ч. устанавливает способы их защиты, в то время как защита законных интересов в нормах кодекса только провозглашается, но никак не регламентируется каким образом их можно защитить. Этот пробел вызывает трудности у правоприменителя и требует устранения путем закрепления в нормах форм и способов их защиты, а также участия в процессе защиты органов государства.

Следует отметить, что правовое регулирование защиты трудовых прав работников не ограничивается лишь нормами Трудового кодекса РФ. К этим вопросам обращается и региональное нормотворчество, нормотворчество социальных партнеров. Защита трудовых прав работников, таким образом, опосредуется в достаточно объемной группе правовых норм, которая в силу новизны нуждается в научном осмыслении своих концептуальных основ.

В науке трудового права комплексные исследования, связывающие воедино вопросы теоретического обоснования защиты трудовых прав и практическую проблематику, отсутствуют.

Права, свободы и законные интересы нередко становились объектами исследования специалистов общей теории права. Труды таких ученых, как С. С. Алексеев, Н. В. Витрук, Р. З. Лившиц, Е. А. Лукашева, А. В. Малько, Н. И. Матузов, А. В. Стремоухов, Н. А. Шайкенов, А. И. Экимов и других, несомненно, оказали огромное влияние на формирование основ защиты трудовых прав, свобод, законных интересов [8].

Вопросы применения норм трудового права исследовались В. И. Поповым, А. С. Пашковым, С. П. Мавриным, Л. А. Горбуновым.

Проблемам защиты прав и свобод государственными органами, в частности органами исполнительной власти, посвящены исследования специалистов в области административного права (Б. М. Лазарев, Ю. М. Козлов, Н. Г. Салищева, Ю. Н. Стариков, М. С. Студеникина, И. Я. Хабриева, А. Ю. Якимов и других). Их работы внесли огромный вклад в понимание сущности реализации органами исполнительной власти своей компетенции [9].

Кроме того, на современном этапе учеными подготовлено немало исследований по актуальным проблемам профсоюзной защиты, реформирования системы рассмотрения и разрешения индивидуальных трудовых споров, динамики процесса урегулирования коллективных трудовых споров, функционирования органов государственного надзора и контроля за соблюдением норм трудового права, организации и развития социального партнерства.

Результаты исследования и выводы. Результаты надзорно-контрольной деятельности Федеральной инспекции труда в 2015 г. свидетельствуют, что проблема соблюдения законности в трудовой сфере и обеспечения трудовых прав граждан продолжает оставаться достаточно острой. При этом следует отметить, что работодатель стал ответственнее подходить к трудовому законодательству, особенно в части оплаты труда, расследования несчастных случаев, ведь именно за эти нарушения предусмотрена при наличии вины уголовная ответственность.

Наиболее типичными нарушениями трудового законодательства в части выплаты работникам заработной платы продолжают оставаться:

- нарушение сроков выплаты заработной платы работникам (ст. 136 ТК РФ);
- нарушение сроков расчета при увольнении (ст. 140 ТК РФ);
- нарушение сроков оплаты отпуска (ст. 136 ТК РФ) и компенсации за неиспользованный отпуск (ст. 127 ТК РФ);
- неоплата сверхурочной работы, работа в выходные и праздничные дни (ст. 152, 153 ТК РФ);
- выплата заработной платы без учета районного коэффициента к заработной плате (ст. 148 ТК РФ);
- выплата заработной платы ниже минимального размера оплаты труда (региональное соглашение о МРОТ по Тюменской обл.);
- нарушение ст. 236 ТК РФ в части начисления работникам процентов за задержку выплаты заработной платы.

Основная часть вопросов, как и прежде, касается невыплаты заработной платы. Однако если раньше работники обращались с жалобами о невыплате окончательного расчета при увольнении, то на начало 2015 г. зафиксировано увеличение числа обращений, связанных с невыплатой заработной платы в течение нескольких месяцев и целым коллективам работников. Анализ проведенных проверок показывает, что основной причиной задолженности является, отсутствие денежных средств на счетах у организации, что влечет за собой задержку выплаты заработной платы работникам организации [10].

Тем не менее, есть положительная динамика уменьшения количества обращений граждан в целом, уменьшения количества внеплановых проверок.

Кроме того, их деятельность позволяет выделить ряд общих проблем и факторов, оказывающих негативное влияние на успешное решение указанных вопросов, основными из которых продолжают оставаться:

- нестабильное экономическое положение многих хозяйствующих субъектов, не позволяющее обеспечить комплексное решение вопросов их социального развития и надлежащую реализацию требований и положений законодательства о труде, включая обеспечение конституционных прав работников на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, и на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации;
- слабая инвестиционная активность организаций базовых отраслей экономики и практическое отсутствие экономической заинтересованности сторон социально-трудовых отношений в проведении мероприятий, направленных на улучшение условий труда, охрану

здоровья и социальную защиту работников, что в значительной мере связано с существующей обременительной системой страхования;

□ неудовлетворительные знания работодателей и работников требований и положений трудового законодательства, включая низкий уровень осуществлений работодателями подготовки по охране труда персонала потенциально опасных производств организаций различных видов экономической деятельности;

□ правовой нигилизм и пренебрежение требованиями трудового законодательства работодателей и работников, усугубляющиеся частой реорганизацией организаций вследствие смены собственника и других структурных изменениях на уровне управления.

Учитывая указанные основные проблемы, основной задачей Государственной инспекции труда в Тюменской области по-прежнему остается обеспечение гарантированных государством прав работников на свободный и безопасный труд и соблюдения работодателями и работниками основных принципов правового регулирования трудовых отношений, вытекающих из общепризнанных норм международного права, Конституции Российской Федерации и Трудового кодекса Российской Федерации.

Подводя итог, можно сказать, что дальнейшее совершенствование структуры и компетенции государственной инспекции труда в субъекте РФ, требует:

□ разграничения законодательной терминологии понятий «защита трудовых прав» и «охрана труда», а также разграничения компетенций инспекторов по охране труда и инспекторов по защите трудовых прав, что будет способствовать специализации инспекторов, и устранил возможность некомпетентного вмешательства одних должностных лиц в деятельность других;

□ уточнения терминологии такого понятия, как «самозащита трудовых прав» и придания термину силу юридической дефиниции;

□ разработки региональных программ с целью содействия гражданам в реализации права на самозащиту трудовых прав, в т.ч. регламентации порядка действия и оформления документов и т.п. при реализации прав по ст. 142, 379 ТК РФ;

□ популяризации деятельности государственной инспекции труда с целью повышения активности граждан по инициированию проверок работодателей, в т.ч. путем расширения охвата аудитории посредством усовершенствования интернет-ресурсов, позволяющих гражданам понимать и осуществлять свои права в рамках создания коллективного договора, защиты и самозащиты своих трудовых прав и т. д.;

□ передачи рассмотрения обращений работников из подведомственности ГИТ посредникам-медиаторам, например, государственным трудовым арбитрам;

□ устранения явных и скрытых противоречий в положениях Конвенции № 81, ТК РФ, ФЗ-279, ФЗ-79 и четкой регламентации прав, полномочий и обязанностей инспектора в рамках отдельной законодательной процедуры [11].

□ придания предписаниям государственной инспекции труда силы исполнительного документа с наложением административного наказания за его неисполнение и (или) частичное неисполнение.

Список литературы

1. Баиева Н. А. Право работника на справедливую заработную плату как один из критериев социального государства, Н. А. Баиева, И. Ю. Прокопенко // Вопросы современной юриспруденции, 2013. – № 32. – С. 86-96;
2. Князева Н. А. Понятие и виды форм защиты трудовых прав работников / Н.А. Князева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право, 2012. – № 2.
3. Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2009. – 32 с. – (Кодексы и законы России).
4. Костян И. А. Правовые проблемы защиты трудовых прав работников в условиях рыночных отношений в России: автореф. дис. ...д.юр.н.: (12.00.05) / И. А. Костян; [МГУ им. М. В. Ломоносова]. – М., 2009. – 58 с.
5. Орловский Ю. П. Трудовое право России: учебник / Ю. П. Орловский, А. Ф. Нуртдинова, Д. Л. Кузнецов. – 3-е изд. – М.: Инфра-М, 2010. – 648 с.

6. Сафирова А. А. Защита трудовых прав и законных интересов работников органами государственного надзора и контроля / А. А. Сафирова.; [Акад. труда и соц. отношений]. – М., 2009. – 52 с.
7. Смоленский М. Б. Трудовое право Российской Федерации: учебник / М. Б. Смоленский, Е. Е. Тонков, М. В. Мархгейм, И. А. Грабовский. – Ростов н/Д.: Феникс, 2011. – 491 с.
8. Трудовой кодекс Российской Федерации: текст с изменениями и дополнениями на 15 мая 2015 года. – М.: Эксмо, 2015. – 240 с. – (Законы и кодексы)
9. Явич Л. С. Общая теория права / Л. С. Явич. – Л.: изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 286 с.
10. Ярмизина Н. В. Проблемы обеспечения защиты трудовых прав работников / Н. В. Ярмизина // Современные научные исследования, 2011. – № 30. – С. 30-38.

Сведения об авторах

Барбаков Григорий Олегович, к. ю. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, тел. 8 (3452)683446, e-mail: bara79@bk.ru

Гюрджинян Александр Сергеевич, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, тел. + 79995493697, e-mail: Tis72@list.ru

Barbakov G. O., Candidate of Science in Juridical sciences, associate professor of Marketing and Municipal Management Department, Industrial University of Tyumen. phone: 8 (3452)683446, e-mail: bara79@bk.ru

Gyurdzhinyan A. S., a graduate student of Marketing and the municipal management, Industrial University of Tyumen, phone: + 79995493697, e-mail: Tis72@list.ru

УДК 346.9

**ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ДОСУДЕБНОГО
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ
ECONOMIC AND LEGAL CHARACTERISTICS FOR PRETRIAL NOTICE OF
INSOLVENCY OF ECONOMIC UNITS**

**И. В. Изюмов, В. Б. Куркин, Т. А. Романова
V. I. Izyumov, V. B. Kurkin, T. A. Romanova**

Ключевые слова: частная собственность; хозяйствующий субъект; экономические основы; банкротство; досудебная санация
Key words: private property; economic units; basics of economy; bankruptcy; pretrial readjustment

В статье авторы рассматривают проблемы урегулирования образовавшейся задолженности и способы восстановления платежеспособности хозяйствующих субъектов. В ходе исследования выявлено, что решение проблемы неплатежей требует применения иных подходов и средств помимо судебных процессов банкротства. Актуальной задачей экономического развития предпринимателей является развитие досудебного предупреждения несостоятельности как альтернативу существующей практике. Поэтому одной из ведущих идей всего российского законодательства в сфере экономики является идея недопущения, предупреждения случаев банкротства хозяйствующих субъектов. Предлагается в целях совершенствования правового регулирования досудебного предупреждения несостоятельности хозяйствующего субъекта, законодательно закрепить определения неплатежеспособности, несостоятельности и банкротства. Необходимо дополнить законодательство о банкротстве нормами, определяющими цели и задачи института несостоятельности, что позволит значительно сместить акцент в сторону оздоровления и послужит толчком для эффективного развития законодательства в дальнейшем.

The authors consider problems of existing indebtedness and the ways to restore the solvency of economic units.

In the process of researching, the authors have found that it is necessary to find alternative way to solve the underlined problems besides of using bankruptcy process. An urgent task of economic development of business is the development of pre-trial warning insolvency as an alternative to the current practice. Therefore, one of the leading ideas of all Russian legislation in the field of economics is the idea of preventing cases of bankruptcy of economic units. It is propose to improve the legal regulation of pretrial readjustment of an economic unit, to legislate the definition of insolvency, insolvency and bankruptcy. It is also necessary to complete legislation on bankruptcy rules that will define goals and targets of the bankruptcy institution. It will help to rehabilitate legislation as a whole and will be as a boost for the development in the future.

Из всего обширного спектра экономических связей для настоящего исследования представляют интерес экономические отношения между субъектами, участвующими в торговом обороте. Их внешнее выражение заключается в ежедневном принятии субъектами определенных обязательств, связанных с оплатой услуг, товаров, работ. Ненадлежащее исполнение таких обязательств влечет возникновение проблемы неплатежей, задолженности. При этом нарушается обычное течение хозяйственной деятельности.

Современные тенденции развития экономики позволяют говорить о необходимости совершенствования публичного управления в целом. С этих позиций, очевидно, что проблема подведомственности дел о несостоятельности действительно актуальна, но еще не может быть решена в силу отдельных факторов, связанных с особенностями развития отечественной рыночной экономики.

Вышесказанное приводит к выводу, что решение проблемы неплатежей требует применения иных подходов и средств, помимо судебных процессов банкротства. Необходимость поиска подобных путей со временем становится очевидной как для хозяйствующих субъектов, так и для иных общественных структур и государственных органов, что служит основой зарождения новых отношений, складывающихся по поводу досудебного предупреждения несостоятельности.

Действующий закон о банкротстве не содержит статьи, определяющие принципы банкротства или его цели, задачи. Отчасти и поэтому, многие уверены, что обанкротить, значит развалить, уничтожить, что не соответствует истине. У института несостоятельности есть и другая стезя — сохранить то, что есть и попытаться улучшить, оптимизировать. Порохов М. Г. справедливо указывает: «Законодательство о банкротстве не должно быть направлено на наказание нечестного должника, но в тоже время должно реабилитировать честного. Применение законодательства о банкротстве должно соответствовать целям банкротства» [8].

Осознание реабилитационной сущности института несостоятельности нашло свое выражение в таких процедурах как финансовое оздоровление и внешнее управление. Сегодня становится ясно, что участие суда в восстановлении платежеспособности не обязательно, а феномен досудебного предупреждения несостоятельности может составить альтернативу существующей негативной практике.

Поэтому одной из ведущих идей всего российского законодательства в сфере экономики является идея недопущения, предупреждения случаев банкротства хозяйствующих субъектов (и в первую очередь — коммерческих организаций).

Таким образом, институт несостоятельности имеет два направления — упразднить лишнее и устаревшее и — сохранить позитивное, открыть дорогу новому и передовому в хозяйственной деятельности.

В этих условиях следует дополнить законодательство о банкротстве нормами, определяющими цели и задачи института несостоятельности, ведь иные отрасли и институты традиционно располагают подобными средствами. Это позволит значительно сместить акцент в сторону оздоровления и послужит толчком для эффективного развития законодательства в дальнейшем.

В настоящем исследовании поддерживается идея закрепления в законе целей законодательства о несостоятельности и предлагается следующее их формулирование: безболезненное устранение из хозяйственного оборота неплатежеспособных хозяйствующих субъектов, устаревающих технологий производства и производимых товаров; поддержание динамики развития гражданского оборота, конкуренции, содействие внедрению новейших методов и систем управления; перераспределение собственности на основные средства производства в целях их наиболее эффективного использования, обновление основных средств; соразмерное требованиям распределение вырученных средств между участниками процесса, в том числе досудебных процедур; предотвращение правонарушений в предпринимательской среде, направленных на дестабилизацию финансового состояния хозяйствующего субъекта в целях его разрушения, недружественного поглощения, захвата.

Авторы настоящего исследования глубоко убеждены, что именно досудебная составляющая отношений в рамках института несостоятельности призвана обеспечить достижение таких целей, как сохранение жизнеспособных предприятий, бизнеса, защита хозяйствующих субъектов от недружественного поглощения, захвата. Эти отношения, несомненно, будут иметь особенности, которые позволят говорить о них как об особой разновидности, группе, которая является видовой по сравнению с отношениями, составляющими предмет предпринимательского права, института несостоятельности [4].

Отличительные черты этих отношений могут быть обозначены следующим образом. Во-первых, это отношения публичного характера. Их публичность проявляется в паритетности всех кредиторов по отношению к должнику (независимо от оснований возникновения долга, его размера, правового статуса отдельного кредитора). Кредиторы в этих отношениях выступают уже не каждый самостоятельно, а в совокупности. Кризис неплатежей должника разрешается им и его кредиторам с учетом необходимости удовлетворения требований всех, а не кого-то в отдельности.

Во-вторых, исследуемые отношения направлены на профилактику кризисных явлений в деятельности хозяйствующего субъекта и восстановление его платежеспособности. Все действия участников (должника и кредиторов) преследуют единую цель — разрешение кризиса неплатежей.

В-третьих, в данные отношения не вмешиваются «третьи лица» — арбитражные управляющие, регулирующие органы, суд. Разрешение кризиса неплатежей осуществляется без применения в отношении должника судебных процедур банкротства.

Хозяйствующий субъект в этом случае преодолевает затруднения самостоятельно, без наблюдения или руководства со стороны. Он сам решает, какие меры предпринять, кого привлечь для их осуществления, и сам отвечает за результат. Финансовые затруднения, в этом случае, становятся объективным фактором, оказывающим первоочередное влияние на поведение хозяйствующего субъекта. Основная цель предпринимательства — получение прибыли — в этой ситуации перестает быть первичной. Хозяйствующий субъект заключает сделки либо в целях высвобождения денежных средств для погашения задолженности, либо в целях получения временной отсрочки платежей.

Деятельность по предупреждению банкротства все чаще становится предметом научных исследований в области права. Однако высказывания по данной проблеме носят разрозненный характер. Существующие точки зрения крайне противоречивы и редко достаточно обоснованы. В качестве иллюстрации приведем следующее высказывание В. С. Анохина: «антикризисные меры, меры по недопущению банкротства следует принимать, когда финансовые результаты предприятия становятся неудовлетворительными» [2]. Как видим, автор в данном случае использует сразу два термина: «антикризисные меры» и «меры по недопущению банкротства». Очевидно, что это синонимы, однако, в работе автор не раскрывает их более полно, отсутствуют их определения и не уточняется что это за меры. Он лишь указывает на то, в каких случаях их следует применять. Данное утверждение, безусловно заслуживает поддержки, однако, по нашему мнению, использование трех различных терминов для обозначения одного и того же феномена вряд ли приемлемо.

Так, например, доктор юридических наук А. И. Гончаров, рассуждая о превенции банкротства, использует термин «финансовое оздоровление», и утверждает, что «для восстановления платежеспособности коммерческих организаций совсем не обязательно связывать с их несостоятельностью (банкротством) и принимать соответствующие меры, когда хозяйствующий субъект входит в предбанкротное состояние [3].

С. А. Карелина использует термин «предупреждение банкротства», определяя его как «сложный комплекс экономических, организационных, управленческих, финансовых и иных мероприятий, осуществленных с целью недопущения несостоятельности» [6]. В отношении одного и того же феномена используются совершенно разные термины, зачастую характеризующие лишь какую-либо одну из его сторон. Таким образом, отсутствие в науке единства терминологии является серьезным препятствием в исследовании деятельности по предупреждению несостоятельности хозяйствующего субъекта, не позволяющим ему активно развиваться.

При наличии каких обстоятельств можно говорить о необходимости досудебного предупреждения несостоятельности хозяйствующего субъекта? На первый взгляд, ответ очевиден — при наступлении кризисной ситуации в деятельности хозяйствующего субъекта. Однако на самом деле все не так просто. Во-первых, что следует понимать под кризисной ситуацией (наличие кредиторской задолженности, срок погашения которой наступил, в размере, скажем, двух миллионов рублей для одного хозяйствующего субъекта отнюдь не проблема, для другого — это крах), во-вторых, какие меры следовало предпринять для предотвращения кризиса.

Термин «финансовый кризис» — это, безусловно, экономическое явление. По мнению З. Айвазян, «Кризис предприятия означает дефицитность обеспечения текущей хозяйственной и финансовой потребностей в оборотных средствах»[1]. Что касается правового регулирования досудебного предупреждения несостоятельности хозяйствующего субъекта, то здесь более интересны внешние выражения этой «дефицитности» — неплатежи.

Действующий закон о несостоятельности определяет количественные характеристики таких неплатежей, необходимые для возбуждения дела о банкротстве в суде. Прежде всего, это просрочка платежей — более трех месяцев, которая определяется законодателем как признак банкротства. А если размер просроченных платежей более трехсот тысяч рублей (для должника-организации), то это основание для возбуждения дела о несостоятельности. Такое положение представляется достаточно спорным.

Как отмечал М. И. Кулагин, «неплатежеспособность — это неспособность должника из наличных средств погасить те требования кредиторов, срок платежа по которым уже наступил. Под недостаточностью имущества понимается превышение пассива над активом имущества. Конечно, иногда грань между этими состояниями провести нельзя, но все же нельзя их и отождествлять» [7].

Основной аргумент сторонников критерия неоплатности сводится к тому, что при применении критерия неплатежеспособности открывается возможность для относительно легкого инициирования процесса банкротства в отношении практически любого хозяйствующего субъекта, следовательно, открывается окно для неправомерных действий (захвата бизнеса, поглощения предприятия). Действующий закон «О несостоятельности (банкротстве)»[9] установил в качестве необходимого условия для возбуждения дела о банкротстве — подтверждение требования кредитора вступившим в законную силу решением суда. Это во многом снизило убедительность аргументации сторонников критерия неоплатности.

На практике, признать банкротом хозяйствующий субъект на основании лишь внешних проявлений финансовых затруднений нельзя. Закон предусматривает введение процедуры наблюдения, в рамках которой временный управляющий проводит анализ финансового состояния организации и только потом делает выводы о возможности признания должника банкротом. Однако же на практике процедура наблюдения в подавляющем большинстве случаев сменяется процедурой конкурсного производства и, не секрет, что здесь баланс интересов должника и кредиторов не всегда соблюдается. В случае наличия у кредиторов умысла, направленного на устранение должника как конкурента или на захват бизнеса собственников должника, спастись от конкурса потенциально финансово устойчивый хозяйствующий субъект уже не в состоянии.

Не менее актуальной сегодня становится проблема установления критерия, основания для принятия руководством и учредителями (собственниками) хозяйствующего субъекта мер для досудебного предупреждения несостоятельности.

Анализ содержания ч. 1 ст. 30 действующего Закона о банкротстве позволяет сделать вывод о том, что законодатель смешивает признаки банкротства и основания для принятия мер, направленных на восстановление платежеспособности. В Законе сказано: «В случае возникновения признаков банкротства, установленных пунктом 2 статьи 3 настоящего Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», руководитель должника обязан направить учредителям (участникам) должника, собственнику имущества должника — унитарного предприятия сведения о наличии признаков банкротства». Последние по смыслу

Закона обязаны до момента подачи в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом принимать меры, направленные на восстановление платежеспособности.

Получается, что просрочка платежей более трех месяцев — основание для руководителя «объявлять тревогу», а учредители, участники, собственники после этого обязаны восстанавливать платежеспособность. Наиболее очевидный выход — заключение соглашения между должником и кредиторами, предусматривающего предоставление должнику определенного периода времени для выправки своего финансового состояния. Однако если кредитор имеет захватническую цель, необходима защита интересов должника. А она возможна только посредством предоставления временной отсрочки. И если должник сумеет восстановить платежеспособность в течение такого периода, все вопросы к нему автоматически снимаются, если нет, банкротство будет выглядеть не только неизбежным, но и единственно верным вариантом развития дальнейших событий. Если преодолеть кризис предприятию не удастся, очевидна его глубина и обоснованность требований кредиторов.

Неспособность хозяйствующего субъекта восстановить собственную платежеспособность посредством проведения целенаправленных мероприятий с применением различных средств, в том числе и правовых, является более очевидным признаком банкротства, нежели просто просрочка платежа в течение трех месяцев [5].

В этих условиях полагаем возможным предложить два варианта решения проблемы.

Первый — определить трехмесячную просрочку платежей хозяйствующим субъектом не как признак банкротства, а как основание для обязательного принятия мер по восстановлению платежеспособности должника лицами, определенными в ст. 30 действующего Закона о банкротстве (при отсутствии обстоятельств, предусмотренных ст. 9 действующего Закона о банкротстве). Признак банкротства в таком случае — отсутствие положительного результата проведения таких мероприятий по истечении трех месяцев. Основания для возбуждения дела о несостоятельности — размер задолженности и доказательства невозможности самостоятельного выхода хозяйствующего субъекта из кризиса (либо заявление представителя должника о нежелании предпринимать меры для досудебного восстановления платежеспособности).

В законодательстве необходим пересмотр терминологии.

Авторами настоящего исследования предлагается в целях совершенствования правового регулирования досудебного предупреждения несостоятельности хозяйствующего субъекта, законодательно закрепить следующие определения неплатежеспособности, несостоятельности и банкротства.

Неплатежеспособность — неспособность хозяйствующего субъекта при наступлении сроков платежей надлежащим образом исполнить свои денежные обязательства перед кредиторами.

Несостоятельность — неспособность хозяйствующего субъекта надлежащим образом исполнять свои денежные обязательства перед кредиторами в течение трех и более месяцев, в том числе и в рамках судебных процедур банкротства (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление).

Банкротство — установленная судом неспособность хозяйствующего субъекта осуществить погашение требований всех своих кредиторов по денежным обязательствам.

Использование указанных выше определений благоприятно повлияет на правовое регулирование досудебного предупреждения несостоятельности. Изменение законодательного подхода одновременно способствует и формированию единства терминологии и однообразия юридической техники.

Список литературы

1. Айвазян З., Кириченко В. Антикризисное управление: принятие решений на краю пропасти / З. Айвазян, В. Кириченко // Антикризисное и внешнее управление. – 2004. – № 4. – С. 37.

2. Анохин В.С. Антикризисное управление и предупреждение банкротства / В. С. Анохин // Актуальные проблемы науки и практики коммерческого права. Вып. 5: сб. науч. статей ; Санкт-Петербургский государственный университет ; под общ. ред. В. Ф. Попондопуло, О. Ю. Скворцова; Волтерс Клувер, 2005. – С. 225-242.
3. Гончаров А. И. Досудебное финансовое оздоровление коммерческой организации/ А.И. Гончаров // Право и экономика. – 2004. – № 8. – С. 49-53.
4. Изюмов И. В., Куркин В. Б. Правовое регулирование досудебного предупреждения несостоятельности хозяйствующего субъекта / И. В. Изюмов, В. Б. Куркин // Тюмень: ТюмГНГУ, 2013. – С. 83.
5. Изюмов И. В., Хайруллина Н. Г. Правовые основы государственного и муниципального управления. Курс лекций. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. – С. 307
6. Карелина, С. А. Соглашение о досудебной санации / С. А. Карелина // Предпринимательское право. – 2007. – № 1. – С. 22-25.
7. Кулагин М. И. Избранные труды по акционерному и торговому праву / М.И. Кулагин. – М.: Статут, 2004. – С. 174.
8. Порохов М. Г. Основные принципы реформирования законодательства о банкротстве на примере стран восточной Европы / М. Г. Порохов // Адвокат. – 2005. – № 12. – С. 73-77.
9. Федеральный закон № 127-ФЗ от 26.10.2002 г. «О несостоятельности (банкротстве)»

Сведения об авторах

Изюмов Игорь Владимирович, к. ю. н., доцент кафедры «Социология», Тюменский индустриальный университет, тел. 89220428890, e-mail: izyumov@rambler.ru

Куркин Владимир Борисович, соискатель кафедры гражданского права, Тюменский государственный университет, тел. 89324855044. e-mail: vladkurkin@yandex.ru.

Романова Татьяна Алексеевна, к. мед. н, Тюменский государственный медицинский университет, тел. 89044941141

Izyumov I. V., Candidate of Science in Law, associate professor, Industrial University of Tyumen, phone: 89220428890, e-mail: izyumov@rambler.ru

Kurkin V. B. applicant of the chair of civil law, Tyumen state University, Tyumen, e-mail: kurkin@mail.ru

Romanova T. A., Candidate of medical Sciences, Tyumen state medical University, phone: 89044941141

УДК 324

ОПЫТ ГЕНДЕРНОГО КВОТИРОВАНИЯ В РАМКАХ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ШВЕЦИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ EXPERIENCE OF GENDER QUOTAS IMPOSING WITHING THE FRAMEWORK OF ELECTORAL SYSTEM OF SWEDEN: INSTITUTIONAL ANALYSIS

А. И. Мелешкина
A. I. Meleshkina

Ключевые слова: гендерная политика; гендерное квотирование; шведская избирательная система; женские политические движения; институциональная среда
Key words: gender politics; gender quotas; Swedish electoral system; female political movements; institutional environment

Решение проблемы гендерной асимметрии институтов подразумевает выбор специфических инструментов в каждой сфере общественной жизни. В сфере политики таким инструментом является гендерное квотирование в рамках избирательной системы. В рамках исследования проводится ретроспективный анализ гендерного квотирования, реализуемого в рамках шведской избирательной системы. Выбор в качестве объекта исследования системы гендерных квот Швеции обусловлен положительной динамикой женской вовлеченности в политические процессы данной страны. Методологической базой исследования являются концепции политической социологии, новой институциональной теории и политологии. Структура статьи представляет собой переход от исторического обзора гендерного фактора политической системы Швеции к обобщению результатов применения квотирования. В заключение анализа практики гендерного квотирования приводятся условия эффективной реализации гендерного квотирования с учетом степени жесткости использования данного инструмента, силы влияния групп интересов на исход выборов кампаний, условий межпартийной конкуренции.

Solution of the problem of gender asymmetry of institutes implies the selection of specific instruments in each sphere of social life. In the sphere of politics, such instrument is imposing gender quotas within the framework of electoral system. Within the study the retrospective analysis of gender quotas imposing, implemented within the Swedish electoral system. The choice as an object of study of gender quotas of Sweden is justified by positive dynamics of female inclusion in the political processes of this country. The methodological base of the research is the concept of political sociology, new institutional theory and politology. The structure of the article represents the transition from historical review of gender factor of political system of Sweden to generalization of results of implementing quotas. In the conclusion of analysis of practice of gender quotas imposing the conditions of efficient realization of gender quotas imposing taking into account degree of rigidity of use of given instrument, power of influence of groups of interest on the outcome of election campaigns, conditions of inter-party competition, are given.

Гендерное квотирование является одним из инструментов гендерной политики, используемых для решения проблемы дискриминации женщин в политической среде. Обеспечение женского представительства в политике преследует три основные цели. Во-первых, устранение ограничений реализации защиты интересов женщин в сфере материнства, семейного и гражданского права. В данных областях мужчины могут не обладать специфическими знаниями и опытом, необходимыми для выбора эффективного способа противодействия гендерной дискриминации, в то время как женщины имеют такой опыт в силу вовлеченности в дискриминационные процессы в перечисленных сферах. В таком случае политическое участие женщин способствует снижению издержек поиска информации и принятия политических решений. Во-вторых, факт гендерной дискриминации, в том числе и в политике, противоречит концепции демократии, к которой в большинстве своем стремятся современные политические системы. Что может вызывать недоверие населения к проводимой социально-экономической политике и оказывать влияние на экономическое развитие страны — ряд исследований последних лет выявляет отрицательную взаимосвязь между уровнем недоверия населения к государству и экономическими показателями [1, 2]. В-третьих, политическая сфера общественной жизни не является нейтральной по отношению к фактору пола, существуют гендерные различия в принятии решений, выборе методов противодействия социальным и политическим проблемам. Подтвержденные в ходе экспериментов меньшая склонность женщин к риску [3] и высокий уровень неприятия неравенства [4] могут быть преимуществом чиновника, определяющего курс социальной политики, где приоритетом является стабильность. Таким образом, программы сбалансированного политического представительства женщин и мужчин — это способ смягчения гендерной асимметрии политических институтов, инструмент предоставления как мужчинам, так и женщинам возможности реализации конкурентных преимуществ, имеющих значение для результативности социальной политики.

Готовность женщин к участию в политической жизни не является безусловной, так как политическая активность также имеет гендерный аспект. Эмпирические исследования стимулов политического участия подтверждают неоднородность предпочтений женщин и мужчин, так в работе Ричарда Фокса [5] выявлена следующая тенденция: большинство женщин не рассматривает возможность занимать высокие государственные посты в ближайшее время, что связано с отсутствием внешней поддержки в ходе выборов, семейным положением, низким ожидаемым доходом от госдеятельности и низкой оценкой собственных возможностей одержать победу в ходе выборной кампании. Однако мужчины также считают перечисленные факторы барьерами для участия в политической жизни, разница заключается в том, что женщины демонстрируют большее постоянство в отношении к своей возможности участия в политике, при этом мужское мнение на ту же проблему учитывает характеристики процесса выборной кампании и чаще меняется с течением времени. Кроме того, женщины демонстрируют большие по сравнению с мужчинами предпочтения должностей в местных органах власти. Таким образом, низкий уровень участия женщин в политике — результат не только гендерной дискриминации, но и нежелания женщин принимать участие в процессе управления (что в свою очередь может являться следствием настройки неверной системы стимулов для потенциальной женщины-политика).

Успех реализации гендерного квотирования зависит от страновых особенностей институциональной среды в целом и в политической сфере в частности. Исторически формирование и внедрение практики гендерного квотирования на территории ЕС началось со шведской избирательной системы. Дальнейшее распространение данной практики носило характер импорта институтов. Ретроспективный анализ процесса вовлечения женщин в политическую жизнь в рамках шведской избирательной системы демонстрирует поэтапный долгосрочный подход к снижению гендерной асимметрии политических институтов.

Ретроспективный анализ гендерного квотирования выборных должностей в Швеции.

Концепция гендерной квоты в Швеции имеет долгую и непростую историю, как и нормы равенства, консенсуса и кооперации, которые и позволили сформировать модель *varannan damernas* — «каждый второй танец белый». Первая квота была предложена в 1920-е годы, сразу после того, как женщины добились права голоса, когда Женская Федерация социал-демократической партии предложила установить квоту таким образом, что женщины могли занять обеспеченные места в партийных списках. Предложение было отвергнуто, так как противоречило принципам равных возможностей и открытой конкуренции [6]. В течение следующих пятидесяти лет женщины продолжали участвовать в партийной жизни, однако единственным достижением этого периода является возможность включения в партийный список одной женщины (так называемая «обязательная женщина»).

Тем не менее, к концу 1970-х в Швеции прошли дебаты, ключевым вопросом которых была меняющаяся роль мужчин и женщин в современном обществе, что привело к новой волне женской активности. Предпринимаемые усилия по увеличению числа женщин в партийных списках преследовали цель равного представительства мужчин и женщин в политике (модель 50/50). Дискурсивная стратегия на протяжении 1980-х и 1990-х годов основана на доказательстве правомерности требования большей представленности женщин в политике в силу численного превосходства [7]. В результате политические меры становились все более жесткими, их рекомендательный характер перешел в формат плановых заданий и требовал обязательного выполнения партиями.

В то время как число женщин на выборных должностях продолжало расти, в 1985 году достигнув 32 % , доля женщин в государственных органах контроля и надзора оставалась низкой, что привело к формированию специальной комиссии по вопросу недопредставленности женщин в этом секторе [8]. Однако национальное исследование 1987 года Swedish Government Official Report отвергало принудительное гендерное квотирование, предпочтение отдавалось добровольной партийной инициативе. Достигнутые успехи принудительного квотирования объяснялись естественным развитием, которое будет продолжаться до тех пор, пока не будет обеспечено гендерное равенство в политике. Докладом рекомендован отказ от жестких квот в пользу добровольных мер в комплексе с обязательными положениями, действующими только в случае замедления роста числа женщин в политике. Для достижения намеченных целей была предложена система чередования женских и мужских имен в партийных списках, эта система получила название *varannan damernas*, название которой происходит из обычая деревенских танцев, когда каждый второй танец женщина могла пригласить мужчину [6]. По сути, являясь аналогом гендерной квоты, эта концепция была разработана для того, чтобы смягчить требования радикального перераспределения власти и перейти к компромиссному правилу чередования. Данная методика позволила избежать конфликта интересов мужчин и женщин и призвать к равному представительству, что перекликается с основными дискурсами на тему консенсуса и равенства в шведском обществе 1980-х гг. Хотя эти рекомендации не были предназначены для немедленной реализации в ходе политического процесса, они получили вторую жизнь в 1991 году, когда представительство женщин в политике упало впервые с 1928 года, результатом чего стал рост активности женских движений. Группа активисток в ответ на усилившееся давление на женщин-членов партий вместе с организацией «Чулки» (*Stödstrumporna*) угрожала созданием женской партии в случае, если лидеры существующих партийных движений не поддержат инициативу включения в списки большего числа женщин. Опросы общественного мнения показали, что 40 % опрошенных были готовы отдать свои голоса в пользу женской партии [6]. Реакция основных политических партий на данную

«угрозу» была реализована в новых списках, где имена кандидатов обоих полов строго чередовались. Применение списков на выборах 1994 года привело к росту женского представительства в парламенте до 44 % . Одновременно в состав кабинета министров Швеции было назначено рекордное число женщин — 50 % . Во многих управленческих структурах местного и регионального уровня женщины получили от 40 до 50 % мест, включая посты мэра и главы местной администрации [6].

Условия эффективности гендерного квотирования в сфере политики.

Успех Швеции часто приводят как довод в пользу введения гендерной квоты, однако увеличение числа женщин на выборных должностях может не соотноситься с качественными показателями: гендерный разрыв в доходах создает отрицательные стимулы для женского политического участия; «стеклянный потолок» снижает вероятность назначения женщины на руководящие посты. Лоббирование интересов мужских и женских групп также оказывает существенное влияние на результативность гендерного квотирования. Исследование Олле Фолке и Джоанны Рикне [9] включает в себя анализ стимулов ограничения женского политического участия со стороны мужской группы интересов. Основной вывод работы основан на разнородности политических взглядов избирателей — политическая конкуренция выступает в качестве ограничения на проводимую политику партии, в случае включения женщин в списки возникает дополнительная необходимость учитывать предпочтения избирателей в отношении гендерной политики. Исследование охватывает городские муниципалитеты Швеции с 1991 по 2006 г., в анализ также включены факторы образования и дохода женщин в целях устранения влияния некомпетентности сотрудника. Авторы выделяют такую характеристику квотирования как жесткость. Жесткая квота выражена в количественно фиксированной норме представительства определенной группы населения. Жесткие квоты могут быть закреплены конституционно, а также в законодательстве о выборах и референдуме, партийной деятельности, местном самоуправлении и государственной службе. Мягкое квотирование предполагает обязательное участие в конкурсе на одно место представителей обоих полов, но итоговый показатель соотношения мужчин и женщин нормативно не установлен.

Такой показатель как «сила мужской группы интересов» в рамках исследования проверяется путем сопоставления числа женщин в партии до и после введения жесткой гендерной квоты (чередование мужчина/женщина в партийном списке в случае Швеции). Чем больше возросла численность женщин в партии после введения жесткой квоты, тем большую силу имеет в данном муниципалитете мужская группа интересов. Аргументация данной взаимосвязи исходит из предположения: наличие мягкой гендерной квоты в муниципалитетах с сильной мужской группой интересов приводит к низкому проценту женщин в партии, а увеличение числа женщин при введении жесткого квотирования в таких муниципалитетах вызвано обязательными требованиями и соображениями политической конкуренции. Результаты исследования свидетельствуют о положительном влиянии политической конкуренции (разница между долями партий в пропорциональной избирательной системе) на вероятность переизбрания женщин. Кроме того, чем выше конкуренция между либеральной и консервативной партиями, тем чаще гендерное квотирование выступает в качестве инструмента партийной гонки, так как высокий уровень конкуренции увеличивает вероятность проигрыша из-за отказа от следования курсу гендерного равенства.

Итак, вероятность результативности гендерного квотирования снижается в условиях доминирования одной партии, когда политическая конкуренция не является побудительным стимулом к адаптации гендерных квот. Роль политической активности и развитости практик политических движений отдельных групп интересов является ключевой с точки зрения силы кооперации для достижения политических целей. Так относительно слабая мобилизация (митинги, центры сбора членов движения, неформальные сети) женского движения в Швеции в двадцатом веке компенсируется сильной институционализацией движения (таблица).

Мобилизация и институционализация женских политических движений

Страна	Мобилизация	Отклонение от среднего	Институты	Отклонение от среднего
Австрия	33 %	0	22 %	+1
Бельгия	20 %	-10	17 %	-3
Канада	0 %	-33	17 %	-3
Финляндия	33 %	0	39 %	+18
Франция	45 %	+12	13 %	-9
Германия	60 %	+27	5 %	-16
Великобритания	30 %	-3	33 %	+12
Ирландия	10 %	-20	8 %	-13
Италия	40 %	+10	0 %	-21
Нидерланды	47 %	+17	17 %	-4
Испания	30 %	-3	17 %	-4
Швеция	20 %	-13	56 %	+36
США	50 %	+17	29 %	+8
Среднее по выборке стран	33 %		21 %	

Источник:[10, 19]

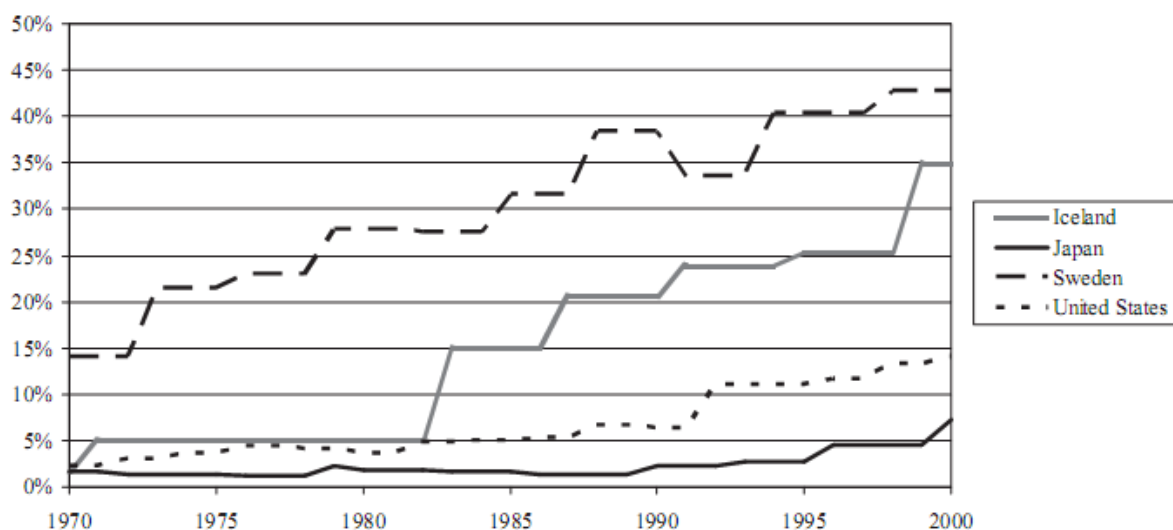
Сила формальных и неформальных связей женского политического движения с партиями, торговыми союзами и университетами Швеции устранила необходимость протестов и митингов, направленных на устранение дискриминационных практик. Иными словами, поддержание устойчивого взаимодействия между формальными и неформальными институтами может иметь больший эффект по сравнению с деятельностью организованных групп протеста.

Международный опыт гендерного квотирования позволят определить возможные комбинации успешной реализации данного инструмента в рамках политической системы страны в ситуации изначально низкого социального статуса женщины. Наиболее результативными являются программы гендерного квотирования при следующих условиях [6]:

□ пропорциональная избирательная система, автономное от аппарата госуправления женское движение (Бельгия, Нидерланды, Испания);

□ пропорциональная избирательная система, доминирующие либеральные партии (Австрия, Бельгия, Нидерланды).

Межстрановые исследования подтверждают, что такие факторы, как пропорциональная избирательная система и принятие гендерных квот, ассоциируются с более высоким уровнем женского политического представительства [11]. Однако влияние этих факторов чаще всего изучается в статике путем сравнения текущих показателей. Динамике уровня женского представительства в политике посвящена работа Памелы Пакстон с соавторами [12], где используется анализ временных рядов (100 стран в период с 1975 по 2000 гг.) для обоснования отсроченного результата институциональных процессов. Основная гипотеза исследования — гендерное квотирование увеличивает женское представительство только в рамках пропорциональной избирательной системы — подтвердилась. Однако этот эффект является долгосрочным, программа гендерного квотирования Швеции позволила достичь намеченных результатов в тридцатилетний период времени (рисунок). Успешно внедренная в существующую институциональную среду политика квот привела к тому, что в 2016 году доля женщин в парламенте Швеции составила 43,6 %, Швеция занимает пятое место из 193 стран по численности женщин в парламенте [13].

Источник: [12]

Рисунок. Представительство женщин в политике (Исландия, Япония, Швеция, США)

Таким образом, опыт гендерного квотирования в рамках шведской избирательной системы позволяет сделать выводы относительно условий эффективности и горизонта планирования данного инструмента гендерной политики. Высокая степень институционализации женского политического движения, предполагающая сильные формальные и неформальные социальные сети, позволяет реализовать принцип гендерного равенства в политической сфере. Снижению гендерной асимметрии на выборных должностях также способствует высокий уровень межпартийной конкуренции. Однако универсального метода внедрения гендерных квот не существует, адаптация данного инструмента может происходить различными путями в жесткой или мягкой форме. Выбор механизма реализации квотирования должен учитывать социальные и политические барьеры женского политического участия, уровень гражданской активности населения и страновые характеристики институциональной среды.

Список литературы

1. Algan Y., Cahuc P. Social Attitudes and Economic Development: An Epidemiological Approach, 2007. [Электронный ресурс]: <http://ftp.iza.org/dp2935.pdf> (дата обращения: 20 июля 2016).
2. Bjornskov C. How does social trust affect economic growth?, 2006. [Электронный ресурс]: http://pure.au.dk/portal/files/783/06-2_CB.pdf (дата обращения: 20 июля 2016).
3. Wozniak D. Essays on Experimental Economics: Examining the Effects of Ambiguity and Competition, 2010. [Электронный ресурс]: https://scholarsbank.uoregon.edu/xmlui/bitstream/handle/1794/10918/Wozniak_David_phd_2010sp.pdf?sequence=1 (дата обращения: 20 июля 2016).
4. Cerda C. Inequality Aversion and Altruism in Bargaining Experiments: The Effect of Gender, 2011. [Электронный ресурс]: <http://gradworks.umi.com/14/98/1498277.html> (дата обращения: 20 июля 2016).
5. Fox R. Gender, Political Ambition and the Decision Not to Run for Office, 2003. [Электронный ресурс]: http://cawp.rutgers.edu/sites/default/files/resources/initialdecisiontorun_0.pdf (дата обращения: 20 июля 2016).
6. Krook M. Women's Representation in Parliament: A Qualitative Comparative Analysis, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mlkrook.org/pdf/Krook_PS_2010.pdf (дата обращения: 20 июля 2016).
7. Freidenvall L. Women's Political Representation and Gender Quotas - the Swedish Case, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.niyf.org/wp-content/uploads/2016/05/zippping.pdf> (дата обращения: 20 июля 2016).

8. Pande R, Ford D. Gender Quotas and Female Leadership: A Review, 2011. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://siteresources.worldbank.org/INTWDR2012/Resources/7778105-1299699968583/7786210-1322671773271/Pande-Gender-Quotas-April-2011.pdf> (дата обращения: 20 июля 2016).

9. Folke O., Rickne J. Female representation but male rule? Party competition and the political glass ceiling, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ifn.se/wfiles/wp/wp923.pdf> (дата обращения: 20 июля 2016).

10. Mazur A., McBride D., Hoard S. Women's Movement Change: Conceptualization, Measurement and Investigation, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.researchgate.net/publication/267844851_Women's_Movement_Change_Conceptualization_Measurement_and_Investigation (дата обращения: 20 июля 2016).

11. Tripp A., Kang A. The global impact of quotas: On the fast track to increased female legislative representation // Comparative Political Studies, 2008, 41(3): 338–361.

12. Paxton P., Hughes M., Painter M. Growth in women's political representation: A longitudinal exploration of democracy, electoral system and gender quotas // European Journal of Political Research, 2010, 49(1): 25–52.

13. Inter-Parliamentary Union Women in National Parliaments, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ipu.org/wmn-e/classif.htm> (дата обращения: 20 июля 2016).

Сведения об авторе

Мелешкина Анна Игоревна, аспирант экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, научный сотрудник Центра исследований конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС, Москва, тел. 89253655602, e-mail: ann.meleshkina@gmail.com

Meleshkina A. I., graduate student of Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University, researcher of Center of Research of competition and economical regulation of RANEPA, Moscow, Russia, phone: 89253655602, e-mail: ann.meleshkina@gmail.com

УДК 331.101.21

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И МОЛОДЕЖИ ПРИ
РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**THE GOVERNMENT AND YOUTH INTERACTION AT YOUTH POLICY
REALIZATION IN THE RUSSIAN FEDERATION**

С. Ю. Михайлов, М. Н. Просекова
S. Yu. Mikhaylov, M. N. Prosekova

Ключевые слова: молодежная политика; занятость; молодое поколение; социальные гарантии; население; постиндустриальное общество; кризис; макроэкономика
Key words: youth policy; employment; younger generation; social guarantees; population; post-industrial society; crisis; macroeconomic

В данной статье рассматривается вопрос о реализации государственной молодежной политики в условиях социально-экономического кризиса. Исследуются такие важные особенности общества переходного периода как преемственность между предыдущими стратегиями по реализации государственной молодежной политики и особенности государственной молодежной политики в постиндустриальном обществе, анализируется активность молодого поколения на данном этапе развития страны. На основе исследуемых данных выявляются тенденции, которые участвуют в формировании государственной молодежной политики вплоть до 2025 года. С. Ю. Михайловым выявлена степень влияния экономических кризисов на молодежь и государственную молодежную политику. Профессиональная самореализация молодых людей, их социальная мобильность рассматриваются в условиях стагнации макроэкономической системы страны. Данные показатели, а также феномен «социального лифта» исследуются, как ключевые показатели состояния государственной молодежной политики. При этом учитывается особенность российского социума как общества переходного периода, в рамках его перехода от плановой экономики к рыночной экономике, переход с индустриального на постиндустриальный уровень. Автором сделаны важные выводы о том, что государственная молодежная политика является ключевым фактором в создании условий для реализации творческого потенциала молодежи, кроме того определяется роль молодого поколения в качестве субъекта молодежной политики.

In this article the issue of the state youth policy realization in the conditions of social and economic crisis is considered. Such important features of society in a transition period as succession between the previous strategy for implementation of the state youth policy, feature of the state youth policy in post-industrial society are researched, of the younger generation activity at this stage of the country development is analyzed. On the basis of the researched data tendencies which participate in the formation of the state youth policy up to 2025 come to light. S. Yu. Mikhaylov revealed an extent of economic crises influence on youth and the state youth policy. Professional self-realization of young people, their social mobility are considered in the conditions of stagnation of macroeconomic system in the country. These indicators, and also phenomenon of "the social elevator" are researched as key indicators of a condition of the state youth policy. At the same time the feature of the Russian society as societies of a transition period, within its transition from the state planned economy to market and transition with industrial to post-industrial level is considered. The author drew important conclusions that the state youth policy is a key factor for implementation of creative potential of youth, besides the role of the younger generation as the subject of youth policy is determined.

Высокая скорость изменений современного мира, в котором главенствуют высокие технологии, порождается взаимная культурная и духовная интеграция и на фоне глобализации культивируется общество потребления, а также сопутствующие этому социально-экономические кризисы оказывают влияние на все современное общество, и российское в том числе.

Российское общество, существовавшее большую часть двадцатого века в «закрытом» режиме, особенно остро восприняло метаморфозы действительности, но особо чувствительной частью общества, адсорбирующей все новое, является молодое поколение. Несмотря на полисемантическую и многогранность, понятие «поколение» конституируется как «социальная общность людей в определенных возрастных границах, для которых характерны схожие условия социализации и жизнедеятельности, типичные потребности и ценностные ориентации» [1]. При этом конституирующим аспектом для данных условий, потребностей и ценностей

является влияние коренных изменений в политической, социально-экономической сферах жизни общества, пришедшихся на определенный исторический период.

Масштабный переход российского государства от социалистической системы к капиталистической в 1991 году, совпавший с началом постиндустриального периода в странах Запада, определил новый, особый вектор развития всех последующих поколений в Российской Федерации.

Поколение переходного периода — это люди, родившиеся на рубеже XX–XXI вв., имеют отличные от советских поколений жизненные установки, ценностные ориентиры, морально-этические установки, сферы самореализации и т. д., в связи с этим взаимодействие государственной власти и молодежи должно основываться на принципиально инновационной парадигме, соответствующей требованиям XXI века.

В Российской Федерации заложение основ современной государственной молодежной политики (далее — ГМП) связано с принятием Верховным советом РФ в 1993 году Постановления «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации». Несмотря на то, что данное Постановление было принято в новых для России условиях демократии, оно базировалось на социалистических принципах ушедшего режима.

С переходом в начале XXI века всего мирового сообщества и России, как неотъемлемой ее части, в постиндустриальную эру возникла потребность в более четком ориентировании ГМП в соответствии с запросами нового времени. Одним из первых документов государственного уровня в секторе молодежной политики стала «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации», принятая до 2016 года.

Следующим важнейшим шагом федеральной власти в создании актуальной стратегии ГМП стало распоряжение об утверждении «Основ государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года», подписанное 29 ноября 2014 года председателем Правительства РФ Д. А. Медведевым. Данные Основы концентрируются на тенденциях в развитии молодого поколения Российской Федерации, а также учитывают перспективные общемировые направления в молодежной сфере. Принятые Основы ГМП концептуально конструируют структуру государственной стратегии в вопросах, касающихся молодого поколения, они создают благоприятную среду для социальной самоидентификации российской молодежи, обозначают сферы для приложения активности деятельных молодых людей. ГМП, базируясь на данных Основах, также включают в себя фундаментальные принципы, в соответствии с которыми должно происходить взаимодействие всех ветвей власти и молодежи в Российской Федерации.

Цели ГМП, обозначенные в Основах, такие как: совершенствование правовых, социально-экономических и организационных условий для успешной самореализации молодежи; раскрытие творческого потенциала молодежи для преобразования социальной действительности; содействие успешной интеграции молодежи в общество и повышению ее роли в жизни страны говорят о том, что все предшествующие стратегии по реализации молодежной политики в РФ испытывали некоторые трудности и должны соответствовать актуальным потребностям сложившейся ситуации.

Основы ГМП до 2025 г. отражают основные проблемы, с которыми может столкнуться молодежь в период с 2016 по 2025 год. Для решения поставлены следующие приоритетные задачи:

- формирование системы ценностей с учетом многонациональной основы нашего государства;
- формирование информационного поля, благоприятного для развития молодежи;
- создание благоприятных условий для молодых семей и др.

Также одной из приоритетных задач в государственной молодежной политике является «создание условий для реализации потенциала молодежи в социально-экономической сфере, а также внедрение технологии «социального лифта». Проблема социальной мобильности молодежи и функционирования «социального лифта» выходит на первый план в современном

российском обществе. Скорость формирования «социального лифта» на сегодняшний день находится на высоком, но все-таки на несоответствующем запросам современной молодежи уровне, что часто приводит к канализации позитивной молодежной энергии в девиантное русло. Программа ГМП, рассчитанная до 2025 года, создает фундамент для работы «социального лифта», который должен действовать для позитивно-активной молодежи с творческим потенциалом и гражданской ответственностью.

Одним из главнейших показателей качества работы «социального лифта», и, как следствие работы ГМП, являются такие, как активная деятельность молодежи в политической жизни страны, перенаправление молодежной энергии от маргинальных молодежных объединений в созидающее русло, партнерское взаимодействие с государственной властью, профессиональная самореализация и др. Российское государство, пережив за довольно короткий срок (в 2008 г. и 2014 г.) два сильнейших социально-экономических кризиса, находясь под давлением экономических санкций ведущих западных стран и скатываясь во вторую «холодную войну» с США, испытывает определенное напряжение, что сказалось не только на внешней, но и особенно на внутренней политике государства. Наиболее чувствительной группой к подобного рода негативным явлениям всегда оказывается молодое поколение. Более того, состояние молодежной среды является зеркалом, в котором отражается состояние социально-экономической, политической, национальной и других сфер жизни российского общества в целом. В условиях социально-экономической стагнации вопрос о «социальном лифте» отходит на второй план, что приводит к падению показателей трудовой производительности, застою кадрового потенциала, нарушению профессиональной мобильности, снижению предпринимательской активности молодежи и др. Государственная молодежная политика, рассчитанная на перспективу, ставит в качестве одной из приоритетных задач социальную мобильность молодежи, запуск «социального лифта».

Исходя из поставленных задач, ГМП можно определить как совокупность принципов, образующих национальную стратегию, которая направлена на создание таких условий, в которых заведомо уязвимая социальная группа, в данном случае — молодежь, могла бы безбоязненно реализовывать свой потенциал в социальном поле, без риска оказаться под действием негативных факторов экономического, социального, политического характера и других негативных явлений.

Создание безопасной среды для молодого поколения особенно актуально в быстроменяющихся, и не всегда в лучшую сторону, условиях социально-экономической жизни страны. Одной из основных характеристик современной общероссийской концепции ГМП является отход от советских принципов во взаимодействии государственной власти и молодежи, которая культивировала патерналистские настроения у молодого поколения, предоставляла для действий молодежи некий «коридор», ограничивая выходящую за рамки творческую активность и направляя ее в одно — партийное русло. Вместе с тем советские принципы, лежащие в ГМП ушедшего режима, несли с собой и здоровое зерно — одинаково невысокое положение молодых людей «на старте», повсеместный протекционизм молодежи, довольно высокие социальные гарантии.

В отличие от советской современная стратегия ГМП, ориентированная на 2025 год, представляет собой диалогическую модель взаимодействия государственной власти и молодежи, данная стратегия выводит молодое поколение из состояния «объекта» на уровень активного игрока на поле молодежной политики, она создает пространство, где молодежь может раскрыть свой потенциал и поощряет молодых людей к активным действиям, к самореализации в этой среде.

По мнению таких исследователей как Ю. Р. Вишневецкий, В. Т. Шапко в условиях стагнации социально-экономической и политической сфер наиболее действенна стратегия ГМП, основанная на диалогических принципах государственных органов власти и молодежи [2].

Исходя из принципа структурности, по мнению Т. А. Нигматуллиной, государственная молодежная политика является своеобразным стержневым основанием молодежной политики, которая, в свою очередь, является системой комплексной и систематической деятельности государственных и негосударственных институтов в отношении молодежи, направленной на

становление и использование потенциала молодежи, формирование условий для вовлечения ее во все сферы жизни общества [3].

Выделяя само молодое поколение в субъектном отношении в сфере молодежной политики, следует учитывать, что в основе своей молодежь в большей мере исполняет роль индикатора обратной связи, активно реагируя на различные действия государственных органов в ГМП, создавая социальные запросы на те или иные направления ГМП.

Чтобы молодое поколение участвовало в социальной и политической жизни страны более активно, требуется создать условия для проявления молодежью ее жизненных позиций, а также обозначить ориентиры для реализации ее творческого потенциала. Для этого молодежи необходимо получать положительные отклики на свою инициативу на государственном уровне.

Также должна быть создана среда, в которой молодежь может беспрепятственно реализовывать свой потенциал, не зависящая от социально-экономических или политических катаклизмов. Помимо этого необходимо увеличить «градус» субъектности молодежи, только тогда она сможет ответственно проявлять свою активность, реализуя свой творческий потенциал. Коммуникация молодого поколения в сфере молодежной политики должна происходить не только с государственными органами, но и между самими молодыми людьми, таким образом, имманентная энергия инициативности будет проявляться с еще большей активностью. Удовлетворение данных запросов молодежи к ГМП РФ в условиях социально-экономической нестабильности является необходимым условием для ее организации и претворения в жизнь.

Исследование нормативно-правового корпуса, определяющего государственную молодежную политику в РФ, который базируется на «Основах государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года» (2014 г.), Указе Президента РФ от 06.04.2006 № 325 (ред. от 25.07.2014) «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи», Федеральном законе от 28.06.1995 № 98-ФЗ (ред. от 05.04.2013) «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений», Федеральном законе от 28.06.1995 № 98-ФЗ (ред. от 05.04.2013) «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» и других нормативно-правовых актах, позволяет определить превалярующие принципы в деятельности федеральных органов власти в области ГМП. Каждый из принципов учитывает специфику социально-экономической ситуации в стране, особенности молодежи, как уязвимой социальной группы, а также темпоральность изменений в мировом сообществе и во внутренней обстановке в РФ:

- 1) ответственность государства за соблюдение законных интересов молодежи;
- 2) ответственность молодежи за реализацию своих конституционных прав и обязанностей в сферах государственной и общественной жизни;
- 3) признание молодежи равноправным партнером в формировании и реализации государственной молодежной политики;
- 4) приоритетность государственной поддержки социально незащищенных молодых граждан; предоставление государством базового объема услуг для духовного, культурного, социального, физического и психического развития молодежи, а также возможностей для выбора жизненного пути, образования, начала трудовой деятельности, создания семьи;
- 5) поддержка деятельности молодежных общественных объединений и организаций;
- 6) развитие государственно-частного партнерства и взаимодействия с социальными институтами общества;
- 7) повышение эффективности использования информационных ресурсов и инфраструктуры в интересах реализации государственной молодежной политики;
- 8) укрепление механизмов правового регулирования и единства государственной молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях;
- 9) взаимодействие различных ведомств при реализации стратегий и программ в части, касающейся молодежной политики [4].

В условиях нестабильной социально-экономической ситуации внутри страны, под прессингом внешнеполитической обстановки государственная молодежная политика является одним из важнейших векторов в деятельности российского государства. Положение

русской молодежи является маркером состояния всего российского общества в целом, что накладывает на государственные органы власти особую ответственность в реализации ГМП. Реализация социального потенциала молодежи заставляет всех акторов данного процесса к прагматичной, последовательной деятельности в создании благоприятных условий для раскрытия потенциала молодого поколения.

Список литературы

1. Глотов М. Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10.
2. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи: учеб. пособие. Екатеринбург: Науч.-исслед. центр при институте молодежи, 1997. – 211 с.
3. Нигматуллина Т. А. Государственная молодежная политика в федеративной России: инновационные парадигмы / Т. А. Нигматуллина Башкирский институт социальных технологий. – УФА: БИСТ, 2012. – 188 С.
4. «Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PNPA;n=6881#0> (дата обращения: 17.10.2016).

Сведения об авторах

Михайлов Сергей Юрьевич, аспирант, Тюменский индустриальный университет, тел. 89123858319, e-mail: sh989@rambler.ru

Просекова Марина Николаевна, д. ф. н., профессор, Тюменский индустриальный университет, тел. 8(3452)453524, e-mail: filosofia@tsogu.ru

Mikhailov S. Yu., master of sciences of the Department of drilling of oil and gas wells, Industrial University of Tyumen, phone: 8(3452)283398, e-mail: sh989@rambler.ru

Prosekova M. N., Doctor of Philosophy, professor, Industrial University of Tyumen, phone: 8(3452)453524, e-mail: filosofia@tsogu.ru

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

УДК 316.77

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕСТВЕННОСТИ КАК ОСНОВА КОНСТРУИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ² THE FORMATION OF THE PUBLIC AS THE BASIS FOR CONSTRUCTING RUSSIAN IDENTITY

Р. И. Ирназаров, Н. В. Коровкина, Э. В. Садретдинова, Н. Г. Хайруллина, Р. Б. Шайхисламов
R. I. Irnasarov, N. V. Korovkina, E. V. Sadretdinova, N. G. Khairullina, R. B. Schakhislamov

Ключевые слова: российская идентичность; российская нация; этническая идентичность; конфессиональная идентичность; связь с общественностью; социальное конструирование; социокультурная интеграция
Key words: Russian identity; the Russian nation; ethnic identity; religious identity; public relations; social construction; sociocultural integration

²Статья выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту № 15-13-02021 «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан)». В статье приведены данные, полученные в результате исследования по гранту в 2015–2016 годах. В исследованиях по гранту опрошено 1000 респондентов старше 18 лет по систематической выборке населения Республики Башкортостан. Ошибка выборки не превышает 3%.

В статье рассматриваются перспективы исследования российской идентичности. Особое внимание уделяется исследованию таких аспектов формирования российской идентичности, как социокультурная интеграция российского общества по «горизонтали» и «вертикали» в контексте и вне контекста межэтнических и межконфессиональных процессов. Обосновывается идея о важности формирования российской идентичности «снизу», самими гражданами, общественностью. Для этого необходима сеть полноценных как вертикальных, так и горизонтальных коммуникаций, служащей каналом дискуссий, обсуждений проблем российского единства и путей их решения.

The article discusses the prospects of the study of Russian identity. Special attention is paid to the study of such aspects of the formation of the Russian identity, as a social and cultural integration of Russian companies in the «horizontal» and «vertical» in context and out of context of interethnic and interfaith processes. Substantiates the idea of the importance of the formation of Russian identity «from below» by citizens and the public. This requires a full network of both vertical and horizontal communications, serving as a channel for debate, discussion of problems of Russian unity and ways of their solution.

После распада СССР в общественных науках закономерно обозначился интерес к проблеме формирования российской идентичности. За последние десятилетия социологами, философами, политологами достаточно глубоко изучен уровень российской идентичности в обществе в целом и в различных социальных группах. В большинстве исследований основное внимание уделялось соотношению этнической и российской (гражданской) идентичности, при этом явно или неявно предполагалась важность приоритета российской идентичности над этнической идентичностью. В последние годы происходит переосмысление многими учеными этой идеи: нельзя рассматривать этническую и российскую идентичности как антитезы, они не исключают, а дополняют друг друга. В сознании большинства граждан страны нет конфликта между этими идентичностями.

По нашим исследованиям (здесь и далее приводятся данные опросов, проведенных по гранту РГНФ «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтничном регионе (на примере Республики Башкортостан)»), 43 % респондентов ощущают себя в равной мере и россиянином, и человеком своей национальности; 31 % — скорее россиянином, чем человеком своей национальности; 16 % — скорее человеком своей национальности, чем россиянином. При этом почти половина респондентов относят многонациональность России к ее сильной стороне, создающей возможности для благополучия страны, и лишь 5 % респондентов полагают, что это является препятствием для развития страны; треть респондентов считают многонациональность страны и сильной стороной, и препятствием для развития России. Следовательно, необходимо найти те факторы многонациональности, которые способствуют и которые препятствуют формированию российской идентичности.

В исследованиях стали выделять государственно-гражданскую (политическую) и общественно-гражданскую (социальную) составляющие российской идентичности. В последние годы в связи с «исламским фактором» обозначился интерес в конфессиональной (этноконфессиональной) идентичности, ее взаимосвязи с российской идентичностью.

Мировой (прежде всего, западноевропейский) опыт показывает, что гражданская идентичность в многонациональном и многоконфессиональном сообществе не может быть успешно сформирована на основе политики не только ассимиляции и сепарации, но и мультикультурализма. Кризис западноевропейского мультикультурализма обуславливает необходимость поиска путей социокультурной интеграции как основы российской идентичности — добровольной стратегии и тактики взаимного принятия культур и формирования на этой основе более сложной и богатой, разделяемой разными социальными, этническими, конфессиональными группами культуры. Российская идентичность может быть результатом именно такой социокультурной интеграции.

Сегодня перед общественными науками явственно обозначились следующие грани научной проблемы российской идентичности.

Первая — это соотношение государственной и социальной составляющих в российской идентичности: в какой степени в общественном сознании они различаются; определяют и формируют друг друга; какая является базовой и какая — надстроечной. В общественном

сознании присутствуют представления и о гражданском, и культурном, и этническом содержании российской нации. Согласно нашим исследованиям, (28 % респондентов считают, что российская нация — это полиэтническое образование («все нации России образуют вместе единую российскую нацию»), четверть респондентов полагают, что российская нация есть гражданское объединение страны; 18 % респондентов усматривают в российской нации особый социокультурный феномен («кто говорит по-русски, связан с русской культурой независимо от национальности»); 5 % респондентов утверждают, что российская нация — это и есть русские; 15 % респондентов утверждают, что нет такой особой нации, как российская, а есть разные нации, представляющие Россию. Эти представления отражают сложность, многоуровневость, разноплановость российской идентичности.

Вторая — это взаимосвязь российской идентичности и ее составляющих не только с этнической и конфессиональной, но и другими видами социальной идентичности (региональной, локальной, стратификационной). Например, как влияет на формирование российской идентичности характер расслоения российского общества по доходам, собственности, власти, возможности вертикальной мобильности. Необходимо анализировать российскую идентичность не только в аспекте межэтнической и межконфессиональной интеграции, но и в плане социальной интеграции общества в целом. Согласно нашим исследованиям, интегрирующие факторы российской идентичности («что объединяет россиян?») ранжируются в общественном сознании в следующем порядке: общая история соседства, совместного проживания народов России; общая экономика; русский язык как средство общения; участие разных народов страны в войнах против иноземных захватчиков; схожесть традиций, характера народов; православие и ислам как традиционные религии страны; многообразие национальных культур; центральная государственная власть; современные геополитические угрозы.

Как видим, лидирующие позиции занимают диахронические и синхронические социокультурные интегрирующие факторы. Факторы дезинтеграции российской идентичности («что разъединяет россиян, является причиной разобщенности?») ранжируются следующим образом: разделение общества на бедных и богатых; оторванность власти от населения; межнациональные конфликты в прошлом; миграция из Средней Азии и Закавказья; частная собственность на землю и природные богатства; разные взгляды и ценности молодежи и старшего поколения; миграция из других регионов России; несхожесть традиций, характеров народов; различия в языках общения; религиозные различия; многонациональность России; существование в России национальных республик.

Многонациональность страны, особенности федеративного устройства замыкают перечень факторов дезинтеграции. Но первые две позиции занимают факторы, не связанные с этническим составом страны. Следовательно, формирование российской идентичности предполагает сегодня не только и не столько межэтническую, сколько межстрановую интеграцию. Важно не только изучать российскую идентичность высших, средних и низших слоев по критериям доходов, собственности и власти, но и найти «мостики», способные объединить эти социальные слои в рамках единой «российской нации». Без этого все попытки создания российской нации будут безуспешными.

Третья — это «глубина» российской идентичности. Согласно нашим последним исследованиям, в которых «глубина» социальной принадлежности измерялась в шкалах «простая формальность», «не самое важное значение», «важное значение, хотя могу представить себя вне этой группы», «не представляю себя вне этой группы», существует четкая зависимость степени идентичности от типа социальных групп. Не представляют себя вне своей семьи три четверти, вне родственников — половина, вне своих друзей — треть респондентов, тогда как вне жителей России не представляют себя только каждый четвертый, вне своей этнической группы и вне своей конфессии — каждый пятый респондент. Каждый пятый респондент считает свою принадлежность к жителям России простой формальностью (отметим, что формальностью свою принадлежность к этносу и конфессии считают соответственно 22 и 26 % опрошенных). Следовательно, существует определенная иерархия

русской идентичности. С этими данными коррелируются ответы на другой вопрос «Что считать своей Родиной?». 23 % респондентов согласны с мнением о том, что Родина — там, где тебе хорошо, и не обязательно это страна, село, город, где ты родился и вырос. Потенциально каждый пятый респондент может отказаться от русской идентичности. Это, как мы полагаем, требует изучения «глубины» русской идентичности.

Четвертая — «ширина» русской идентичности. С русским народом, его культурой и историей отождествляют себя не только граждане РФ, но и наши соотечественники в ближнем и дальнем зарубежье. Большинство наших сограждан считают тех жителей дальнего и ближнего зарубежья, кто связан историческими, культурными и этническими корнями с нашей страной, своими соотечественниками. Например, жители Республики Башкортостан, согласно нашим исследованиям, относят к соотечественникам всех русских, проживающих в странах бывшего СССР (71 % респондентов); русских, представителей всех народов РФ, проживающих в дальнем зарубежье (по 42 %); представителей всех народов РФ, проживающих в дальнем зарубежье (41 % респондентов). Русская идентичность в условиях глобализации, политических катаклизмов, роста миграции постепенно приобретает трансграничный характер.

Пятая — это временные параметры формирования русской идентичности. В своем выступлении на заседании совета по межнациональным отношениям 31 октября 2016 года, Президент РФ В. В. Путин отметил, что формирование русской идентичности — процесс сложный и небыстрый, но, безусловно, он идет, и в последние годы — достаточно активно. Восприятие гражданами себя как части России, повышение ответственности за свою страну становятся всё более устойчивыми. Но это не значит, что мы должны просто наблюдать за этими процессами и просто фиксировать то, что происходит [1]. Нашими исследованиями также фиксируется, что за последние с 2012 по 2015 годы в Республике Башкортостан произошли заметные сдвиги в пользу формирования русской идентичности. Однако следует заметить, что это произошло во многом в результате присоединения Крыма к России, событий на юго-востоке Украины, социально-экономическими трудностями страны в последние годы, послужившие факторами консолидации общества. Длительность процесса формирования русской идентичности зависит от множества объективных факторов. В то же время этот процесс связан с конструированием в сознании людей перспектив национального развития страны. Половина респондентов затрудняются предположить, каким будет национальный состав нашей страны через полвека. Треть респондентов полагают, что в целом сохранится и через 50 лет нынешний национальный состав страны. 14 % считают, что в далеком будущем сложится на основе разных наций единая русская нация. Лишь 5 % усматривают ассимиляционную перспективу — через полвека, по их мнению, в стране останется только русская нация. Если исходить из теоремы У. Томаса «Если люди определяют ситуацию как реальную, то она становится таковой по своим последствиям», то, как определяют наши граждане сегодня далекие перспективы этнонационального развития страны, таким во многом и будут реализовываться в жизни эти конструкции. Но поскольку сегодня в общественном сознании отсутствует какая-либо доминирующая конструкция, то и процесс формирования русской идентичности, в том числе «русской нации», будет достаточно длительным и неоднозначным.

Шестая — это соотношение формирования русской идентичности «сверху» (ее конструированием правовыми, политическими, медийными ресурсами, образовательными программами в школах и вузах) и «снизу» (объединением граждан на локальном, региональном и социальном уровнях). Иными словами, каковы возможности формирования русской идентичности населения, рассматриваемого как «аудитория», и граждан, представляющих собой «общественность»? Выступая на последнем совете по межнациональным отношениям при Президенте РФ (31 октября 2016 года), ведущий российский социолог Л. А. Дробижева подчеркнула, что гражданская идентичность — это активная гражданская позиция. Поэтому очень важно формировать это гражданское сознание и ответственность за все, что происходит в стране [1].

Последняя грань проблемы российской идентичности, с нашей точки зрения, является наиболее злободневной. Во-первых, история неоднократно доказывала, что все конструкты, навязываемые народу сверху, оказываются достаточно хрупкими и быстро разрушаются при социально-политических катаклизмах. Российская идентичность должна произрасти преимущественно снизу, конструироваться самими гражданами, и, прежде всего, общественностью.

Понятие общественности, сформулированное представителем философии прагматизма Дж. Дьюи и одним из главных представителей символического интеракционизма Г. Блумером, характеризует активное социальное образование, в определенный момент объединяющее всех тех, перед кем встает общая проблема, чтобы вместе искать пути ее разрешения. Однако без общения между собой группировка людей может остаться бесформенной тенью, чем-то таким, что судорожно ищет себя, сосредоточиваясь на химерах, а не на сути дела. Наличие проблемы, дискуссии и коллективного мнения является отличительным признаком общественности. Факт же существования определенной проблемы означает наличие такой ситуации, которая не может быть разрешена на основе какой-то культурной нормы, но только на основе коллективного решения, достигнутого в процессе дискуссии.

В процессе общения на микро-, мезо- и макроуровнях происходит конструирование разнообразных «Мы», в том числе конструирование российской идентичности, объединяющее разнородные социальные группы, людей с различными точками зрения.

В настоящее время формирование российской идентичности является проблематичной. С одной стороны, высшее руководство страны, политическая, общественная и научная элита проявляют заинтересованность в успешном формировании российской идентичности. С другой стороны, в нашей стране, как и во многих странах, происходит, выражаясь термином Ю. Хабермаса, упадок общественности. Многочисленные исследования показывают низкий уровень способности и желания людей объединяться, совместно решать общие проблемы. Низкий уровень доверия населением демонстрируется не только ко многим государственным и общественным институтам, но и друг к другу. Дефицит социального капитала в самых разных сферах жизни общества делает проблематичной и формирование российской идентичности. В этих условиях попытки ускорить процесс формирования российской нации «сверху», со стороны государственных структур, масс-медиа, неизбежно ведет «колонизации жизненного мира со стороны системного мира» (терминология Ю. Хабермаса). Не случайно ряд общественных деятелей и ученых разделяют озабоченность тем, что концепт «российская нация» может стать основой государственной идеологии, предназначенной для искусственной консолидации общества, но не для его реальной социокультурной интеграции. В этих условиях необходима разработка научных основ связей с общественностью как коммуникативного механизма саморегулирования межэтнических, межконфессиональных, межрегиональных отношений, взаимосвязей политической, экономической и культурной элиты с гражданским обществом.

Список литературы

1. Протокол заседания совета по межнациональным отношениям при Президенте РФ 31 октября 2016 года, г. Астрахань [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/53173>

Сведения об авторах

Ирназаров Рашит Исмагилович, д. с. н., профессор кафедры социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, тел. 8(347)2293891, e-mail: kafedra320a@mail.ru

Коровкина Наталья Владимировна, ассистент кафедры социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, тел. 8(347)2293891, e-mail: korovkina-natalya@list.ru

Садретдинова Эвеллина Винеровна, к. с. н., доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, тел. 8(347)2293891, e-mail: golichev@mail.ru

Хайруллина Нурсафа Гафуровна, д. с. н., профессор кафедры «Маркетинг и муниципальное управление», Тюменский индустриальный университет, тел. 89222663399; e-mail: nursafa@inbox.ru

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович, д. с. н., профессор, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, тел. 8(347)2293891, e-mail: shairb@rambler.ru

Irnazarov R. I., Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of sociology and work with youth of the Bashkir state University, phone: 8(347)2293891, e-mail: kafedra320a@mail.ru

Korovkina N. V., assistant of the Department of sociology and work with youth of the Bashkir state University, phone: 8 (347)2293891, e-mail: korovkina-natalya@list.ru

Sadretdinova E. V., Candidate of Sociological Sciences, associate Professor in the Department of sociology and work with youth of the Bashkir state University, phone: 8(347)2293891, e-mail: golichev@mail.ru

Khairullina N. G., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the chair «Marketing and municipal management», Industrial University of Tyumen, phone: 89222663399, e-mail: nursafa@inbox.ru

Shaikhislamov R. B., Doctor of Sociological Sciences, Professor, head of Department of sociology and work with youth of the Bashkir state University, phone: 8(347)2293891, e-mail: shairb@rambler.ru

УДК 811 + 314.7

**СОЦИАЛЬНЫЕ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННЫХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**
SOCIAL AND INTERCULTURAL FUNCTIONS OF LANGUAGE IN THE
CONTEXT OF CONTEMPORARY MIGRATION PROCESSES

Т. М. Кононова, О. М. Горева, А. Н. Соколов, С. С. Ситева
T. M. Kononova, O. M. Goreva, A. N. Sokolov, S. S. Siteva

Ключевые слова: язык; иностранные языки; «мертвые» языки; миграция; плюралингвизм; межкультурная коммуникация; лингвистическое образование
Key words: language; foreign languages; «dead» languages; migration; multilinguism; intercultural communication; linguistic education

Акцентируются значимость языка, языкового многообразия, трансформаций языков, и представлена концепция политики плюралингвизма в современном социокультурном европространстве как необходимого условия интеграции населения в общество в связи с обусловленными глобализацией миграционными процессами.

The article is accent the importance of language, linguistic diversity, language transformation, and introduces the concept of pluralinguism policy in the modern socio-cultural space of Eurozone as a necessary condition of integration of population in the society due to globalization caused by migration.

Язык — инструмент приобретения и трансляции знаний, ...важный аспект развития человека как личности и как члена общества. Язык помогает нам понять реальность, раскрыть наш творческий потенциал. Посредством восприятия языка человеком усваиваются представления, оценки, ценности — то, что формирует его картину мира [7].

Языки бывают «живые» и «мертвые», «исчезающие», либо «движущиеся» с одного места на другое. Языкам «живым», современным, свойственны постоянные трансформации. Эти изменения происходят в течение последних столетий. Например, английский, на котором говорил Чосер, весьма отличался от языка времен Шекспира, последний же, в свою очередь, абсолютно не похож на современный язык. Английский мог мутировать за короткие промежутки времени от одного поколения к другому. Вокабуляр и выражения могли меняться по частоте использования, устаревать, развиваться и модернизироваться, добавляться в состав языка.

Один и тот же язык может трансформироваться и в зависимости от географического положения. Современный английский, на котором говорят в Британии, Северной Америке и в Австралии, различается по составу вокабуляра и вариантам использования грамматических конструкций. Если две группы людей, говорящих на одном языке, разделены пространственно, у них со временем выработаются различные акценты и изменится словарный состав, но, тем не менее, люди будут понимать друг друга. Когда это происходит, возникают диалекты.

«Мертвый» язык — язык, который более не изучают как родной. Некоторые из «мертвых» языков сохраняются в письменной форме, примеры хорошо известных «мертвых» языков — древнегреческий, латинский и санскрит. На протяжении всей истории человечества наблюдалась диссеминация языков групп власти, в то время как исчезали языки малых групп и культур. Количество исчезающих языков драматически увеличилось в течение последних лет, более того, «малые» языки находятся в настоящей опасности полного вымирания. При этом каждый язык обладает свойством «впитывать» все необходимое и «очищаться» от ненужного на протяжении столетий (вспомним привычные заимствования из греческого и латыни) [6].

В результате вторжений, благодаря миграциям языки «перемещаются» с места на место, или транспортируются из одной страны в другую. Примером может служить английский в Северной Англии, французский в Канаде, португальский в Бразилии, голландский в Южной и арабский в Северной Африке.

Население земного шара составляет почти 7 млрд человек и к 2050 г. составит 9 млрд. Сегодня в мире насчитывается 6 900 «активных» языков, на которых говорят люди. Все эти языки можно сгруппировать в языковые семьи, что означает следующее: они связаны между собой и происходят от определенного исходного языка. Например, венгерский, финский и мордовский представляют уральскую языковую группу. Тем не менее, благодаря тому, что на земле так много языков, половина всего населения мира говорит на одном из следующих: китайском, английском, хинди, испанском, русском, арабском, бенгальском и португальском.

Согласно гипотезе британского лингвиста У. Джонса, который занимается изучением санскрита, такие языки, как санскрит, греческий и латинский происходят от языка, который не существует в настоящее время. Это индоевропейская группа языков, зародившаяся более 6 000 лет назад в западной Азии.

В настоящий период общественного развития, по разным оценкам, насчитывается около 225 разговорных языков. Пять языков, на которых говорят большинство людей в Европе, по количеству носителей — русский, немецкий, английский, французский и итальянский. По некоторым данным, численность группы, употребляющей английский язык в качестве языка-посредника для межнационального общения, превышает миллиард и быстро увеличивается. Кроме того, английский язык используют в Организации Объединенных Наций, в НАТО, Всемирном банке, Международном валютном фонде. Это официальный язык ОПЕК, Организации стран-экспортеров нефти, рабочий язык Европейской ассоциации свободной торговли [1]. Таким образом, появление англицизмов в нашем языке является объективным свидетельством глобальных перемен, а язык — часть нашей жизни [4]. Но в большинстве европейских стран коммуникация осуществляется, как правило, на нескольких языках. Исключение составляют небольшие государства, такие, как Лихтенштейн и Ватикан, но и там практикуется использование второго языка. В большинстве стран существует ряд региональных языков. Так, в России количество языков, на которых говорят на ее территории, варьируется от 130 до 200.

Некоторые региональные языки и языки малых народностей получили официальный статус, например, баскский и каталонский в регионах Испании.

Из-за притока мигрантов и беженцев со всего мира Европа становится все более многоязычной. В Лондоне, например, более 300 языков, на которых говорят как на родном. В большинстве других крупных мегаполисов, особенно в Западной Европе, насчитывается 100–200 языков, используемых в качестве родного языка. Определяющее значение для сохранения языка имеет ежедневное неформальное устное взаимодействие между родителями и детьми. Эксперты подсчитали, что в XXI веке, по крайней мере, половина языков мира, возможно, и более, будет утрачена. В течение двух поколений все следы языка могут исчезнуть, если дети не воспитываются в языковой среде.

За последние десятилетия мы стали свидетелями беспрецедентного движения людей через границы в Европе. Миграция всегда предполагает кардинальные трансформации для отдельных лиц, групп и учреждений.

Традиционные причины миграции, такие как войны, политические и религиозные гонения и бедность были дополнены более новыми явлениями: процессами глобализации, технологическими и демографическими изменениями и переходом от индустриального социума к обществу «знания и сервиса», ускорением миграционных потоков и генерацией чрезвычайно разнообразных моделей миграции. Миллионы людей с миграционным фоном живут и работают в Европе. Все страны сталкиваются с проблемой интеграции населения в соответствии с принципами демократии. Помимо этих процессов, имеет место и информационная глобализация, которой сопутствует массовый доступ людей к ИКТ, и которая приводит к стиранию культурных, пространственных и временных границ [5].

Важную роль в системе взаимодействия людей друг с другом играет язык. Фактически, язык есть ключ к миру культуры и система символов, которая является средством общения людей друг с другом. Язык символов, язык знаков может дать такую же информацию, которую несет в себе сама вещь. «...Язык не существует вне культуры ... Как один из видов человеческой деятельности, язык оказывается составной частью культуры, определяемой как совокупность результатов человеческой деятельности в разных сферах жизни человека: производственной, общественной, духовной» [10]. Язык — весьма значимый фактор и «инструмент» глобализации [2].

В связи с изложенным выше, в странах Евросоюза в течение последних десятилетий наиважнейшая роль отводится политике лингвистического образования в группах мигрантов.

Но этому предшествовал ряд событий. Так, идея запустить проект «Европейского года языков» родилась в Совете Европы в ходе заключительной конференции по данному проекту в апреле 1997 г., организованной Департаментом языковой политики. Предложение при поддержке представителей государств-членов было рассмотрено различными органами и Европейской комиссией было предложено присоединиться к проекту. В январе 1999 г. Кабинет министров объявил 2001 г. «Европейским годом языков» и Европейский Союз присоединился к Декларации в июне 2000 г. Общая цель кампании 2001 г. заключалась в содействии развитию богатого языкового и культурного наследия Европы. Это был повод отметить языковое разнообразие Европы и подчеркнуть важность активного и более дифференцированного подходов к изучению языка, так как все европейцы могут столкнуться с трудностями все более интерактивного многоязычия и поликультурности континента. Целями года стали: повышение информированности о лингвистическом наследии и открытости по отношению к различным языкам и культурам Европы; создание мотивации граждан Европы к развитию многоязычия, чтобы достичь определенной степени коммуникативной способности при изучении ряда языков, в том числе менее широко используемых и изучаемых; поощрение и поддержка в изучении языка на протяжении всей жизни с целью развития личности.

Накануне заключительного мероприятия года Кабинет министров Совета Европы принял решение объявить «Европейский день языков», который будет отмечаться 26 сентября каждого года. Такое решение было принято в ответ на рекомендации Парламентской ассамблеи Совета Европы. Кабинет министров рекомендовал организацию и проведение события на децентрализованной и гибкой основе в соответствии с пожеланиями и ресурсами государств-членов, что, таким образом, позволяло им лучше определить собственные подходы. Первый Европейский день языков состоялся 26 сентября 2001 г. и стал одним из самых ярких и значительных событий.

В целях координации была создана европейская Руководящая группа для консультирования общей организации. Совет Европы предложил государствам-членам назначить национального координатора. Предварительный международный семинар был организован в 2000 г., что позволило Координаторам установить связи и получить рекомендации по организации мероприятий. Это было основой для успешного взаимодействия. С тех пор национальные координаторы осуществляют онлайн публикации регулярно обновляемого «Календаря событий». Ряд национальных координаторов выразили желание проводить мероприятия по содействию языковому разнообразию и продолжать укреплять созданную сеть связей. Это одна из причин, в соответствии с которой Совет Европы призвал учредить Европейский день языков. Следует отметить сотрудничество между Советом Европы и Европейской комиссией, их постоянную связь, взаимодействие и представленность на заседаниях. ЮНЕСКО регулярно участвует во всех крупных событиях этой направленности.

В данном контексте празднование Европейского года языков и, главное, реализация многочисленных проектов данного ивента в рамках европейского контекста (например, проекта

ODISSEY), наиболее актуально в свете глобализационных процессов, и особенно миграции как неотъемлемой ее составляющей. Таким образом, можно утверждать, что владение иностранными языками становится одной из важнейших компетенций современного человека [9].

Принимая во внимание вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что весьма важную и социально значимую функцию предстоит выполнять преподавателям межкультурной коммуникации, так как необходимо реализовывать политику плюралингвизма и межкультурной коммуникации. Интернет и программное обеспечение, ставшие нормой в современном социуме, дают возможность самостоятельно изучать языки [8]. В данном случае, помимо иных задач, наиважнейшей является установка на достижение детьми-мигрантами в школах и иным демографическим контингентом в специализированных обучающих организациях высокоразвитой компетенции на языке обучения, как с точки зрения коммуникативных способностей, так и с точки зрения академической грамотности в конкретных предметных профессиональных областях, и в целом в социально-культурной сфере новой страны проживания. В этой связи необходимо подчеркнуть и учитывать тот факт, что «глобализация культуры — не стихийный, а управляемый процесс, и что поток инокультурных вторжений в локальную культуру может быть регулируемым при условии осуществления грамотной культурной политики...» [3].

Список литературы

1. Брегг М. Приключение английского языка: пер. с англ. / М. Брегг. – 2-е изд. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2014. – 418 с.
2. Гидденс Э. Социология. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2005. – 632 с.
3. Дианова В. М. Универсалии культуры как основа межкультурного диалога / В. М. Дианова // Диалог цивилизаций: философские, культурологические, исторические аспекты: материалы междунар. конф., Каир, 26–29 нояб. 2007 г. / науч. ред. В. С. Бухмин; сост. М. Д. Щелкунов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – С. 28-36.
4. Захарова Л. Н., Кононова Т. М. Новый универсализм. – Тюмень, РИЦ ТГИК, 2015. – 144 с. (монография) – С. 140 с.
5. Кастельс М. Россия и сетевое общество: аналитическое исследование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.rus-lib.ru/book/30/eko/02/02-1/023-052.html (дата обращения 15.08.2010).
6. Кононова Т. М. Культура, творчество, интеллект личности: теоретические дискуссии в поиске истины: монография / Т. М. Кононова. – Тюмень: Вектор Бук, 2005. – 270 с.
7. Кононова Т. М., Горева О. М., Ситева С. С. Роль языков в социуме. Английский — язык глобализации // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.science-education.ru/121-19124 (дата обращения: 18.05.2015).
8. Кононова Т. М., Горева, О. М. Роль интернет-технологий в системе непрерывного образования: история, традиции и процессы модернизации / Т. М. Кононова, О. М. Горева // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2013. – № 4. – С. 93-95.
9. Пурсиайнен К. Болонский процесс, Россия и глобализация / К. Пурсиайнен, С. А. Медведев // Болонский процесс и его значение для России. – Москва: Рос.-европ. центр экон. политики, 2005. – С. 17-28.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учебное пособие. – М: Слово, 2000. – С. 15.

Сведения об авторах

Кононова Татьяна Михайловна, д. с. н., доцент, зав. кафедрой иностранных языков, Тюменский государственный институт культуры, тел. 89829759888, e-mail: tatyana-kononova@rambler.ru

Горева Ольга Михайловна, к. с. н., доцент кафедры бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, тел. 89044944939, e-mail: ogoreva@yandex.ru

Соколов Александр Николаевич, к. филол. н., доцент кафедры иностранных языков, Тюменский государственный институт культуры, тел. 89048773764, e-mail: alex_zander77@mail.ru

Ситева Светлана Сергеевна, ст. преподаватель кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, тел.: 89222695085, e-mail: siteva_svetlana@bk.ru

Кононова Т. М., Doctor of Sociological Science, Associate Professor, ч Head for Foreign Languages Chair, Head of Foreign Language Department, phone: 89829759888, e-mail: tatyana-kononova@rambler.ru

Goreva O. M., Candidate of Sociological Science, Associate Professor, Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, phone: 89044944939, e-mail: ogoreva@yandex.ru

Sokolov A. N. Candidate of Philological Science, Associate Professor, Tyumen State Institute of Culture, Department of Foreign Language, phone: 89048773764, e-mail: alex_zander77@mail.ru

Siteva S. S., Senior lecturer of Department of Marketing and municipal management, Industrial University of Tyumen, phone: 89222695085, e-mail: siteva_svetlana@bk.ru

УДК 316.48

ЭТНИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ: ЕГО СУЩНОСТЬ, ТИПОЛОГИЗАЦИЯ, ПРИЧИНЫ ETHNIC CONFLICT: ITS' NATURE, TYPES, CAUSES

Н. В. Омелаенко, З. Д. Новрузова
N. V. Omelaenko, Z. J. Novruzova

Ключевые слова: конфликт; конфликтующие стороны; типы этнических конфликтов; этапы развития конфликтов; прогнозирование конфликтов
Key words: conflict; the conflicting parties; types of ethnic conflict; the stages of conflict; conflict prediction

Данная статья посвящена одной из наиболее актуальных проблем современности — этническому конфликту. В настоящее время предложено немало определений этнического конфликта, его типологии и причин. Многообразные подходы изучения представляют проблему для исследователей, поскольку неясно, какие критерии должны быть положены в основу их изучения. Цель научного исследования — выявить типы этнических конфликтов и определить основные факторы их возникновения. Методологической основой исследования выступают работы отечественных и зарубежных авторов, которые рассматривают проблему конфликта в социальном взаимодействии. Положения и выводы статьи могут стать основой для диагностики и прогнозирования этнических конфликтов.

This article is devoted to one of the most actual problem of modern time — ethnic conflict. At the present time, a lot of definitions of ethnic conflict, its' typology and causes, are suggested. Different approaches to studying represent a problem for researchers, because it's not clear, what criteria the study should be based on. The purpose of scientific research is to reveal the types of ethnic conflicts and to define the main factors of their origin. The methodological base of the research is formed by works of domestic and foreign authors, who review the problem of conflict in social interaction. The statements and conclusions of the article can be the basis for diagnostics and prediction of ethnic conflicts.

Для большинства стран мира характерно этническое разнообразие. Вследствие этого многочисленные проблемы и противоречия внутри многонациональных государств могут вызывать этнические и религиозные конфликты.

Сегодня достаточно активно проводятся исследования в области этнического конфликта. В исследованиях подобного рода можно выделить два направления. Одни исследователи полагают, что не существует этнического конфликта, а есть взаимосвязь этнического фактора с политическими, социально-экономическими и культурными противоречиями. К тому же, по мнению А. Г. Дугина, есть определенные трудности квалификации этнических конфликтов, поскольку нет строгих критериев для определения конфликта именно этническим. Автор считает, что конфликт можно признать этническим при условии определения статуса меньшинства и большинства у конфликтующих сторон [1].

Другие исследователи, такие как В. А. Шнирельман, относят к этническим те конфликты, где хотя бы одна из конфликтующих сторон выступает от имени этнической группы или если общественное мнение описывает насильников и их жертв в этнических терминах [2, 5].

Методологической основой исследования этнических конфликтов могут стать работы, которые посвящены теоретическим аспектам межэтнических отношений в социальном взаимодействии. В зависимости от цели исследования можно выбрать ту или иную теорию, которая способна объяснить причины этнических конфликтов. Так, исследование этнокультурных конфликтов может осуществляться в рамках теории конфликта Г. Зиммеля [3]. Вопросы социальных конфликтов могут быть изучены в теории конфликта Р. Дарендорфа, Л. Козера и Р. Коллинза [4].

Этноэкономические конфликты могут быть проанализированы с помощью теоретических положений этнического фаворитизма, последователем которой является Тату Ванханен [5]. Исследователь высказал предположение, что теория Дарвина об эволюции путем естественного отбора дает теоретическое объяснение возникновения и сохранения всех видов конфликтов интересов в человеческом обществе. Согласно эволюционной теории, все организмы

вынуждены бороться за выживание, так как человечество живет в мире дефицита ресурсов. Ограниченное число ресурсов делает борьбу за выживание неизбежной и повсеместной. Таким образом, теория Дарвина объясняет причины не только вооруженных конфликтов и захвата новых территорий некоторыми государствами, но и причины человеческих конфликтов в обществе.

Продолжая развивать теорию Дарвина, исследователь высказывает предположение, что политика везде связана с борьбой за владение ресурсами. Этот центральный и универсальный предмет политики вытекает из неodarвинистской теории эволюции путем естественного отбора. По мнению Тату Ванханена, именно политика является одной из форм такой борьбы. Эволюционные корни политики лежат в необходимости теми или иными средствами разрешать конфликты за ограниченные ресурсы [5].

Исследователь придает большое значение феномену этничности. Он считает, что все в политике вовлечены в непрерывное соперничество и борьбу за ресурсы. Многие члены общества склонны к кумовству и этническому фаворитизму, поэтому многие конфликты интересов в этнически разделенных обществах канализируются по этническим линиям. Для членов таких обществ естественно поддерживать друг друга в политических конфликтах интересов. Из этого следует, что этнический фаворитизм дает теоретическое объяснение значимости этничности и этнического конфликта. В силу своих эволюционных корней существует поведенческая предрасположенность к этническому фаворитизму, который распространен во всех человеческих популяциях. Исходя из изложенных положений, исследователь приходит к выводу, что чем глубже популяция разделена в этническом отношении, тем больше конфликтов интересов в ней случается по этническим линиям [5].

Этнические конфликты могут возникать в разных сферах общественной жизни и между разными группами и участниками конфликта. Вследствие этого, можно выделить ряд уровней конфликтующих сторон. По мнению А. Г. Здравомыслова, к ним следует отнести: индивидуальные и межгрупповые конфликты; конфликты между партиями; конфликты между государственными институтами; конфликты между разными секторами разделения труда; конфликты между культурами [6].

Следует отметить, что в настоящее время не существует единой и универсальной классификации этнических конфликтов. Между тем она необходима для разработки программ, направленных для профилактики и урегулирования межэтнических и внутриэтнических конфликтов. Рассматривая региональные этнические конфликты на постсоветском пространстве, Н. А. Хазанов выделил такие типы конфликтов, как конфликт культурных стандартов, конфликты провокаций, конфликты-отголоски.

Конфликт культурных стандартов возникает на почве бытовых конфликтов между местным и приезжим населением. Такой конфликт вызван тем, что приезжие мигранты не желают жить по законам, обычаям и традициям принимающей их страны.

В конфликтах — провокациях основными организаторами выступают представители националистических организаций. Очень часто они инициируют протестные акции и погромы, направленные против определенной этнической группы.

Третий тип конфликтов может быть определен как конфликт — отголосок, и его причиной часто являются территориальные споры [7].

Наиболее полная типология этнических конфликтов представлена в работе Л. В. Лучевой, которая систематизировала классификацию конфликтов, предложенную отечественными учеными по стадиям проявления конфликта, по территориальным масштабам, в зависимости от целей движения и по сферам проявления.

1) По стадиям конфликтов. Э. А. Паин и А. А. Попов в конце 1990-х гг. выделили конфликты стереотипов и конфликты идей. Конфликты стереотипов обозначают латентный этап, когда нет четких противоречий, но в отношении оппонентов активизируется негативный образ. Конфликты идей завершают латентную стадию выдвижением притязаний исторического права на государственность (бывшие республики СССР) и землю (Осетия, Ингушетия, Чечня), и затем они переходят в конфликт действий — в митинги и демонстрации.

2) По территориальным масштабам выделяют межгосударственные, региональные и

местные конфликты этнических групп. Сюда также часто относят внутригосударственные конфликты между центральной властью и регионом с компактным проживанием этноса.

3) Среди этнических конфликтов выделяют социально-экономические, культурно-языковые, территориальные.

4) По сферам проявления С. В. Алексеев определил следующие этнические конфликты: *этнотерриториальные*, *этноэкономические* (монополия различных видов экономической деятельности, природных ресурсов и пр.), *этносоциальные* (социальное расслоение и статус этносов), *этнополитические* (притязания на самоопределение и сецессию), *этнокультурные* (монополизация культурной деятельности и навязывание языка, культуры, традиций одного этноса представителям других этносов), *этнорелигиозные* (разжигание религиозной вражды, препятствия для выполнения религиозных обрядов верующими иных религий, запрет на строительство культовых и иных сооружений для верующих), *этнодемографические* и *этномиграционные* (изменение соотношения численности коренного населения и мигрантов); *массовопсихологические* (состояние враждебности и ощущение обиды) [8].

Каждый конфликт представляет собой динамичный процесс и включает несколько этапов. Исследователи конфликта Елена Корнелиус и Шошана Файр описывают их следующим образом.

Вначале возникает дискомфорт по неизвестной причине и причину конфликта очень трудно определить.

На втором этапе происходят события, которые позволяют понять из-за чего возник дискомфорт.

На третьем этапе люди не понимают друг друга из-за недостатка информации.

Четвертый этап характеризуется напряженностью из-за сложившегося негативного образа своего оппонента.

Пятый этап можно обозначить как кризис отношений, и он сопровождается экстремальными действиями [9].

Для того чтобы избежать и предотвратить этнические конфликты необходимо знать факторы, которые в дальнейшем их могут спровоцировать. К ним относят рост населения, желание иметь государственную автономию, определенные исторические события, развитая инфраструктура и рецидив межэтнических конфликтов.

В исследовании С. Д. Гуриевой изложены универсальные признаки конфликтов, по которым можно прогнозировать рост межэтнической напряженности.

Требование определенной этнической группы большей автономии, чем она владеет в настоящий момент.

Если меньшинство когда-то в прошлом уже имело свою государственность, существует риск того, что могут начаться военные действия.

Высокая организованность выступающих активистов за самоопределение увеличивает риск начала вооруженной борьбы.

Этнические группы с высокой рождаемостью более склонны к борьбе за самоопределение.

Если этническая и религиозная группа не испытывала притеснений со стороны правительства есть шанс, что она начнет вооруженную борьбу.

Существует большая вероятность начала военных действий, если ранее представители той или иной этнической группы вели борьбу за независимость [10].

В заключение можно сделать следующие выводы.

Этнические конфликты чаще всего возникают в многонациональном государстве, в котором могут происходить как межэтнические, так и внутриэтнические конфликты. Знание типов этнических конфликтов и основных провоцирующих факторов позволят в будущем сделать прогноз и принять соответствующие меры, направленные на их профилактику и предотвращение.

Список литературы

1. Дугин А. Г. Этносоциология. – М.: Академический Проект; Фонд «Мир», 2011. – 639 с.

2. Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В. А. Тишков, В. А. Шнирельман; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. – М.: Наука, 2012. – 650 с.
3. Зиммель Г. Избранное. Т. 2. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.
4. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
5. Ванханен Тату. Этнические конфликты / Тату Ванханен»: Кучково поле. – М., 2014. – 157 с.
6. Здравомыслов А. Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 146 с.
7. Хазанов Н. А. Типология этнических конфликтов в контексте региональной дестабилизации // Вестник ПАГС. – 2015. – С. 79-84.
8. Лучшева Л. В. Современные концепты причин этнических конфликтов // Вестник экономики, права и социологии. – 2015. – № 1. – С. 206-209.
9. Дейко С. Ю., Филобок А. А. Теория, причины, этапы развития межэтнических конфликтов и специфика Краснодарского края // Вестник АГУ. – 2013. – Выпуск 3(122). – С. 68-73.
10. Гуриева С. Д. Межэтнические отношения: гармония, напряженность, конфликт // Вестник СПбГУ. – Сер. 16. – 2012. – Вып. 3. – С. 22-29.

Сведения об авторах

Омелаенко Наталия Викторовна, к. с. н., доцент кафедры иностранных языков, Тюменский индустриальный университет, тел. 89048762728, e-mail: omnv2011@mail.ru

Новрузова Зиньят Джанполад Кызы, студентка, Тюменский индустриальный университет, тел. 89504923535, e-mail: zinyt@mail.ru

Omelaienko N. V. Candidate of Sciences in Sociology, associate professor of the chair of foreign languages, Industrial University of Tyumen, phone: 89048762728, e-mail: omnv2011@mail.ru

Novruzova Z. J. student Industrial University of Tyumen, phone: 89504923535, e-mail: zinyt@mail.ru

УДК 316.3

**РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
АРКТИЧЕСКОЙ ТЕРРИТОРИИ
REGIONAL IDENTITY OF THE POPULATION OF THE ARCTIC TERRITORY**

А. Н. Силин, В. А. Кибенко
A. N. Silin, V. A. Kibenko

*Ключевые слова: региональная идентичность; Арктика; Крайний Север;
Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО)*

Key words: regional identity; Arctic; Far North; Yamalo-Nenets Autonomous District (YaNAO)

В статье представлены результаты социологического исследования региональной идентичности населения арктической территории на примере ЯНАО. Особое внимание уделено особенностям северян, отличающих их от жителей других территорий России, а также сходству и различиям городского и сельского населения Крайнего Севера.

The article presents the results of a sociological study of regional identity of the population of the Arctic territory by the example of YaNAO. Particular attention is paid to the peculiarities of northerners, which distinguish them from the population of other territories of Russia, as well as to the similarities and differences between urban and rural population of the Far North.

Население ЯНАО, ставшее объектом нашего исследования, представляет уникальную социально-территориальную общность, сформировавшуюся в основном не за счет естественного воспроизводства, а в результате миграционных процессов. Целью данного исследования стало изучение региональной идентичности, представляющей продукт самоидентификации северян как особой группы жителей арктического региона [1].

Работа была начата нами в 2014 году и на первом этапе изучалась региональная идентичность городского населения ЯНАО [2].

В 2015–2016 гг. исследование было продолжено, и его объектом стало постоянно проживающее сельское население округа в возрасте старше 18 лет. Как и на первом этапе использована территориальная трехступенчатая, пропорциональная, квотная (пол, возраст) модель выборки, обеспечивающая репрезентативность сельского населения ЯНАО в целом и трех сельских районов в отдельности. На первой ступени отбирались районы:

□ Красноселькупский район ($n = 355$, $p \pm 5\%$): с. Красноселькуп — 234 респондента, с. Толька — 121 респондент;

□ Шурышкарский район ($n = 364$, $p \pm 5\%$): с. Мужы — 237 респондентов, с. Горки — 127 респондентов;

□ Ямальский район ($n = 371$, $p \pm 5\%$): с. Яр-Сале — 301 респондент; с. Мыс Каменный — 70 респондентов.

На второй — села, на третьей — домохозяйства.

Объем выборочной совокупности — 1 090 респондентов, ошибка выборки составляет $p \pm 3\%$. Маршрутный опрос проведен в октябре — ноябре 2015 года методом формализованного личного интервью по месту жительства респондентов.

Территориальная самоидентификация сельских жителей автономного округа распределилась следующим образом (таблица).

*Самоидентификация сельского и городского населения ЯНАО
«Кем Вы считаете себя, если говорить о территории?»*

Категория самоидентификации	Сельское население, % ($n = 1090$, $p \pm 3$)	Городское население, % ($n = 2285$, $p \pm 2$)
Территориальная		
Национально-государственная		
«Россиянин»	57,1	43,4
Региональная		
«Ямалец»	18,8	9,8
«Северянин»	12	11,5
Локальная		
Село ЯНАО	2,3	5,1
Этническая		
«Русский»	3,6	12,3
Другие национальности	3,4	4,3
Другое	1,4	5
Регионы РФ	0,7	1,1
Сибиряк	0,4	3
Дальнее зарубежье	0,1	4,2
Религиозная принадлежность	0,1	0,4

Верхний уровень занимает национально-государственная идентичность — 57,1 % , средний уровень — региональная идентичность — 30,8 % . Локальная идентичность слабо выражена — 2,3 % . Этническая самоидентификация сельчан в общей иерархии занимает третью позицию — 7 % и не имеет яркой выраженности в отличие от городов. Региональная самоидентификация представляет собой совокупность двух элементов: на мезорегиональном уровне — «ямалец» (18,8 %) и на макрорегиональном уровне — «северянин» (12 %).

При выборе между двумя мезорегиональными категориями — «Если выбирать между «ямалец» и «северянин», кем Вы себя больше считаете?», в равной степени ямальцами и северянами указали себя более половины жителей сел — 56,3 %, около трети считают себя ямальцами — 29,5 %, северянами назвали себя — 11,2 %, ни к тем, ни к другим отнесли себя — 2,9 %.

Утвердительно назвали себя «ямальцем» — «Вы лично можете назвать себя «ямальцем»?» — 93,6 % сельчан (горожане — 82,9 %).

Образ территории («Назовите вещи, события, людей, явления — все, что у Вас лично ассоциируется с Ямалом») складывается из:

□ климатических, природных, и погодных условий («суровый климат», «зима», «9 месяцев зимы», «снег», «холод» «мороз», «метель», «пурга», «красивая природа», «Север» «тундра», «Арктика», «Полярный круг», «северное сияние», «комары» и т. п.) — 48,9 % от всех ответов (42,1 % — городское население);

□ наличия природных запасов углеводородного сырья и деятельности предприятий нефтегазового комплекса («нефть», «газ», «нефтедобыча», «газодобыча», «Газпром», «вахтовики», «газопровод» и т. п.) — 12,2 % (9,7 %);

□ уклада жизни и хозяйствования коренных малочисленных народов Севера («народы Севера», «чум», «оленоводство», «олень», «ненцы», «день оленевода», «жизнь коренных народов севера» и т. п.) — 11,7 % (9,7 %);

□ богатство и разнообразие флоры и фауны для охоты, рыбалки и сбора дикоросов («рыбалка», «охота», «морозика», «муksун», «белая рыба», «ягоды», «дары природы» и т. п.) — 7,6 % (6,9 %).

Схожа и характеристика ямальского сообщества в представлении горожан и сельчан — это «добрые», «доброжелательные», «гостеприимные», «отзывчивые», «открытые», «выносливые», «закаленные», «сильные», «трудолюбивые», «честные» и т. п. люди.

Участники исследования указывают на различия жителей автономного округа с жителями других территорий Российской Федерации — «Как Вы считаете, сильно ли отличаются жители Ямала ...»: от жителей южных и центральных районов — 79 % опрошенных сельчан; от жителей россиян — 70,3 %; от жителей Урала — 58,1 % . При этом, почти не видят различий с жителями сел (деревень, поселков) в других сельских районах ЯНАО — 67,3 % участников исследования; в других северных регионах страны — 59,9 %; городов ЯНАО — 56,5 %; других северных регионов России — 56,3 %; жителями Сибири — 55 %.

В отличие от мнения горожан, где основными факторами, объединяющими жителей автономного округа с другими людьми, выступают факторы, имеющие территориальную основу, у сельчан наряду с территориальными факторами выступают национальность и общая родина — «Что из перечисленного больше всего объединяет Вас с другими людьми?»: принадлежность к одному государству — 53,5 %; месту проживания (земляки) — 45,8 %; национальность — 44 %; общая родина (место рождения) — 41 %; религия — 30,5 %.

Ямало-Ненецкий автономный округ как место постоянного проживания — «Некоторые говорят, что Ямал — не место для жизни, здесь нужно работать, зарабатывать и уезжать. Другие с ними не согласны. А Вы?» — рассматривают — 75,9 % опрошенных сельчан. Значимые различия (значимость $\chi^2 < 0,001$) наблюдаются по территориям опроса: Шурышкарский — 90,4 %; Ямальский — 73,6 % и Красноселькупский район — 62,4 %.

Из Шурышкарского района не хотят уезжать и жить в другом месте ($\chi^2 < 0,001$) — «хотел бы остаться здесь на всю жизнь» — 72,8 %, хотят пожить в районе и потом уехать — 22,2 %;

уедут при первой возможности — 5,1 %. В Ямальском районе: 35,3; 60,7; 4 %. И Красноселькупском районе: 31,4; 55,6; 13 % соответственно.

Жители Шурышкарского района наиболее привязаны к ЯНАО, так из числа тех, кто пожелал уехать из своего села 33,7 %, предпочли бы переехать в другие населенные пункты автономного округа, 66,3 % — за пределы ЯНАО. В Ямальском районе — 11; 89 % и Красноселькупском — 11,3; 88,7 % соответственно.

В целом, уехать за пределы округа хотят 84,5 % сельских жителей ЯНАО и 15,5 % хотели бы переехать в другой город (село, деревню, поселок) в автономном округе. Тюменская область привлекательна для переезда у 47,8 % сельского населения округа; южные регионы России — 12,5 %; города, районы и села ЯНАО — 11,8 %; центр, Черноземье, Поволжье — 10,7 %; Урал 5,6 %, Западная Сибирь — 4,2 %. Основные причины возможного переезда: «климатические условия», «природа», «море» — 35,3 %; «родственники, друзья» — 33,2 %; «больше возможностей», «перспектива», «работа» — 8,8 %; «выше уровень жизни», «большой город» — 7,1 %; «больше мест досуга» — 6,3 % .

Вопросы возможных административно-территориальных преобразований в сложносоставном субъекте Российской Федерации не находят поддержки у большинства жителей сельских районов ЯНАО — «Как Вы относитесь к идее об объединении трех субъектов федерации: Ямало-Ненецкого, Ханты-Мансийского автономных округов и Тюменской области в один субъект федерации — Тюменскую область (край)?»: против — 84,5 %; за объединение — 15,5 %.

Территориальная самоидентификация, образ региона и ментальные характеристики городского и сельского населения автономного округа во многом совпадают. Что подтверждает выводы ранее проведенных исследований в арктическом регионе [3, 4]. В иерархии идентичностей доминирует национально-государственная идентичность. Региональная и слабо выраженная локальная идентичность не составляют конкуренцию национально-государственной. Низкий уровень локальной самоидентификации является в целом отличительной чертой от многих регионов России, где она зачастую выходит на первый план. Различия наблюдаются в структуре региональной идентичности — у сельчан больше выражена самоидентификация с категорией «ямалец», чем с «северянин». Население Шурышкарского района имеет высокую степень социальной укорененности, что наряду с природно-географическими факторами делает район привлекательным для постоянного проживания в условиях Крайнего Севера.

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект 15-03-00367а «Уровень человеческого потенциала и социальная ситуация в арктическом регионе как фактор развития ТЭК»).

Список литературы

1. Маркин В. В. Теоретико-методологические проблемы социально-пространственной и социально-территориальной идентификации: региональный узел // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. – М.: Новый хронограф, 2015. – С. 11-33.
2. Кибенко В. А. Региональная идентичность городского населения ЯНАО (по результатам социологического исследования // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та Сер. Гуманитарные науки, 2015. – № 6. – С. 72-81.
3. Silin A. N., Tkacheva N. A. Formation of Human Resources in the Process of circumpolar Region Development // International Journal of Economic and Financial Issues, 2015. 5 pp. 121-127.
4. Barbakov O. M., Belonozhko M. L. The Virtual Spase Simulation of the Regional Governance Sistem // International Journal of Economics and Financial Issues, 2016, 6 pp. 72-79.

Сведения об авторах

Силин Анатолий Николаевич, д. с. н., профессор кафедры «Маркетинг и муниципальное управление», Тюменский индустриальный университет, научный руководитель Ямальской социологической лаборатории, тел. 89199446020, e-mail: sm-2004@rambler.ru

Кибенко Валерий Александрович, руководитель Ямальской социологической лаборатории ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», тел. 89028279296, e-mail: valera089@mail.ru

Silin A. N., Doctor of Sociology, professor of the Department Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, scientific director of the Yamal sociological laboratory, phone: 89199446020, e-mail: sm-2004@rambler.ru

Kibenko V. A., director of the Yamal sociological laboratory, phone: 89028279296, e-mail: valera089@mail.ru

УДК 316.444:316.346.32-053.6 (470+471)

**КАНАЛЫ И ЛИФТЫ СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ**
THE CHANNELS AND ELEVATORS OF SOCIAL
MOBILITY OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Н. И. Скок, Е. В. Барбакова
N. I. Skok, E. V. Barbakova

Ключевые слова: социальная мобильность; канал социальной мобильности; социальный лифт; виртуальный лифт; псевдомобильность; траектория мобильности; социальный статус; управление мобильностью
Key words: a social mobility; a social mobility channel; a social elevator; a virtual elevator; pseudo-mobility; mobility; trajectory; social status; mobility management

В статье представлен теоретический анализ современных данных по проблеме социальной мобильности российской молодежи в постсоветском периоде. Показана трансформация значимости видов и каналов мобильности. Обозначены факторы, определяющие вид канала и выбор лифта социальной мобильности: внесубъектные и внутрисубъектные. В выводах представлены основные исследовательские ниши, требующие заполнения результатами эмпирических исследований, проводимых в рамках гранта.

The article presents a theoretical analysis of the current data on the Russian youth social mobility problem in the post-Soviet period. It demonstrated the importance of the transformation of species and mobility channels. The factors that determine the type of channel choice and social mobility lift: out-subjectibe and in-sujective. The conclusions are presented basic research of the niches that require filling the results of empirical research conducted within the framework of the grant.

В периоды любых социальных трансформаций, как и во время перехода от социализма к капитализму, как известно, резко возрастает социальная дифференциация общества, индуцируемая усиливающейся социальной мобильностью, что приводит к формированию новой социальной структуры. Наибольшее значение феномен социальной мобильности играет для молодых людей, стремящихся с использованием своих способностей и имеющихся возможностей максимально повысить свой социальный статус.

Особый интерес в изменившихся условиях, представляет вопрос о каналах, или, как их назвал Сорокин П. в 1927 г., лифтах социальной мобильности (социальных лифтах). Яценко Н. Е. [2] определяет социальный лифт как «условное наименование совокупности факторов, оказывающих определяющее влияние на вертикальную социальную мобильность».

«Если в обществе существуют социальные лифты, то каждый из его членов уверен, что при определенных условиях он может добиться своего; общество становится открытым, социальное самочувствие — позитивным. Человек, живущий в открытом обществе, думает: «Если я захочу, то я смогу...». Человек, живущий в противоположной реальности, мыслит: «Как ни бейся, там свой мир, наверх попадают только свои — мы никто, нам путь закрыт» [3].

Под каналом мобильности еще со времен Сорокина П. и Вебера М. понимаются условия и обстоятельства социальной реальности, обуславливающие любое перемещение внутри стратификационной системы общества. Тем не менее, на наш взгляд, отождествлять в полной мере каналы мобильности и социальные лифты неправомерно.

«Социальный лифт», представляется, прежде всего, искусственно созданным инструментом мобильности, а канал перемещения существует как объективная реальность, независимо от желания человека и общества.

Следовательно, следует дифференцированно подходить к анализу этих социальных явлений. Общеизвестно, что каналы мобильности представлены, прежде всего, социальными институтами: семья, собственность, армия, образование, власть, религия (церковь). Не подвергается сомнению и тот факт, что в разные исторические периоды преобладают те или иные каналы мобильности. Кроме того, в связи с общественными изменениями, появляются

новые каналы, теряют актуальность прежние. Так, например, в советский период преобладали такие каналы социального перемещения как образование, армия, власть. В ранний постсоветский период появились новые каналы: собственность, предпринимательство, принадлежность к криминалу. Потеряло свою значимость, как канал вертикального перемещения, образование [4]. На современном этапе преобладает активность таких каналов как собственность, власть, армия, политика, СМИ [5, 6].

Таким образом, список каналов мобильности принципиально не меняется на протяжении существования и функционирования перечисленных социальных институтов, а вот их значение и роль в интенсивности перемещения и выборе преобладающей траектории постоянно подвергается коррекции под влиянием внешних условий.

Динамичная трансформация внешней и, прежде всего, социальной среды, имеющая место в данный исторический период времени в России, требует не только активного функционирования перечисленных каналов для обеспечения мобильности, что представляется крайне сложным в условиях кризиса ряда социальных институтов (семья, образование), но и использования дополнительного инструментария для активизации мобильности, прежде всего, вертикальной.

Таким инструментом является «социальный лифт». В своей 5-ой предвыборной статье от 13 февраля 2012 «Строительство справедливости. Социальная политика России» Путин В. В. пишет о значении «социального лифта» в связи с низким вкладом в профессиональное самоопределение и реализацию потенциала личности такого канала как образование [4].

Действительно, в советский период Российской истории указанный канал не только обеспечивал высокую интенсивность социальной мобильности, но и определял преимущественно ее восходящую траекторию, что позволяло держать на высоком уровне размеры человеческого капитала, в частности, выраженные через ИРЧП. Так, в 1993 году, Россия занимала 27 место по уровню ИРЧП, тогда как сейчас только 57.

Указанные особенности социальных перемещений, имеющие место в Российском обществе, требуют не только поиска новых каналов социальной мобильности, но и создания инструментов для повышения эффективности прежних.

В качестве новых каналов восходящей мобильности, помимо собственности, предпринимательства, в настоящее время все чаще называют политическую (общественную) деятельность. В частности, Белуза А. относит ко вновь проявившимся каналам не только членство в правящей партии, но и принадлежность к оппозиции, а также инициирование создания новых партий, участие в молодежных общественных движениях. Социальными лифтами в этих каналах являются: практика создания управленческого и политического резерва, конкурсные отборы, волонтерство, поддержка социальных инициатив через систему грантов и т. д. [7].

К социальному лифту также следует отнести реализацию мероприятий по организации транстерриториальной мобильности, чтобы молодые люди могли работать там, где наиболее востребованы их профессиональные знания и навыки.

Малышев В. А. справедливо указывает на ряд причин актуализации значимости социальных лифтов, среди которых он называет необходимость роста численности среднего класса для обеспечения общественной стабильности, преодоление тенденции увеличения фактов проявления молодежных девиаций, предупреждение опасности экономической стагнации [8].

Тот же Малышев В. А. обращает внимание на специфику функционирования современных социальных лифтов. Суть ее заключается в том, что в недрах формирующегося информационного общества начинает функционировать и давать первые результаты виртуальный лифт, который позволяет продвинутой «цифровой» молодежи занимать реальные высокие социальные позиции. Особенность виртуального социального лифта состоит в нескольких аспектах.

Во-первых, он позволяет продемонстрировать свои «цифровые» возможности максимально большому числу людей, что расширяет территориальные и профессиональные пределы выбора и предложения. Во-вторых, виртуальная жизнь позволяет молодым людям

раскрыть и активно развивать свои креативные способности, которые на сегодняшний день являются самым востребованным товаром на всех рынках. В-третьих, указанный лифт лишен элемента предвзятости при выборе лучших, так как мнение о возможностях и способностях субъекта формируется анонимно, опосредованно через технические средства. В-четвертых, использование цифровых коммуникаций снижает конкуренцию на «входе в лифт», так как число желающих им воспользоваться ограничивается людьми в совершенстве владеющими информационными технологиями, что доступно далеко не всем в силу возраста, места проживания, образования, материальных и иных возможностей.

К еще одному лифту на образовательном канале социальной мобильности можно отнести владение иностранными языками. В условиях современного глобального мира знание не только родного языка трудно переоценить. Данная ситуация интуитивно ощущается в обществе, но в качестве лифта прежде никем не была описана.

Кроме того, социальным лифтом, активно функционирующим во всем мире, в том числе и в России, следует отнести «масс-медиа». Действительно, появление и многократное «мелькание» в средствах массовой информации, позволяет не только индивиду, но и целым социальным группам сформировать соответствующий имидж, который трансформируется в устойчивый социальный статус. Такая ситуация имеет место прежде всего в сферах политики, культуры, искусства, спорта. Указанный лифт сыграл свою позитивную роль в отношении инвалидов, для которых, в том числе и благодаря СМИ, в России создается «доступная среда».

Одновременно, этот же лифт, как известно, может способствовать формированию негативного имиджа, что приводит к ухудшению репутационных характеристик, к снижению социального статуса целых профессиональных групп (медицинские работники, сфера ЖКХ).

Та же ситуация имела место несколько лет назад с военнослужащими, полицейскими. Она была успешно преодолена, в том числе и благодаря деятельности СМИ.

Анализ проблемы функционирования социальных лифтов в сегодняшней России приводит к идее о связи их направления, активности и пропускной способности не столько с диалектикой и динамикой общественного развития, сколько со стратегией политического и социально-экономического выбора.

В связи с данным тезисом можно предположить, что де-юре будут предприниматься меры по улучшению работы таких лифтов, как образование, медицина, ЖКХ, поддержка талантливой и перспективной молодежи, новаторство, информационная сфера, сетевые технологии. Как будут развиваться события де-факто прогнозировать трудно. Несомненным является тот факт, что сохраняют свои лидирующие по результату позиции такие лифты как доход (собственность, богатство, капитал), родственные связи, удачный брак, политическая деятельность, принадлежность к определенной профессиональной группе (военнослужащие, чиновники, финансисты, работники сырьевых производств).

Одновременно явно набирает активности такой лифт как общественная деятельность, который, как известно, играл немаловажную роль в доперестроечной России.

Неразрешимым остается вопрос о внутрисубъектных детерминантах социальной мобильности.

Шпекторенко И. В. в качестве качеств, развивающих внутреннюю потребность индивида в социальной мобильности, называет две группы качеств: ценностно-ориентационные и компетентностные. К первым он относит социальную направленность, социальные намерения (мотивы), социальные интересы, социальные ожидания, социальное удовлетворение. Ко вторым: обучаемость, социальный опыт, культуру, компетентность. Обе группы качеств являются результатом онтогенеза и социализации [3].

Очевидность данного положения требует уточнения сути механизмов формирования внутрисубъектных детерминант социальной мобильности и ответа на вопрос, какие из этих механизмов дают сбой: онтогенетические или социализационные.

Исследования Шамионова Р. М., считающего, что активность обусловлена наличием у субъекта риск-потенциала, то есть всех видов ресурсов, позволяющих принимать решения и совершать поступки с высокой долей риска, показывают, что риск-потенциал зависит от тех же — целеустремленности и инициативности [9].

Многочисленные исследования западных социальных психологов (Герцберг Ф., Маслоу А., Майерс Д.) показывают, что деятельностная активность индивида связана с уровнями его мотивации достижения успеха и мотивации избегания неудачи.

В частности, исследования Скок Н. И., проведенные в 1998 г. среди инвалидов, имеющих физические и соматические заболевания, показали, что у инвалидов значительно выше, чем у здоровых людей уровень мотивации избегания неудачи при незначительной разнице со здоровыми уровнями мотивации достижения успеха, что не способствует их мобильности [10].

Указанные данные позволяют говорить, что не только средовые (объективные) факторы влияют на интенсивность и направление мобильности, но и внутрисубъектные, представляющие собой сложный конгломерат психофизиологических и социализационных качеств индивида.

Такой междисциплинарный подход к социальной мобильности в свое время был инициирован П. А. Сорокиным. Акцентируя внимание на профессиональной мобильности (межпрофессиональной и внутривидовой), великий социолог указывал на значение не только средовых, но и личностных факторов в проявлениях мобильности [11].

Проведенный краткий анализ направлений и результатов научных изысканий по проблеме социальной мобильности российской молодежи позволяет определить ряд исследовательских ниш, требующих заполнения новыми достоверными данными изучения указанного феномена. К таким нишам следует отнести:

- необходимость выявления преобладающих на сегодняшний день источников и факторов экономической, трудовой и профессиональной мобильности (ментальность, идеалы, ценностные ориентации) и их содержания;
- определение оптимальных общественных условий для осуществления молодежью восходящего перемещения;
- разработку эффективного управленческого механизма регулирования социальной мобильности молодежи;
- комплексное изучение компонентов социальной мобильности с позиции синергетического подхода;
- выявление эффективности различных социальных лифтов и изучения ее связи с внутри и внесубъектными факторами.

Список литературы

- 1) Грант РГНФ №15-03-00284а «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодежи»
- 2) Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. – СПб.: Лань, 1999, – 528 с.
- 3) Шпекторенко И. В. Социальные лифты в структуре социальной мобильности индивида // Управленческое консультирование. – 2013. – № 6. – С. 93-103.
- 4) Путин В. В. Пятая статья от 13.02.2012 г. Строительство справедливости. Социальная политика для России.
- 5) Романова К. С. Социальные лифты как средство социальной мобильности // Материалы VII Российского философского Конгресса 6.10. – 10.10.2015. – Уфа. – 400 с.
- 6) Малышев В. А. Социальные лифты в жизни российской молодежи: социальная значимость и специфика функционирования: автореферат диссертации на соискание ученой степени к. с. н.; Ростов на Дону, 2012, – 27 с.
- 7) Белуза А. VIII социальных лифтов российской политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/87725>.
- 8) Тихонова Н. Е. Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике. – М., 1999. – 38 с.
- 9) Шамионов Р. М. Социальная психология личности: проблемы и перспективы // Известия Саратовского университета. – 2014. – Т. 3, вып. 3. – С. 236-239.
- 10) Скок Н. И. Жизнеобеспечение людей с ограниченными возможностями в современной России. – Тюмень: Вектор Бук, 2003. – 158 с.
- 11) Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность // П. Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. Сер.: Мыслители XX века. – М., 1992. – С. 302-373.

Сведения об авторах

Скок Наталья Ивановна, д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета, тел. 89612106897, e-mail: Natalya-skok@mail.ru

Барбакова Елена Викторовна, старший преподаватель кафедры экономики, Тюменский индустриальный университет

Skok N. I., Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Government, Industrial University of Tyumen, phone: 89612106897, e-mail: Natalya-skok@mail.ru

Barbakova E. V. Senior lecturer, Department of Economics, Industrial University of Tyumen _____
УДК 316.3

ВОЛОНТЕРСТВО В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ СРЕДНЕГО УРАЛА³ VOLUNTEERING IN THE ACTIVITIES OF THE STUDENTS OF MIDDLE URALS

М. В. Певная, А. А. Кузьминчук
M. V. Pevnaya, A. A. Kuzminchuk

Ключевые слова: волонтерство; добровольчество; студенчество; социальная общность; образование
Key words: volunteering; students; social community; education

В статье рассматриваются особенности деятельности студентов-волонтеров Свердловской области. Авторы анализируют аспекты позитивного влияния волонтерства на общество, университетскую среду, а также профессиональное и личностное развитие студентов как будущих специалистов-профессионалов. Авторами сравниваются две группы студентов ведущих вузов региона: молодые люди, имеющие опыт добровольческой деятельности и студенты, которые никогда не принимали участие в каких-либо добровольческих проектах. Доказывается, что добровольческая деятельность студентов способствует их успешному трудоустройству, повышает социальную активность молодежи, развивает навыки планирования времени, обеспечивает психическое благополучие и здоровье российских студентов.

This article discusses the specific characteristics of the students' volunteers. The article devoted to the positive impact of volunteering on the society, university life and professional and personal development of future professionals. Results of empirical studies demonstrate that volunteering contributes to students' successful employment, increase their social activity, developing the skills of time-management and ensures their well-being and mental health.

В публичной сфере нашей страны особое место занимает социальная активность молодежи. Все большую популярность приобретает волонтерская деятельность, которая становится частью не только воспитательного, но и образовательного процессов в системе высшего образования РФ. Можно отметить, что складывающаяся в этом направлении ситуация полностью соответствует тем тенденциям, которые сегодня характеризуют глобальное образовательное пространство. Интеграция волонтерского труда и обучения в колледжах и университетах сегодня является общемировым трендом. Наиболее представлено в добровольческом движении молодое поколение. Данные социологических исследований свидетельствуют о том, что значительная часть студентов по всему миру принимает участие в волонтерских проектах. Так, в 2010 г. волонтерами работали 84,5 % китайских студентов, 79,7 % канадских и 78,8 % американских студентов, 71,4 % молодых бельгийцев, обучающихся в вузах, 63,3 % студентов из Англии и т. д. [8].

Интеграция России в мировое образовательное пространство вносит существенный вклад в процесс адаптации к волонтерской культуре российского студенчества [2]. По заключению большинства российских исследователей, так как молодежь является мощнейшим ресурсом преобразований в стране, необходимо вкладываться в формирование профессиональных компетенций молодежи, ее социальную состоятельность, наращивание конкурентоспособных преимуществ [1]. Одним из таких вложений является развитие волонтерства. Как вид социальной активности оно несет практическую пользу для самих молодых людей, способствуя их самореализации, профессиональному развитию. Ресурсы волонтерства развивают местное

³Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00016

сообщество за счет включения молодежи в деятельность некоммерческих организаций, трансформируют образовательную среду. С одной стороны, добровольцы формируют внутренний и внешний имидж университетов. Они участвуют в организации и проведении различных социальных мероприятий, разрабатывают и реализуют социальные проекты, направленные на решение различных проблем в обществе. С другой стороны, постепенно изменяется процесс образовательной подготовки студентов. Волонтерство все чаще становится одним из механизмов формирования профессиональных и общекультурных компетенций будущих специалистов. Как современный практико-ориентированный подход к обучению, динамично развивающийся во многих университетах мира, в отечественных вузах начинает внедряться технология обучения через волонтерство. Добровольчество несет за собой импульс позитивного развития общества в целом, выступает способом решения многих социальных проблем местных сообществ. Таким образом, целью данной статьи является рассмотрение основных характеристик волонтерской деятельности российского студенчества, обуславливающих позитивный эффект добровольчества для самих студентов и общества.

Научный и практический интерес к проблемам развития в России студенческого волонтерства актуализировал потребность в эмпирическом изучении данной проблематики. Авторы статьи осуществили два исследования, результаты которых отражают специфику волонтерской деятельности студенчества типичного российского региона — Свердловской области. В рамках шестого этапа социологического проекта «Студент — 2012» волонтерство было рассмотрено как один из видов общественной активности уральской молодежи. В социологическом опросе приняли участие студенты 3 курса 14 вузов Свердловской области (N = 1 802; тип выборки — случайно-стратифицированная). Выборка включала 34 % юношей и 66 % девушек. Среди студентов-волонтеров Уральского региона 40 % получали гуманитарное образование, почти каждый пятый (26 %) — социально-экономическое, 28 % от числа опрошенных волонтеров учились на технических специальностях, почти каждый десятый (11 %) получал профессиональное образование естественно-научного профиля. В статье анализируются данные второго социологического исследования — опроса волонтеров Свердловской области (N = 1 208; тип выборки — случайно-стратифицированная, 2014), в рамках которого выделена подвыборка молодых волонтеров (N = 540). В анкетировании участвовали 56 % девушек и 44 % молодых людей. Исследование по данному направлению продолжают под руководством проф. Г. Е. Зборовского⁴.

Дадим характеристику студенческому волонтерству. Согласно данным регионального мониторинга опыт добровольческой деятельности есть практически у каждого второго студента вузов Свердловской области (54 %). По официальным данным с 2012 г. в нашем регионе «в 3 раза увеличилась доля молодых граждан в возрасте от 14 до 30 лет, участвующих в проектах социально ориентированных некоммерческих организаций, реализованных при государственной поддержке, доля граждан, участвующих в добровольческой деятельности, к общей численности населения Свердловской области увеличилась в 2,5 раза» [4]. Общероссийских данных по включенности студенчества в волонтерское движение в России нет. Однако ряд региональных исследований показывает, что число студентов-волонтеров значительное. Например, в Ярославле опыта участия в волонтерских проектах и акциях нет только у 31 % студентов вузов. [5].

Наш опрос 2014 г. позволил охарактеризовать популярность различных видов добровольчества в студенческой среде Свердловской области. Первую позицию по распространенности среди студентов-волонтеров уральского региона занимает «событийное» волонтерство — помощь в организации и проведении культурно-досуговых, спортивных мероприятий (66 %). Молодых волонтеров, привлеченных к мега-событиям, на 26 % больше, чем добровольцев других возрастных групп. На втором месте по распространенности среди студентов оказалось социальное волонтерство — помощь нуждающимся, оказавшимся в трудной жизненной ситуации (56 %). 12 % студентов-волонтеров оказывали профессиональную помощь в НКО, по 5 % респондентов принимали участие в экологическом и политическом

волонтерстве, меньше всего в выборке оказалось тех, кто помогал искать пропавших людей (4 %), заботился о бездомных животных (2 %) и ликвидировал последствия стихийных бедствий (1 %). Популярность событийного волонтерства в регионе, по нашему мнению, связана с профессиональным подходом к организации волонтерской деятельности молодежи. На базе Уральского федерального университета создан центр, выступающий организатором добровольческой деятельности студенческой молодежи в регионе, достаточно успешно реализующий функции координации и обучения волонтеров в рамках проведения массовых мероприятий различного уровня.

Региональные исследования показывают, что проектная форма организации волонтерской деятельности приобретает все большую популярность среди студентов. По нашему мнению, такая организация труда молодых волонтеров позволяет им принимать участие в проектах время от времени в зависимости от собственной занятости. В 2012 году регулярно занимались добровольчеством в Свердловской области 14 % опрошенных волонтеров, 36 % студентов-волонтеров были эпизодически задействованы в добровольческой деятельности, каждый второй (50 %) от числа опрошенных в этой группе участвовал в отдельных волонтерских проектах не более 1–2 раз. Согласно данным опроса 2014 г., доля регулярно работающих на добровольных началах студентов увеличилась незначительно (до 16 %), а вот число студентов-добровольцев, включенных в волонтерские проекты время от времени, существенно возросло и составило уже 54 % от числа всех молодых волонтеров. Для сложившейся ситуации есть и объективные причины. К ним можно отнести распространение проектной культуры в реализации молодежной политики, а также практику государственной региональной поддержки — финансирование деятельности социально ориентированных НКО в форме грантов на конкурсной основе.

Качественные и количественные характеристики добровольческой деятельности студентов, безусловно, значимы для их личного и профессионального развития. Приведем лишь некоторые наиболее важные, на наш взгляд, тенденции.

Во-первых, добровольчество существенно влияет на профессиональное становление студентов, обеспечивая им «вход на рынок труда». Мониторинг показал, что студенты, работавшие или работающие как волонтеры, намного легче трудоустраиваются еще во время обучения в вузе. Постоянную работу имели 49 % волонтеров, тогда как среди студентов без волонтерского опыта был трудоустроен только каждый третий студент (33 %). На наш взгляд, это связано с тем, что волонтерская деятельность по определению расширяет социальные сети, в которые оказываются включенными студенты-волонтеры. По мнению Г. А. Чередниченко, «широкое использование социальных сетей при устройстве на работу усиливает тенденцию соединения работника с рабочим местом» [7]. Кроме того, практика требования работодателем от соискателя вакансии наличия у него трудового опыта, а лучше — стажа работы по специальности, о которых пишет исследовательница, серьезно осложнила условия трудоустройства молодежи, при этом, по нашему мнению, в более выигрышную позицию поставила студентов-волонтеров.

Во-вторых, волонтерская деятельность оказывает значимое влияние на профессиональное самоопределение студентов. Скорее всего, проблема «трудоустройства не по своей специальности», получившая широкое распространение в современной России среди выпускников отечественных вузов, чаще не относится к молодым добровольцам. По нашим данным, почти у половины работающих студентов, которые имеют опыт добровольческой деятельности, работа так или иначе связана с будущей профессией, в то время как среди студентов, не имеющих опыта волонтерских практик, эту связь отметили лишь 35 % работающих респондентов.

В-третьих, добровольчество способствует личностному развитию молодых людей. Особенно это проявляется в их способностях планировать свое время в условиях

экономической нестабильности и социальной напряженности, формирующих среду жизненной неопределенности. Согласно данным опроса волонтеров Свердловской области, 44 % из числа молодых респондентов заявляли, что, занимаясь добровольческой деятельностью, они лучше управляют своим временем в целом, их действия характеризует целеустремленность. Студенты-волонтеры ориентированы на результативность своего труда (как профессионального, так и добровольческого) в сложных темпоральных условиях. Они отмечают, что если у них окажется мало времени для выполнения того или иного дела, то они ускорят его выполнение для того, чтобы уложиться в срок (59 %). Среди волонтеров Свердловской области из других возрастных групп такую альтернативу ответа при оценке ситуации нехватки времени выбрали не более 45 % от числа всех респондентов.

Темпоральные ресурсы разных общностей связаны как с временными затратами (на работу, досуг, учебу и т. д.) отдельных людей, так и с проблемой планирования и реализации ими трудовой занятости и своего свободного времени. Наши исследования показывают, что добровольческий труд способствует более четкому видению студентами-волонтерами своих перспектив в этом плане. У них лучше выработаны навыки планирования своего времени. Если среди постоянно занимающихся добровольчеством молодых волонтеров точных планов на будущее не имеют только 6 % из числа опрошенных, в анализируемой группе добровольцев, участвующих в отдельных проектах, — 9 % таких респондентов, то среди молодежи, случайно участвовавшей в волонтерских акциях 1–2 раза, об отсутствии планов заявили уже 16 % студентов.

Проведенные исследования демонстрируют, что успешно совмещать учебу, работу и волонтерство могут 49 % студентов Свердловской области, имеющих опыт волонтерства. Среди студентов, которые никогда не принимали участие в волонтерских проектах, не имеют постоянной и временной работы 67 % респондентов. Волонтерская деятельность опосредованно влияет на способность активной молодежи конвертировать свои темпоральные ресурсы в материальные. В группе студентов с опытом волонтерской деятельности 13 % респондентов отметили, что имеют существенный доход; почти каждый второй (49 %) из их числа имеет незначительный заработок; 37 % волонтеров не имеют постоянной работы и дополнительных заработков. Среди студентов без опыта волонтерства имеют постоянный доход лишь 9 % респондентов, 38 % отметили, что их доход незначителен, каждый второй (52 %) заявил вообще об его отсутствии.

В-четвертых, студенты, принимая участие в волонтерских проектах, в какой-то мере ситуативно обеспечивают себе психологически комфортное состояние. Волонтерская работа, безвозмездная помощь нуждающимся в ней людям позволяет им снизить стресс, избежать депрессии, повысить самооценку и уровень удовлетворенности собственной жизнью. Просоциальная активность является важным фактором обеспечения удовлетворенности жизнью и в настоящее время считается одним из ключевых компонентов позитивного психического здоровья [10]. 85 % студентов-волонтеров, принявших участие в исследовании, удовлетворены своей жизнью. Добровольчество способствует повышению самооценки молодых людей как одного из параметров их социального благополучия. Среди принявших участие в региональном опросе студентов-волонтеров 80 % полностью уверены в себе и своих поступках. Исследования зарубежных коллег убедительно доказывают, что содействие развитию добровольчества выступает важным аспектом профилактики общественного и личного здоровья добровольцев [9].

В-пятых, результаты проведенного нами исследования наглядно демонстрируют, что среди тех студентов, которые занимаются волонтерством, уровень социальной активности значительно выше, чем среди тех, кто никогда не принимал участие в волонтерской деятельности. Став добровольцем и работая над серьезными проблемами, студенты доказывают

окружающим свою зрелость, самостоятельность и состоятельность [6]. В зависимости от уровня вовлеченности респондентов в волонтерскую деятельность в 1,5 раза возрастает показатель (число выбранных альтернатив — видов общественной деятельности в поливариантном вопросе), демонстрирующий желание в той или иной форме принять участие в жизни общества. Среди регулярно работающих студентов-волонтеров в два раза больше тех, кто готов принимать активное участие в жизни вуза, города, своего района. Вдвое больше среди них число желающих благоустраивать территории своего проживания, продвигать студенческое самоуправление; в пять раз больше тех, кто готов работать в религиозных общественных организациях. Из числа тех, кто принимал участие в волонтерской деятельности время от времени, эпизодически, практически каждый четвертый присоединился бы к деятельности общественных молодежных организаций, каждый третий из них принял бы участие в сборе средств, вещей для нуждающихся людей. С нашей точки зрения, волонтерская деятельность способствует развитию социальной компетентности обучающихся, необходимость формирования которой подчеркивают отечественные и зарубежные исследователи [3].

В качестве выводов следует отметить, что все выделенные характеристики волонтерства в деятельности студенческой общности способствуют накоплению социокультурного капитала молодых добровольцев, обуславливающего трудовую занятость активной молодежи, влияющего на доходы добровольцев и качество их жизни. Позитивность деятельности, широкая коммуникативная среда, различные навыки, приобретаемые в рамках волонтерской деятельности, в комплексе работают не только на развитие самих студентов, но и оказываются полезными в образовательной среде (совершенствуется образовательная подготовка специалистов) и важными для развития общества (повышается качество человеческого капитала).

Список литературы

1. Гаврилюк В. В, Голиков И. Н. Роль молодежи в инновационном преобразовании России // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 7. – С. 33-35.
2. Максимов А. А., Паных Р. Б., Петровский С. С. Спортивное волонтерство как новый тренд для молодежи // Система ценностей современного общества. – 2015. – № 39. – С. 141-146.
3. Новикова А. А. Формирование социальной компетентности студентов в высшей школе // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2012. – № 4. – С. 78-84.
4. Официальный сайт Министерства экономики Свердловской области. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economy.midural.ru/content/sverdlovskaya-oblast-stala-pobeditelem-konkursa-na-premiyu-aleksandra-rochinka-v-specialnoy>.
5. Попова И. В. Алгебов С. Г. Добровольчество как фундамент гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2013. Т. 19. – № 3. – С. 192-195.
6. Уткин П. Г. Государственная молодежная политика как средство формирования социальной активности молодежи // Социальные и гуманитарные знания. – 2015. Т. 2. – № 2. – С. 140-146.
7. Чередниченко Г. А. Запросы рынка труда и образовательные стратегии молодежи. – М., 2015. – 64 с.
8. Handy F., Cnaan R. A., Hustinx L., Kang C., Brudney J. L., Haski-Leventhal D., Holmes K., Meijs L.C.P.M., Pessi A.B., Ranade B., Yamauchi N., Zrinscak S. A cross-cultural examination of student volunteering: Is it all about résumé building? // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly. – 2010. – № 39 (3). – P. 498-523.
9. Thoits P. A., Hewitt L. N. Volunteer Work and Well-Being // Journal of Health and Social Behavior. – 2001. – № 42. – P. 115-131.
10. Veerasamy C., Sambasivan M., Kumar N. Life Satisfaction Among Healthcare Volunteers in Malaysia: Role of Personality Factors, Volunteering Motives, and Spiritual Capital // Voluntas. – 2014. – № 26(2). – P. 531-552.

Сведения об авторах

Певная Мария Владимировна, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента Б. Н. Ельцина, тел. +78927189210, e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru.

Кузьминчук Анна Александровна, ассистент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента Б. Н. Ельцина, тел. +7(343) 3759572, e-mail: a.a.kuzminchuk@urfu.ru.

Певная М. V., associate professor of the Department of sociology and technologies of state and municipal administration of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, phone: +78927189210, e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru.

Kuzminchuk A. A., assistant of the Department of sociology and technologies of state and municipal administration of Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, phone: +7(343)3759572, e-mail: a.a.kuzminchuk@urfu.ru

УДК 304.2

**СООТНОШЕНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ И ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ НАРОДОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ⁵**
RELATION OF ETHNICAL AND NATIONAL IDENTITY OF THE PEOPLES OF THE
RESPUBLIC ALTAI

О. А. Персидская, С. А. Мадюкова
O. A. Persidskaya, S. A. Madukova

Ключевые слова: общенациональная идентичность; этническая идентичность; народы Республики Алтай; полиэтническая общность; этносоциологическое исследование
Key words: national identity; ethnical identity; the peoples of the Republic Altai; multi-ethnic community; ethno-sociological study

В статье в качестве значимых видов социальной идентичности рассматриваются этническая, региональная, макрорегиональная и общенациональная идентичность. Общенациональная идентичность является фактором консолидации массового сознания вокруг интересов страны. Высокая степень выраженности данного компонента является залогом политической и духовной консолидации и единства национальной общности. Этническая идентичность значима для формирования систем внутренней культуры и ценностных ориентиров личности этнофора. Она реализуется через осознание важности языка и культуры и потребности в их трансляции последующим поколениям. Рассматриваемые виды социальной идентичности не противоречат друг другу в сознании носителей; напротив, их полная актуализация является залогом гармоничного развития полиэтничного общества, что особенно актуально для современной социокультурной действительности Российской Федерации. Анализ данных этносоциологического исследования, проведенного в Республике Алтай методом массового опроса, показал, что все виды этнической идентичности являются у респондентов достаточно выраженными и в целом система рассматриваемых идентичностей сбалансирована. Это позволяет предположить наличие оснований для полноценного развития полиэтнической общности Республики Алтай в рамках единого национального государства.

In the article as significant kinds of social identity the ethnical, regional, macro regional and national identity are reviewed. National identity is a factor of consolidation of mass consciousness around the interests of the country. High degree of expression of this component is a guarantee of political and spiritual consolidation and unity of national commonality. Ethnical identity is significant for formation of systems of inner culture and value guidelines of person of ethnophor. It is implemented through awareness of importance of language and culture and need to transmit them to the subsequent generations. The reviewed kinds of social identity do not contradict to each other in the consciousness of ethnophors, in opposite, their full actualization is a guarantee of harmonious development of multi-ethnic society, what is especially actual for contemporary socio cultural reality of Russian Federation. Analysis of data of ethno-sociologic study, conducted in the Republic Altai by mass interview method, showed, that all kinds of ethnical identity are evident enough in respondents, and in general the system of reviewed identities is balanced. This allows assuming the presence of basis for the full development of a multi-ethnic community of the Republic Altai within the united national state.

Формирование общенациональной российской идентичности является одной из важнейших современных задач внутренней политики России, поскольку отсутствие стратегической самоопределенности и утрата чувства национального самосознания могут привести к неспособности четко формулировать и отстаивать национальные интересы, без решения этих проблем затруднительно обеспечение международной безопасности [1]. На первый взгляд актуализация локальных (этнических) идентичностей противоречит формированию полноценной общенациональной идентичности и оказывает негативное влияние на целостность России, идентичность ее граждан с этим целым. Кроме того, как

⁵ Работа выполнена по проекту «Влияние этнокультурного неотрадиционализма на формирование общенациональной и этнической идентичности» в рамках Комплексной программы СО РАН № II.2.

справедливо отмечают О. Е. Ноянзина, С. Г. Максимова, Г. С. Авдеева, Д. А. Омельченко и Н. П. Гончарова, «в настоящее время сформировались основания институционализации новой позиции российских этносов и республик, образованных на их основании: произошло изменение правового статуса республик в составе РФ, избрание в них президентов, утверждение конституций, подписание федеративного договора и целого ряда двусторонних договоров между субъектами федерации и федеральным центром, принятие законов о языках и об образовании» [2]. Тем не менее, решение задачи разработки и реализации программы формирования гражданской идентичности российской нации «требует учета не только современной социально-политической ситуации и характера межэтнических отношений, но и факторов формирования этнической идентичности культурных групп населения России» [3]. Таким образом, наряду с укреплением общероссийского гражданского единства, значимой задачей реализации внутренней политики страны представляется развитие этнокультурного многообразия народов России. В Конституции Российской Федерации закреплена формула: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, ... сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов» [4]. Кроме того, в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года в явном виде обозначены как задачи укрепления государственного единства и целостности России, так и сохранения этнокультурной самобытности ее народов, «сочетания общегосударственных интересов и интересов народов России, ... активизация всестороннего сотрудничества народов Российской Федерации, развитие их национальных языков и культур» [5].

С целью терминологической определенности отметим, что под идентичностью в самом общем виде мы понимаем осознание личностью своей принадлежности к определенной социальной или личностной позиции. В данной статье мы фокусируем исследовательское внимание на групповых (социальных) формах идентичности.

Социальная идентичность является результатом процесса социальной идентификации, в результате которого личность осознает себя частью той или иной группы. Этот процесс позволяет личности организовывать информацию об окружающем мире. Категоризация групп, сопутствующая процессу социальной идентификации личности, направлена на заострение различий между категориями и их смягчение между элементами внутри одной категории, так для личности формируются группы «своих» и «чужих». В случае категоризации в ту или иную социальную группу члены данной группы стремятся сохранять позитивную социальную идентичность [6]. Идентификация как процесс соотнесения себя с группой и идентичность как результат этого процесса являются необходимыми составляющими социальности человека: так он конструирует свое «я» и встраивается в социум. Осознание личностью своей социальной идентичности обязательно проходит через обращение к себе как к наследнику и носителю определенных черт характера, традиций, ценностей, особенностей культурно-исторического развития той или иной социальной группы. Становление социальной идентичности формирует у личности восприятие себя в составе целого и отражается в особенностях мироощущения, мировоззрения, эмоционального склада, поведения, специфике коммуникативных актов [7].

Сложная система, которую представляют собой разные виды социальных идентичностей личности, отражает ее принадлежность к разным социальным группам. Структура системы социальных идентичностей личности многомерна, но в фокусе данного исследования находятся лишь некоторые ее компоненты: общенациональная (государственная), этническая (включая субэтническую), макрорегиональная (выраженная «сибирским» измерением) и региональная идентичности. Разнообразие перечисленных видов идентичности и сила их выраженности в сознании носителей может стать как основанием для гармоничных взаимоотношений между людьми, так и причиной противоречий и конфликтов на уровне государств, народов, регионов, населенных пунктов. Согласимся с О. Богатовой, что «одна из актуальных проблем современного российского общества, как и других полиэтничных и мультикультурных сообществ, заключается в интеграции различных в этническом и культурном отношении социальных групп при сохранении существующего этнокультурного многообразия и гарантий как коллективных, так и личных культурных и социальных прав» [8].

Каждый из перечисленных видов идентичности прежде всего имеет отношение к общей территории проживания социальной группы, будь эта территория вписана в границы целой страны или муниципального образования. Однако помимо территории каждый из видов идентичности актуализирует в сознании носителя свои специфические ментальные и поведенческие характеристики.

Стоит отметить, что авторы данной статьи рассматривают понятие гражданская идентичность как синонимичное государственной и общенациональной идентичности. Как отмечает Е. А. Кочина, «наиболее распространенная интерпретация термина гражданская идентичность в отечественной социологической литературе рассматривается как осознание собственной причастности к сообществу граждан определенного государства» [9]. Эта точка зрения не является единственной существующей. В частности, А. В. Буханцова и С. В. Кущенко подчеркивают важность различения государственной и гражданской идентичностей, что соотносится с одним из современных пониманий гражданства. «Гражданская идентичность, в отличие от государственной и тем более этнической идентичности, не подразумевает единой культуры, одной ценностной ориентации или мифической национальной территории» [1]. Аналогичного мнения придерживается Л. М. Дробижева [10]. П. В. Григорьев считает, что «гражданская (российская) идентичность — это свободное отождествление человека с российской нацией (народом); включенность человека в общественную, культурную жизнь страны, осознание себя россиянином; ощущение причастности к прошлому, настоящему и будущему российской нации» [11]. Согласимся с позицией М. Т. Шергалиевой, что «понятие гражданская идентичность равнозначно понятию «государственная (национальная) идентичность в тех случаях, когда последнее рассматривается в рамках подхода к нации как к согражданству, общности, организованной по государственно-политическому признаку (Б. Андерсон, А. Смит, Э. Гелленер и др.). В данном подходе категории национальная и гражданская общность совпадают» [12]. В работах Р. Ю. Шиковой содержательно гражданская идентичность представляет собой лояльность населения государству, которая достигается через оформление отношений прав и обязательств между властью и гражданином, эмоциональную привязанность к стране, включает в себя отождествление с гражданами страны, подкрепленную политической и общественной самоорганизацией (язык, ментальность, мира, социокультурные ценности, нормы поведения, солидарность, гордость, обиды и т. п.), то есть это и готовность личности к принятию активного участия в жизни государства [13]. Автор фиксирует значимость соотношения объективной и субъективной составляющих гражданской идентичности, которым определяется степень ее целостности и функциональности для обеспечения социального воспроизводства через осуществление соответствующих социальных практик: в стабильном обществе доминирует объективная составляющая; преобладание субъективной составляющей гражданской идентичности происходит в период радикальных трансформаций социокультурных ценностей и норм в обществе [13]. Таким образом, общенациональная (гражданская) идентичность является фактором, консолидирующим массовое сознание вокруг интересов страны, поэтому высокая степень выраженности данного компонента является залогом политической и духовной консолидации и единства национальной общности [14]. Отметим также, что значимым аспектом гражданской общенациональной идентичности являются мысли и чувства о стране, в которой проживает человек, эмоциональная привязанность, а базовым идентифицирующим механизмом гражданской идентичности является патриотизм, чувство гордости за свою страну [9]. В последние годы ряд исследователей отмечают рост гражданской идентичности через актуализацию процесса идентификации с российской общностью в массовом сознании россиян: «в последнее десятилетие российскими социологами были получены данные, свидетельствующие о том, что эта общность (россияне — авт.) в XXI веке представляет собой уже нечто большее, чем проект. Сознание принадлежности к такому сообществу, как «россияне» стало частью социальной идентичности большинства граждан России» [15]. Стоит отметить также, что «в кросскультурных сравнительных исследованиях гражданская идентичность измеряется ответственностью за дела в стране, готовностью действовать во имя

ее интересов, доверием к окружающим, участием в общественных акциях, проявлениями солидарности» [1].

Говоря об этнической идентичности, стоит отметить, что сам термин «этничность» не столь давно введен в гуманитарный научный дискурс. Считается, что первым его использовал американский социолог Д. Рисман в 1953-м году [16]. Проблемное поле дискурса этничности является достаточно широким и неоднозначным. Как отмечает, например, С. Лурье, «на этничность смотрят то как на способ политического манипулирования с целью захватить или усилить свое влияние, то как на врожденное чувство принадлежности к определенной группе, то как на психологически комфортную идентичность. Исследования этничности иногда определяются как исследования национальных меньшинств и проблем мигрантов, иногда как исследование любых этнических проблем. Прилагательное «этнический» может обозначать «относящийся к этносу», а может — «проживающий в инокультурной среде». Под понятие «этнос» подводится то лингвистическое, то биологическое, то культурное, то политическое основание» [17].

В данной статье мы рассматриваем сам этнос (этническую группу) с позиций, близких сформулированным Ю. В. Бромлеем: этносы характеризуются определенными собственно этническими свойствами (язык, культура, этническое самосознание, закрепленное в самоназвании), эти свойства формируются в соответствующих условиях: территориальных, природных, социально-экономических, государственно-правовых [18]. Соответственно, этническая идентичность реализуется через осознание важности, в первую очередь, языка и культуры, а также потребности в их трансляции последующим поколениям. Часто исследователи подчеркивают важность этнической идентичности для формирования систем внутренней культуры и ценностных ориентиров личности этнофора: «выступая как особый род бытия, этническая идентичность помещает индивида в определенную систему координат, позволяет реализовать себя в своем отношении к бытию как таковому. Она помогает человеку соединиться с другими людьми и избежать одиночества. И в этом единении он может открыть для себя ответы на ряд важнейших вопросов его жизни, в том числе и мировоззренческого характера: вопросы выбора смысла жизни, выяснение своих отношений с иным, самообретения своей целостной личности» [19]. Кроме того, этническая идентичность тесно связана с воспроизводством этничности — сложным, многоуровневым и многосубъектным процессом, для понимания которого, по мнению Л. В. Сагитовой, важно проследить содержание и действие объективных условий (экономика, политика, культура и т. д.) и субъективного фактора (социализация, личностная идентификация, установки и этнические стереотипы) [20].

В полиэтничном обществе именно этническая идентичность выходит на первый план при повышении уровня межэтнической напряженности, и в нестабильной этнокультурной ситуации служит катализатором возникновения быстро вспыхивающих межэтнических конфликтов. В последнее время, как замечает В. А. Тишков, «этнический фактор стал одним из важнейших параметров общественной жизни и приобрел манифестные, а во многих случаях — конфликтные формы» [21]. Работающий на подсознательном уровне «кодификатор» реагирует на иной оттенок кожи, разрез глаз или акцент, тут же присваивая носителю этнических признаков категорию «свой» или «чужой». Так, с точки зрения Э. Хобсбаума, этничность «позволяет дать четкое выражение групповой идентичности, внушить всем членам группы («нам») чувство сплоченности, подчеркивая их отличие от «других» [22]. М. Т. Шергалиева рассматривает этническую идентификацию как социальный процесс, в котором понятия культурных различий заданы социальным контекстом и связаны с процессом стратификации или борьбой за получение ресурсов. «Этническую идентичность можно определить как составную часть социальной идентичности личности, предполагающую осознание личностью своей принадлежности к определенной этнической общности. Этническая идентичность — результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем определенного этноса на основе отождествления с ним и дифференциации от других этносов. Иначе говоря, переживание личностью тождества с одной этнической общностью и отделения от других. Этническая идентичность может носить как положительную, так и отрицательную окраску, то есть позитивная и негативная идентичности» [12]. В социальном плане осознание человеком

своей этнической идентичности может быть выражено в разных формах, во многом зависящих от стабильности этнокультурной ситуации. При низком уровне межэтнической напряженности этническая идентичность чаще всего выражается в форме этнопатриотизма, однако при усложнении ситуации она может принять форму национализма и стать причиной межэтнических и межнациональных конфликтов. Важно также, что чувство этничности бывает обострено у не доминирующих общностей [23].

Основанием макрорегиональной идентичности, проиллюстрированной в данной статье «сибирской» идентичностью, является не только принадлежность к определенной территории. А. А. Анисимова и О. Г. Ечевская отмечают, что к способам интерпретации дефиниции «сибиряки» можно отнести региональную (сибиряки — те, кто родился и долго живет в Сибири), культурно-историческую (сибиряки — коренные, местные жители Сибири), психологическую (сибиряки — особые по складу здоровья, характера и ума люди) и этническую (сибиряки — смесь нескольких этносов, среди которых русские, украинцы, татары и др.) составляющие. Важно, что сибирская компонента идентичности часто проявляется не сама по себе, а в противопоставлении с федеральным центром, олицетворенным в массовом сознании в образе «Москвы»: «нарративы жителей Сибири, полученные в ходе исследования, демонстрируют важность самоидентификации “сибиряк” в контексте осознаваемых различий между европейской Россией, Москвой и “тем, что за Уралом”, — азиатской Россией и Сибирью. Эти различия касаются, прежде всего, отношения центра к сибирской территории, к способам ее освоения, которые часто описываются информантами в терминах отношений между метрополией и колониями» [24].

Регионально-территориальная идентичность, выраженная в принадлежности личности к своей республике, округу или области, отражает моменты, связанные с единством территории, общими чертами социально-экономических условий жизни, некоторыми разделяемыми этнокультурными особенностями, а также элементами рефлексии о региональном политическом процессе. А. А. Алаудинов связывает данный компонент системы идентичностей с понятием «малая родина» и считает, что региональная идентичность является основой формирования местного патриотизма [25]. В то же время, региональная идентичность может быть рассмотрена как инструмент для формирования политики регионализма. Г. С. Денисова предполагает, что «регионализм формируется также и “снизу”, как стратегия территорий, направленная на защиту собственных интересов. И в этом качестве регионализм выступает необходимым условием формирования гражданского общества и федеративного порядка» [26].

Этническое своеобразие народов, населяющих Республику Алтай, специфика природно-географической среды и исторического развития, обусловившие яркость иллюстраций этнической и общенациональной идентичности ее жителей, дает основания для фиксации актуальности исследования соотношения общенациональной и этнической идентичности у группы народов данного региона.

Республика Алтай является полиэтничным субъектом РФ, где на одной территории проживают представители разных этнических групп — русские (56 % населения), алтайцы (32 %) и казахи (6 %): При этом русское население республики в значительной части сформировано потомками староверов, переселенцев и ссыльных. Алтайцев, как правило, делят на северную и южную группы в соответствии с территорией проживания в республике. Алтайцами в настоящее время называют проживающие в южных районах республики «группы алтай-кижи и теленгитов, а также часть северных алтайцев, говорящих на родном языке (диалекте)» [27]. Кроме того, жителями региона являются представители коренных малочисленных народов Севера. КМНС Алтая — теленгиты, тубалары, телеуты, челканцы и кумандинцы — составляют менее 4 % от числа жителей республики. Казахи Республики Алтай «состоят из двух групп: наиболее многочисленных чуйских (Кош-Агачский район) и небольшой группы туратинских (Усть-Канский район), расселившихся в Горном Алтае в конце XIX в. ... Сложившееся этнокультурное своеобразие казахов Горного Алтая, проявляющееся в скотоводческом быту, говоре, изменившемся под влиянием алтайского языка, дает основание назвать их этнической группой “алтайские казахи”» [27]. Полиэтничность региона является фактором актуализации этнических идентичностей его жителей.

В 2014 году в Республике Алтай, а именно в г. Горно-Алтайске, Майминском, Чемальском, Шебалинском и Кош-Агачском районах был проведен массовый социологический опрос; в числе прочих, в инструментарий полевого исследования были заложены вопросы по теме идентичности. Опрос провели сотрудники сектора этносоциальных исследований Института философии и права СО РАН под руководством д. фил. н., проф. Ю. В. Попкова и канд. фил. н. Е. А. Ерохиной. Авторы данной статьи также принимали участие в организации и проведении исследования. Всего было опрошено 416 человек, представляющих разные этнические, возрастные, половые и профессиональные группы.

В инструментарий исследования были заложены несколько уровней идентичности. Помимо этнической и гражданской идентичности, это макрорегиональная (сибирская) и региональная идентичность (выраженная в важности ощущения себя жителем Республики Алтай). Кроме того, в задачи исследования входило выяснение степени актуальности для респондентов таких этноконсолидирующих факторов, как язык и культура, а также некоторых аспектов, связанных с идентификацией через соблюдение традиционной религиозной и этнической обрядности. Так как принято считать, что структура идентичности многомерна и в ней могут быть одновременно выраженными несколько составляющих, респондентам в ходе исследования предлагалось не проводить ранжирование идентичностей или выбирать какую-либо из альтернативных, а отметить важность или не важность ощущения себя россиянином, сибиряком, представителем своей национальности и жителем Республики Алтай.

По результатам анализа данных проведенного массового опроса, все обозначенные аспекты идентичностей оказались значимыми для респондентов, однако существуют некоторые интересные вариации в предпочтениях той или иной идентичности разными этническими группами (таблица).

Важность для респондентов разных видов идентичности, %

	Этнические группы			
	русские	алтайцы	казахи	КМНС
Важно чувствовать себя представителем своего народа	69	96	88	91
Важно чувствовать себя россиянином	92	86	99	88
Важно чувствовать себя сибиряком	78	78	90	81
Важно чувствовать себя жителем Республики Алтай	69	93	95	95

Общенациональная идентичность, выраженная в важности для респондентов ощущения себя россиянином, является у этнических групп Республики Алтай существенно выраженной. Ее важность для себя отметили 92 % русских, 86 % алтайцев, 88 % представителей КМНС и 99 % казахов. При этом если у русских и казахов выраженность актуальности общенациональной идентичности преобладает над этнической (причем у русских преобладает значительно), то для алтайцев и представителей КМНС этническая несколько более преобладает над общенациональной.

Актуальность этнической идентичности опрошенных алтайцев, казахов и представителей КМНС также высока: степень важности ощущения себя представителем своего народа в этих группах около (или даже выше) 90 % . Интересную статистику демонстрируют данные по опрошенным русским: у них самый низкий процент обозначивших важность для себя этнической идентификации. Кроме того, каждый четвертый из опрошенных отвечал, что для него «ощущать себя представителем своего народа» не важно. В то же время, актуальность знания языка и культуры своего народа — фактора, который является основным содержанием этнической идентичности — высока для всех этносов в Республике Алтай. Также высокие показатели у фактора, связанного с актуальностью трансляции языка и культуры последующим поколениям – от 85 до 95 процентам опрошенных важно, чтобы их дети знали язык и культуру своего народа. Таким образом, для алтайцев, казахов и КМНС важно ощущать себя представителем своего народа и столь же необходимо знать и транслировать последующим поколениям язык и культуру своего народа. Но для русского этноса ситуация иная: с одной

стороны, отмечается важность языка и культуры своего народа, но, с другой стороны, самоощущение себя как русского выражено слабее.

С этнической идентичностью алтайцев и представителей КМНС тесно связан специфический феномен двойственной алтайской идентичности. Он заключается в том, что некоторые представители КМНС считают себя также и алтайцами. Не все представители КМНС регистрируют свой статус официально: это связано как с устойчивым ощущением представителями КМНС себя частью алтайского этноса, так и с трудоемкостью процедуры закрепления статуса за носителем. Ее прохождение нередко подвергается общественному осуждению, поскольку подтвержденная принадлежность к коренным малочисленным народам влечет за собой определенные льготы, квоты и пр. Соответственно, часть представителей КМНС, опасаясь общественного порицания в корыстности своих целей, не подтверждает свою принадлежность к данным народам. Как результат, признавая, безусловно, важным сам факт осознания своей этнической принадлежности, респонденты нередко проявляли неуверенность в ее определении в «паспортчике» анкеты, не зная, к кому себя отнести [28].

Кроме этого, часть самих алтайцев считает, что признание статуса коренного малочисленного народа за алтайскими субэтносами ведет к этнической дифференциации и распаду этноса. По мнению местного населения, в этом случае численность титульного этноса сократится и республика лишится статуса субъекта федерации.

Сравнение степеней выраженности макрорегиональной (сибирской) и региональной (республиканской) идентичностей показывает, что для алтайцев, представителей КМНС и казахов идентификация себя как жителя республики выражена сильнее, нежели идентификация как сибиряка. Для опрошенных русских ситуация обратная — большее их число отметило важность для себя сибирской, а не региональной идентичности.

Сравнительный анализ разных видов идентичности показывает, что для большинства опрошенных русских, как уже говорилось, наиболее актуальной является общенациональная идентичность, чуть меньшее их число считают важной сибирскую идентичность и еще меньшее — этническую и региональную. Наибольшее число опрошенных алтайцев отметили важность для себя этнической идентичности, немного меньшее — региональной и общенациональной идентичности. Большинство респондентов среди казахов акцентировали общенациональную идентичность, на втором месте по распространенности находятся региональная и затем прочие виды идентичности. Наконец, большинству опрошенных представителей КМНС Республики Алтай важно чувствовать себя представителями своего народа и жителями республики, немного меньшему их числу важно ощущать себя россиянами и сибиряками.

Как представляется, такой баланс между этнической, общенациональной, макрорегиональной и региональной идентичностью — когда ни одна из них не является ни явно преобладающей, ни недостаточно востребованной по сравнению с другими — является наиболее благоприятным и для отдельной личности, и для общества в целом. Все это позволяет предположить наличие оснований для полноценного развития полиэтнической общности Республики Алтай в рамках единого национального государства.

Таким образом, по нашему мнению, этническая идентичность может достаточно гармонично сосуществовать (и сосуществует) с гражданской идентичностью. Принципиально значимым представляется, что культурно-языковая компонента общественного бытия является основой этнической идентичности. Поэтому при сохранении политического, экономического и правового единства Российской Федерации, при осмысленной политике неслияния этих сфер, этнокультурное многообразие в стране не является фактором угрозы раздробленности страны, но, наоборот, выполняет функцию определенного механизма «распознавания себя» российским сообществом через выбор собственных историко-культурных традиций. В этом смысле укрепление локальных этнических идентичностей может и должно являться фундаментом формирования общероссийской гражданской идентичности. Как представляется, самоидентификация посредством обращения к культурной памяти является для современного российского общества более продуктивной, чем поиски идентичности в мире «западных» ценностей, привносимых глобализацией.

Список литературы

1. Буханцова А. В., Кущенко С. В. Гражданская идентичность как ресурс консолидации общества // Идеи и идеалы. – 2015. – Т. 2. – № 2 (24). – С. 112-117.
2. Ноянзина О. Е., Максимова С. Г., Авдеева Г. С., Омельченко Д. А., Гончарова Н. П. Этническая и гражданская идентичность населения современного региона России // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2015. – № 6 (128). – С. 200-204.
3. Шергалиева М. Т. К методологии проблемы идентичностей: социальная, личная, этническая и гражданская // Система ценностей современного общества. – 2014. – № 33. – С. 100-105.
4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения: 15.05.2016).
5. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (п.2, раздел I Общие положения) // Министерство национальной политики Удмуртской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf (дата обращения: 15.05.2016).
6. Микляева А. В., Румянцева П. В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования. – СПб.: изд-во РГПУ, 2008. – 118 с.
7. Барсукова Е. Н., Романенко И. Б. Социокультурная идентичность и национальный менталитет: урбантопологический подход // Общество. Среда. Развитие. – 2012. – № 4 (25). – С. 193-196.
8. Богатова О. А. Этнорегиональная и национально-гражданская идентификация в структуре социальной идентичности населения Республики Мордовия // Власть. – 2011. – № 5. – С. 110-115.
9. Кочина Е. А. Гражданская идентичность в полиэтничном регионе как элемент национальной идентичности // Инновационная наука. – 2015. – Т. 2. – № 6 (6). – С. 255-257.
10. Дробижина Л. М. Российская идентичность в массовом сознании // Вестник российской нации. – 2009. – № 1. – С. 135-146.
11. Григорьев Д. В. Формирование гражданской идентичности современного школьника // Интернет-конференция «Перспектива гражданско-патриотического воспитания в системе образования». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://proektpatriot2.jimdo.com/гражданская-идентичность/> (Дата обращения 06.06.2016).
12. Шергалиева М. Т. К методологии проблемы идентичностей: социальная, личная, этническая и гражданская // Система ценностей современного общества. – 2014. – № 33. – С. 100-105.
13. Шикова Р. Ю. Гражданская общероссийская идентичность (социологический аспект) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2009. – № 1. – С. 111-116.
14. Санина А. Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. – 2010. – Вып. 4. – С. 281-286.
15. Богатова О. А. Этническая, религиозная и гражданская идентичность в регионе // Регионоведение. – 2009. – № 3. – С. 249-260.
16. Эриксен Т. Х. Что такое этничность?, «Ethnicity and Nationalism», 2002 // Диалог. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dialogs.org.ua/ru/cross/page8768.html> (дата обращения: 15.04.2016).
17. Лурье С. Национализм, этничность, культура // Общественные науки и современность. – 1999. – № 4. – С. 101-111.
18. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 412 с.; Он же. Этнос и этнография. – М., 1973. 320 с.
19. Мухлынкина Ю. В. Социально-философский анализ структуры этнической идентичности // Позиция. Философские проблемы науки и техники. – 2014. – № 8 (8). – С. 87-92.
20. Сагитова Л. В. Этничность в современном Татарстане: Воспроизводство этничности в татарстанском обществе на рубеже 1980-1990-х гг.: (По материалам респ. прессы и этносоциол. исслед.). – Казань, 1998. – 183 с.
21. Тишков А. В. Этничность и национализм в постсоветском пространстве // Региональные проблемы межнациональных отношений в России. – Омск, 1993. – С. 265-277.
22. Хобсбаум Э. Национализм и этничность // Национализм. (Взгляд из-за рубежа). – Реф. сб. / Рос.акад. гос. службы при Президенте РФ и др. М., 1995. – 135 с.
23. Волгогонова О. Д., Татаренко И. В. Этническая идентификация русских, или искушение национализмом // Мир России. – 2001. – № 2. – С. 149-166.
24. Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации: Монография. – Новосибирск: НГУ, 2012. – 176 с.
25. Алаудинов А. А. Региональная идентичность: понятие, содержание и структура // Перспективы науки. – 2014. – № 9 (60). – С. 134-137.
26. Денисова Г. С. Структура региональной идентичности городского и сельского населения Ростовской области // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2010. – № 1 (1). – С. 82-90.

27. Тадина Н. А. Алтайцы, русские, казахи — три этнических образа в этнокультурном взаимодействии в Республике Алтай // Этнография Алтая и сопредельных территорий. Материалы международной научной конференции. Под редакцией Щегловой Т. К. — 2011. — С. 66-71.

28. Чемчиева А. П. Алтайские субэтноты в поисках идентичности. — Новосибирск, 2012. — 254 с.

Сведения об авторах

Персидская Ольга Алексеевна, младший научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru

Мадюкова Светлана Александровна, к. фил. н., научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск, e-mail: sveiv7@mail.ru

Persidskaya O. A., junior researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian branch of RAS, Novosibirsk, e-mail: olga_alekseevna@mail.ru

Madyukova S. A., Candidate of Science in Philosophy, researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian branch of RAS, Novosibirsk, e-mail: sveiv7@mail.ru

УДК 316.477

**ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ ТЮМЕНИ
ON SOCIOLOGICAL RESEARCH OF SOCIAL ACTIVITY YOUTH TYUMEN**

В. В. Юдашкина
V.V. Yudashkina

Ключевые слова: молодежное сообщество; социальная активность; факторы развития
Key words: youth community; social activity; factors of development

Статья посвящена изучению проблемы повышения социальной активности молодежного сообщества. Даются трактовки понятий молодежное сообщество, социальная активность. Анализируются результаты анкетирования и экспертного опроса по исследованию проблем социальной активности молодежи Тюмени. Экспертами выступили представители административных и образовательных структур, а также руководители молодежных организаций. Эксперты предлагают формы и методы активизации молодежи Тюмени.

The article studies the problems of increasing the social activity of the youth community. The interpretations of the concepts youth community, social activity are given. The results of the questionnaire survey and expert poll on research of problems of social activity of youth of Tyumen are analyzed. The experts were the representatives of administrative and educational structures, as well as leaders of youth organizations. Experts suggest the forms and methods of activating the youth of Tyumen.

В настоящее время в научной среде превагирует точка зрения, что технический прогресс не сделал человека счастливее, не решил важных социальных проблем. В центре внимания опять находится человек, социальное сообщество.

«Не земля, не машины и оборудование, а человек — работник — вот главный капитал, ресурс и, значит, главное поле современных инвестиций. Не компьютер, лазер, не техника и экономика, а человек, создающий компьютеры и лазеры, всю экономику и технику — вот подлинный двигатель прогресса нашей эпохи. Общество, вкладывающее деньги в молодежь (в ее обучение, воспитание, быт, культуру, здоровье и т. п.), инвестирует в свой прогресс [1].

Современные общества обращаются к молодежи, осознавая важность развития молодежного сообщества. Это связано с сущностными характеристиками молодежи как важнейшего элемента социальной структуры общества. Молодежь, являясь социальной общностью, обладает характеристиками, которые имеют прямое влияние на социальные процессы и явления. От успешной социализации и самореализации молодежного сообщества

зависит будущее страны, поэтому изучение форм и проявлений, измерение активности молодежных сообществ является актуальным и имеет научное и прикладное значение.

Существуют различные подходы и теории к пониманию и определению молодежи. Культурологические и антропологические теории рассматривают молодежь как часть культуры (концепции М. Мид, Т. Парсонса). Социологически ориентированные теории молодежи рассматривают место и роль молодежи в социальной структуре общества (концепции И. С. Кона, С. Н. Иконниковой, В. Т. Лисовского). Особый интерес вызывает гуманистическая концепция молодежи и молодежной политики И. М. Ильинского, концепция социализационной нормы А. И. Ковалевой, макросоциальный подход М. Н. Руткевича, структурно-функциональная парадигма в трудах М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги, концепция социального развития В. И. Чупрова, рискологическая концепция Ю. А. Зубок.

Проанализировав различные классификации молодежи и молодежных сообществ, мы остановимся на классификации Н. А. Костко и А. А. Попковой, которые разделяют молодежные сообщества по статусным, территориальным, структурно-организационным основаниям, по структурно-функциональной принадлежности, уровню социальной адаптивности, по социальной идентичности и самоопределению молодежи, по форме взаимоотношений со средой и т. д. [2].

Отметим, что отличительное социальное качество каждого нового поколения молодежи — это способность унаследовать, воспроизводить и совершенствовать социальную структуру общества, при этом особое значение придается социальной активности молодежи.

Социальная активность трактуется как осознаваемое, целенаправленное взаимодействие личности и социума. Активность является сложной характеристикой личности, через которую выражается ее отношение к деятельности.

Молодежное сообщество является специфической социальной группой, со своими социально-психологическими особенностями, поэтому социальная активность молодежи может быть охарактеризована по охвату заинтересованности сторон, по целям и характеру, по видам деятельности, по сферам реализации, по виду субъекта, по временным характеристикам. Активность может быть политической, экономической, спортивной, практической, коммуникативной, социальной, творческой и т. д.

Факторы развития молодежного сообщества можно разделить на внутренние и внешние. К внешним факторам относятся экономические, социальные, политические, культурные. Внутренние факторы — это проявление интереса, удовлетворение потребностей, самопознание, саморазвитие.

Индикаторы развития — наличие мотивации, личностный потенциал, образовательная обеспеченность, уровень профессиональной подготовки.

Согласно справочнику предприятий Уральского федерального округа, в Тюмени на данный момент функционируют различные детско-юношеские организации, центры и молодежные объединения, спортивные, танцевальные школы, конные клубы [3].

В ходе данной работы были проанализированы сайты молодежных организаций, молодежных объединений, молодежных проектов [4]. Основные направления работы — это развитие спортивной, творческой, интеллектуальной активности, лидерских качеств, умение создавать проекты. Такие направления как социальная работа с семьей, добровольческое движение, патриотические, профилактические мероприятия представлены меньше, поэтому именно они были проанализированы.

Для популяризации добровольческой деятельности ЦВР «Дзержинец» проводит информационные семинары, тренинги, психологические консультации, сборы волонтерских отрядов по направлениям деятельности. Волонтеры реализуют долгосрочные проекты, направленные на привлечение внимания к проблеме детской инвалидности, а также на социокультурную реабилитацию. Реализуются проекты «Школа гражданского общества», «Лаборатория инициатив», «Молодежная администрация Тюмени», тематические мероприятия «Все в твоих руках!» (по профилактике наркомании), «Похититель рассудка» (по профилактике алкоголизма), «Позволь другому быть другим» (по профилактике интолерантности), «Убереги себя от насилия» (по профилактике жестокого обращения) [5].

На базе ДЮЦ «Фортуна» работает клуб «Семейная гостиная», в котором организуется семейный досуг (праздники, игровые программы, участие в конкурсах), организуются и проводятся лекции и беседы с привлечением узких специалистов (юристов, психологов, педиатров и т. д.), проводятся различные акции, в т. ч. благотворительные. Центр организует физкультурные занятия по месту жительства. Работает школа подготовки вожатых. На базе ДЮЦ «Фортуна» с 2009 года создан волонтерский отряд «БЭМС» из активных воспитанников центра.

Волонтеры работают по следующим направлениям: просветительское (обучающее) — проект «Школа волонтера»; патриотическое — «Сердцем прикоснись к подвигу»; социально-благотворительное — «Дорогою добра»; культурно-досуговое — «Мы вместе разукрасим мир!»; профилактическое — «Молодое поколение выбирает ЗОЖ». Ведется профилактическая работа против табакокурения; профилактика ДТП с участием несовершеннолетних; профилактика жестокого обращения с детьми; профилактика алкоголизма; профилактика наркомании и употребления ПАВ; профилактика интолерантности и экстремизма; профилактика суицида; профилактика СПИДа и ВИЧ-инфекции [6].

Молодежный информационный центр «Моя территория» реализует программы по развитию и самореализации молодых людей, позволяющие наладить тесный контакт с молодежью, привлечь их к активной общественной деятельности, а также формирует лидеров общественного мнения, готовых инициировать идеи и вести за собой команду единомышленников. На данный момент 2 500 участников центра работают над 12 проектами, проводят мастер-классы, неформальные встречи. Центр имеет страницу на сайте «moi-portal.ru» (посещаемость сайта около 4 000 в сутки), собственный сайт-визитка moi-centr.ru с выпуском более 200 новостных публикаций. Проводит работу со СМИ. Кроме этого, реализуется конкурс проектов «Моя идея», в котором молодежные сообщества различных сфер деятельности и интересов (творческие, интеллектуальные, спортивные и др.) формируют банк идей и проектов. Принимаются заявки, организуются и проводятся образовательные программы по вопросам социального проектирования, производится регистрация проектов в онлайн банке идей (idea.moi-portal.ru), онлайн голосования за лучший проект, организация и проведение очной защиты проектов, определение победителей [7].

Конкурс «Лучший староста Тюменской области — 2015», в котором участвуют старосты студенческих групп 8 вузов Тюменской области. Цель данного конкурса — выявление активных неформальных лидеров студенческой среды.

Конкурс на лучший студенческий совет общежитий Тюменской области «Тюменский Кампус», в котором участвуют студенческие советы и актив 20 общежитий Тюменской области с целью формирования позитивной коммуникативной среды в студенческих общежитиях Тюменской области. Организуется образовательная программы для студенческих советов общежитий, разрабатываются проекты по улучшению жизни в общежитиях, очная защита проектов, распределение микрогрантов на их реализацию, реализация проектов и очная защита итогов.

Кроме того, органами городского управления, в рамках патриотического воспитания молодежи в Тюмени, ежегодно реализуются социальные проекты, среди которых: «День призвыника», «Тепло родного дома», направленные на поддержку военнослужащих, призванных с территории города, а также «Весенняя неделя Добра», «Георгиевская ленточка», «Мой подарок ветерану», фестиваль «Виват, Россия!» и др.

С целью включения молодежи в экономические процессы города проводятся мероприятия по поддержке молодежных инициатив. Так, в 2015 было реализовано более 30 молодежных проектов, таких как марафон «Счастливая семья», этнофестиваль «Небо и земля», городской фестиваль свадебно-семейного видео «ПРО семью», городской семейный фестиваль «Планета счастья». В том числе 16 проектов получили грантовую поддержку департамента по спорту и молодежной политике администрации Тюмени. Примером эффективного взаимодействия можно назвать социально-просветительский проект «Открытая школа права», который реализуется при поддержке Тюменского государственного университета, Тюменского отделения Ассоциации юристов России, «Автордио», правового портала «Культура права.рф».

Проект «Молодежная администрация Тюмени», созданный с целью повышения уровня социальной активности молодежи и повышения уровня кадрового потенциала, способствует повышению качества предоставляемых услуг, направленных на поддержку социально-значимых молодежных инициатив.

Но, несмотря на то, что в городе работают различные молодежные центры, реализуется большое количество программ, грантов, согласно отчету о реализации муниципальной программы «Реализация молодежной политики в городе Тюмени на 2015–2019 гг.» за 2015 год выявлены следующие проблемы по работе с молодежью — недостаточное вовлечение в организованные формы досуговой деятельности, недостаточный уровень развития механизмов социальной адаптации молодежи, недостаточно развитая инфраструктура [8].

Были выделены такие проблемы как ограниченные источники финансирования; нехватка квалифицированных специалистов; низкая мотивация сотрудников и молодежи; низкая правовая культура лидеров молодежных общественных объединений; низкая социальная и политическая активность молодежи; работа на общественных началах, недостаточно высокий уровень использования новых информационных технологий при проведении информационно-пропагандистской работы.

Необходимо отметить пассивность, выраженную в полном нежелании проявлять какую-либо социальную позицию на практике, убежденность в ограниченности или полной невозможности влияния молодежи на решения, принимаемые властью. Согласно анализу, очевидна низкая включенность молодежи в жизнь общества. Она проявляется во всех сферах жизнедеятельности молодежи на фоне ухудшения здоровья молодого поколения, роста социальной апатии, снижения экономической активности, криминализации молодежной среды.

Подтверждением данному отчету является проведенное анкетирование молодых людей Тюмени с целью выявить виды социальной активности молодежи, способы проведения досуга.

На данный момент в Тюмени проживает 196 тысяч молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет, 28 % от общей численности населения. Всего было опрошено 405 человек в возрасте от 16 до 30 лет: 6 % в возрасте 16–18 лет; 48 % в возрасте 18–19 лет; 21 % в возрасте 20–21 год; 6 % — 22–23 года; 6 % — 26–27 лет; и почти 9 % респондентов в возрасте 28–30 лет. 64 % опрошиваемых женского пола и 36 % мужского.

Анкетный опрос показал, что в вопросах свободного времени наибольшую социальную активность проявляет молодежь в возрасте 18–19 лет (31 % опрошенных). Самые популярные проекты и мероприятия связаны с творчеством (29 %), научные и социальные проекты набрали соответственно 8 и 7 % . При этом, только 33 % опрошиваемой молодежи хотели бы принять участие в творческих, научных, социальных проектах, 45 % ни разу не принимали участие ни в одном проекте, 23 % опрошенных вообще не хотят участвовать ни в каких проектах и мероприятиях.

Что касается организации досуга, то наиболее популярным оказалось посещение массовых мероприятий (51 %), пребывание дома с семьей (34 %), 20 % занимаются творчеством. 31 % опрошенных в свободное время занимаются спортом.

В различных научных, творческих, социальных проектах и организациях молодые люди участвуют с целью познакомиться с новыми людьми, раскрыть свой творческий потенциал, обеспечить профессиональный рост. Основными формами проявления социальной активности являются участие в различных научных, творческих, социальных проектах.

Данная анкета подтвердила проблему «социального аутсайдерства» тюменской молодежи (23 % респондентов не хотят принимать участие в каких-либо проектах, 45 % не участвовало ни в каких мероприятиях, 51 % не состоит ни в какой общественной организации). Из этого следует, что данные молодые люди не нашли своего места в социальном пространстве города. Также, на основании анкетирования, можно говорить о низкой социальной активности молодежи, о неуверенности в своих силах.

По результатам анкетирования можно сделать вывод, что активность молодежных организаций невысокая, молодежь мало и без желания участвует в общественной жизни. В тоже время, в городе активно работают различные молодежные организации, научные,

творческие объединения, регулярно проводятся спортивные мероприятия, разнообразные фестивали, конкурсы, но процент активности молодежи остается низким.

В связи с этим, в ходе исследования было проведено глубинное интервью с экспертами по работе с молодежью. Было опрошено 15 специалистов по работе с молодежью (проректоры по воспитательной работе ТИУ, ТГУ, директора ДЮЦ, организаторы молодежных проектов, депутаты областной Думы).

Экспертам были заданы следующие вопросы: что они понимают под социальной активностью молодежи; какая социальная активность нужна органам управления; какие молодежные сообщества существуют в Тюмени; какие из этих сообществ наиболее активны/пассивны и почему; что эксперты могут предложить для активизации молодежи.

По мнению экспертов, молодежи нужна активность для самореализации, для признания, коммуникативного опыта, знакомства с нужными людьми, поэтому более популярна среди молодежи творческая и спортивная деятельность, это зрелищно, легче обратить на себя внимание, проявить себя.

Власти молодежь нужна больше и власть приветствует любую социальную активность молодежи, так как привлечение молодежи к полезной деятельности решает проблемы безработицы, занятая молодежь реже вступает в преступные группировки, сохраняется интеллектуальный потенциал общества. Активные молодые люди, участвуя в различных мероприятиях, получают неоценимый опыт работы в коллективе, учатся делать проекты, презентации, выступать перед людьми, получают коммуникативный и организационный опыт. Таким образом, формируется будущий кадровый резерв общества.

Эксперты подтвердили результаты проведенного анализа и анкетирования, согласно которым наиболее развиты и активны спортивные, творческие сообщества, менее развиты добровольческие, социальные, патриотические проекты. Поэтому необходимо само социальное участие в социальных проектах делать престижным, проводить не только конкурсы по выявлению лидеров, но и отмечать добровольцев, тех, кто работает в социальных программах. Было предложено начислять социально активным молодым людям баллы за активное участие и в будущем учитывать эти баллы при приеме в вуз или на работу.

Основной проблемой работы с молодежью эксперты называют отсутствие четкой системы, программы. Решение данной проблемы видится в привлечении к сотрудничеству органов местного самоуправления и различных организаций, выделение дополнительного финансирования за счет участия в грантах, федеральных и региональных программах, рассчитанных на молодежь, поддержка молодежных инициатив.

Необходимо социально интегрировать молодежное сообщество, создавать здоровую социальную среду, вести постоянный диалог с молодежью, воспитывать молодежь. При этом беседа, как форму работы, эксперты признают наименее эффективной, нужно не беседовать, а работать, показывать на личном примере, как нужно действовать. А многие не умеют, не знают как работать. Не хватает специалистов по работе с молодежью, профессионалов, которые бы знали психологию молодых людей, умели работать с молодежным сообществом, при этом идет сокращение ставок данных специалистов в учебных заведениях и центрах дополнительного образования. В органах власти нет осознания важности такой работы. Здесь необходима позитивная направленность, умение поддержать, подсказать, помочь и научить. Привлечь и вовлечь в совместную деятельность. Важно умение выслушать, вести диалог с молодыми людьми.

Предлагается вернуть институт вожатых, проводить психологические курсы, тренинги со специалистами по работе с молодежью или сделать обязательным получение психологического образования для таких специалистов.

Все эксперты отметили, что плохо реализованы формы работы с молодежью, методы работы, используемые технологии управления, что также говорит о неумении или нежелании работать с молодежью.

Для молодежного сообщества важна форма работы, форма подачи мероприятия, проекта. Она должна быть необычной, например, квест, приключение, яркое, запоминающееся событие. При этом, непопулярное мероприятие становится интересным. Такие примеры в Тюмени уже

есть — «Ночь музеев» превратила скучное хождение по музеям в интересное мероприятие, «Тотальный диктант» уже не скучный диктант, а популярное событие, в котором в 2016 году приняло участие 1 500 человек [9]. Участие в параде Победы для многих стало важным личным событием — в акции «Бессмертный полк» в 2016 году приняли участие тысячи горожан (<http://72.ru/text/newsline/145284630040576.html?full=3> — дата обращения — 14.06.2016).

Названа проблема информационной составляющей. Залогом успеха деятельности работы с молодежью может стать информационная и коммуникационная политика, которая должна уметь влиять и воздействовать на молодежную аудиторию, способствуя систематическому продвижению услуг, мероприятий и проектов.

Задача заключается в том, чтобы информировать молодежь о событиях и фактах общественной жизни, развивать контакты между людьми, управлять процессом общения.

Необходима тесная работа со СМИ, радио, телевидением, где будут освещаться важные моменты молодежных инициатив, проектов.

Организаторами и волонтерами создаются и поддерживаются мероприятия — Молодежь Тюмени, Отряды мэра, Молодежная Администрация города, День молодежи, одновременно с этим, информация о всех мероприятиях размещается в социальных сетях Facebook, Твиттер, Вконтакте. Практически все объединения, молодежные инициативы имеют свой сайт или страницу в ВКонтакте.

Обратная связь с молодежью также может стать важным коммуникационным инструментом, она поможет установить непосредственный контакт с молодыми людьми и оперативно реагировать и отвечать на вопросы жителей. Например, в анкетировании многие молодые люди не занимаются спортом, так как в их районе нет спортивных школ, бассейна, получается, нет обратной связи — проблема существует, но не решается.

Таким образом, активизация и развитие молодежного сообщества является залогом развития общества. Исследования в данной работе показали, что необходима хорошо разработанная система работы с молодежью, с четкими целями и задачами. Важное значение имеет обучение и подготовка кадров по работе с молодежью. Необходимо разрабатывать и использовать современные технологии и формы работы с молодежью.

Список литературы

1. Ильинский И. М. Молодежь в процессе развития. К новому пониманию роли молодежи в современном мире [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ilinskiy.ru/publications/stat/molrazv.php (дата обращения: 12.06.2016).
2. Костко Н. А., Попкова А. А. Опыт исследования социальной активности молодежных общественных объединений и молодежных сообществ: монография. – Тюмень: Печатник, 2012 – 119 с.
3. Справочник организаций Тюмени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tumen.spravochnikov.ru> (дата обращения: 14.06.2016).
4. Администрация города Тюмени. Официальный портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tyumen-city.ru/vlast/administration/departaments/uprsport/podvedomstvennie-ucrejdenii/> (дата обращения: 13.06.2016).
5. Департамент по спорту и молодежной политике. Администрации города Тюмени. Центр по внешкольной работе «Дзержинец» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dsimp.ru/dzerzhinets> (дата обращения: 13.06.2016).
6. Департамент по спорту и молодежной политике. Администрации города Тюмени. Детско-юношеский центр «Фортуна» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dsimp.ru/fortuna/sports/144> (дата обращения: 13.06.2016).
7. Моя территория. Региональный проект [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vk.com/moyaterritoriya72> (дата обращения: 13.06.2016).
8. Распоряжение Администрации города Тюмени от 05.11.2014 N 818-рк "Об утверждении муниципальной программы «Реализация молодежной политики в городе Тюмени на 2015–2019 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.tyumen-city.ru/vlast/administration/departaments/departament/napravleniya/municipalyniprogrammi/ (дата обращения: 29.06.2016).
9. Тотальный диктант в Тюмени [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://totaldict.ru/tyumen/> (дата обращения: 13.06.2016).

10. Администрация города Тюмени. Официальный портал. Тюменцам предлагают принять участие в акциях «Бессмертный полк» и «Тюмень тыловая» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tyumen-city.ru/sobitii/yr2016/mn4/am/38808/> (дата обращения: 14.06.2016).

Сведения об авторе

Юдашкина Валентина Владимировна, Тюменский индустриальный университет, ассистент, тел. 89612031186, e-mail: brentano@yandex.ru

Yudashkina V. V., assistant, Industrial University of Tyumen, phone: 89612031186, e-mail: brentano@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 316.733

ВЫЗОВЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ CHALLENGES OF GLOBALIZATION AND INTERNATIONALIZATION OF EDUCATION

Н. Ю. Гаврилова, Л. А. Габитова
N. Yu. Gavrilova, L. A. Gabitova

Ключевые слова: глобализация, интернационализация; система образования; высшее образование
Key words: globalization; internationalization; education system; higher education

В статье рассматриваются проблемы трансформации российского высшего образования в условиях процессов глобализации, одним из результатов которой является интернационализация. Определены содержание интернационализации, ее цели и стратегии в системе высшего образования, а также формы международного сотрудничества в этой сфере культуры.

The article discusses the problems of the higher education's transformation in Russia. The globalization results to the internationalization of this sphere. The internationalization's goals and strategies were determined in higher education system, as well as the forms of international cooperation in the sphere of culture.

Современное социокультурное развитие России характеризуется проявлением двух противоречивых тенденций: с одной стороны, стремлением «включиться» в процессы глобализации, с другой стороны, на уровне государственной политики акцентируется внимание на необходимости укрепления российского самосознания.

Являясь неотъемлемой частью всемирной, культура Руси — России на различных этапах ее социокультурного развития усваивала, заимствовала, поглощала новые тенденции, во многом сохраняя свою самобытность. Современное состояние российского общества и культуры скорее напоминает поиск новой идентичности, поскольку характерной чертой «новой реальности» становится глобализация.

Под глобализацией понимается процесс все возрастающего воздействия различных факторов международного значения (например, тесных экономических и политических связей, культурного и информационного обмена) на социальную действительность в отдельных странах [1]. Таким образом, глобализация — это процесс международной интеграции, который затрагивает все сферы общественной жизни, в том числе духовную.

Термины «глобализм», «глобализация» достаточно широко используются в литературе политологами и историками, культурологами и социологами. Известный российский социолог В. К. Левашов, разграничивая данные понятия, отмечал, что «глобализация характеризует объективные изменения в мире, которые происходят вне нас», а глобализм характеризует изменения, происходящие в субъективной сфере» [2]. Если сущностной характеристикой глобализации в условиях информационного общества стал усиливающийся процесс взаимодействия различных культур, то глобализм как форма общественного сознания, отражающая объективный процесс глобализации, показывает: стремление людей к коллективному стилю мышления, тенденцию идентификации с мировой цивилизацией, рост мультикультурного сознания [3].

Среди видных идеологов теории «глобализма» был американский советолог и социолог З. Бжезинский. По его мнению, одним из проявлений «новой эры в отношениях между людьми» станет «использование растущих возможностей науки для улучшения, переделки и создания

новой личности» [4]. Отечественный исследователь А. С. Панарин в своей монографии «Искушение глобализмом», пытаясь оценивать «новации глобализма с субъективной стороны, касающейся культурных, нравственных... устоев нашей цивилизации», видит «скрыто-интимную сторону» глобализации «в позиции последовательного отстранения от всех местных интересов, норм и традиций» [5]. Эта небесспорная точка зрения, равно как и утверждения ученого о некоем «тайном интернационале» со своей корпоративной этикой, ничего общего не имеющей с гражданской этикой, заслуживает внимания, поскольку А. С. Панарин акцентирует свою позицию на дилемме инноваций и традиций в условиях процессов глобализации в сфере культуры.

Рассматривая глобализацию, как необратимый процесс, затрагивающий не только экономику, но и социально-культурную сферу, екатеринбургский исследователь Н. Кириллова утверждает, что глобализация при всех ее противоречиях «как бы повторяет на новом витке эпоху «осевого времени» (термин К. Ясперса), обозначившую начало собственно цивилизованного бытия, проявившую универсальный смысл истории» [6]. Словосочетание «эпоха глобализации», по ее мнению, выступает синонимом таких понятий, как «постиндустриальная эпоха», «информационная эпоха», «эпоха постмодернизма».

Под воздействием процессов глобализации трансформации подвергается важнейшая составляющая духовной культуры — система высшего образования. В связи с тем, что в современном мире происходят масштабные изменения в области политики, экономики, производства, знания становятся ценным «товаром». Главным вызовом глобализации является то, что традиционная система высшего образования не в полной мере соответствует требованиям общества к получаемым знаниям. В этих условиях перед высшим образованием встают цели, связанные с подготовкой профессиональных кадров, способных эффективно работать в изменяющейся среде глобального рынка.

Соответствующие преобразования коснулись и системы высшего образования России. Отечественная система образования всегда являлась важным фактором сохранения места России в ряду ведущих стран Европы и мира, ее международного престижа как страны, обладающей высоким уровнем культуры, науки, образования. Стремление к сохранению статуса в условиях «новой реальности» легло в основу принятой Министерством образования «Концепции модернизации российского образования» (2002 г.). Главной задачей модернизации российского образования в Концепции провозглашается обеспечение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. В Концепции определена цель модернизации, которая состоит в создании механизма устойчивого развития системы образования [7].

Последующий этап реформирования отечественной системы образования, связанный с присоединением России к Болонской конвенции ставит под сомнение тезис о «создании устойчивого механизма» ее развития, поскольку во многом означает отказ от традиций в развитии российского образования. Россия присоединилась к Болонскому процессу в сентябре 2003 года на берлинской встрече министров образования европейских стран [8]. Одним из главных аргументов присоединения России к Болонскому процессу послужило утверждение о том, что традиционная «советская» система образования устарела, необходимы качественные изменения для того, чтобы Россия могла подняться на одну ступень с европейскими и развитыми странами мира.

Необходимость реформирования системы российского образования обосновывалась и тем, что выпускникам сложнее продолжать обучение и устраиваться на работу по специальности за рубежом [9].

Присоединение России к Болонскому процессу до сих пор является спорным вопросом. По сей день не утихают споры о правильности включения в этот процесс и дискуссии на тему положительных и отрицательных сторон Болонской конвенции. Противники присоединения утверждают, что мы разрушаем традиционную систему образования в угоду чуждой нам системы европейского образовательного пространства. Сторонники же приводят доводы о гибкости и мобильности такой системы, утверждая, что результатом такого присоединения

станет формирование общеевропейского пространства высшего образования, а это значит, что российские студенты, окончившие ступени бакалавриата и магистратуры, станут подготовленными к меняющимся запросам современного рынка труда.

Одним из проявлений глобализации в системе образования является его интернационализация. Это понятие используется некоторыми исследователями для характеристики глобализации, которую рассматривают, как процесс интернационализации различных областей жизни: экономической, технологической, культурной, торговой и т. п. В этих условиях интернационализация образования — это важная составляющая развития глобальных процессов, в которых участвуют не только различные учебные заведения, но и целые государства [10]. Интернационализацию образования на национальном, секторальном и институциональном уровне принято понимать, как процесс, при котором цели, функции и организация предоставления образовательных услуг приобретает международное измерение [11].

В интернационализацию включаются в последние годы не только отдельные университеты, но и страны, поскольку результатами таких преобразований могут стать серьезные изменения всей системы образования страны, которая желает быть конкурентоспособной на мировом рынке. Понятие «интернационализация образования» возникло относительно недавно, в прошлом столетии, но стало характерной чертой интеграционных процессов, происходящих в мире.

Можно сказать, что интернационализация образования — это процесс, суть которого заключается в активном введении международного компонента во все функциональные сферы вуза. То есть он затрагивает не только учебную деятельность, но и исследовательскую, и административную [12].

Интернационализация образования преследует разные цели, а именно: диверсификацию и рост финансовых поступлений через привлечение иностранных студентов на платное обучение; расширение учебных планов и обучение своих студентов в зарубежных вузах-партнерах; повышение качества образования и исследований за счет участия студентов и преподавателей в международном процессе обмена знаниями и др. [13].

Интернационализация образования предполагает следующие формы международного сотрудничества:

- индивидуальную мобильность, мобильность студентов или профессорско-преподавательского состава в образовательных целях;
- мобильность образовательных программ и институциональная мобильность, формирование новых международных стандартов образовательных программ;
- интеграция в учебные программы международного измерения и образовательных стандартов;
- институциональное партнерство: создание стратегических образовательных альянсов [14].

Таким образом, интернационализация образования позволяет сформировать новые стандарты образовательных программ, интегрировать в учебные процессы международного уровня, трансформировать традиционные взгляды на систему образования, тем самым более выгодно использовать свои ресурсы.

Выделяют четыре стратегии интернационализации высшего образования:

- согласованный подход, который опирается на долгосрочные политические, культурные, академические цели развития страны;
- стратегия привлечения квалифицированной рабочей силы; направлена на привлечение избранных иностранных специалистов и талантливых студентов к работе в принимающей стране, как средство обеспечения экономического развития и повышения конкурентоспособности страны в экономике знаний;
- стратегия получения дохода; базируется на согласованном подходе и на стратегии привлечения квалифицированной рабочей силы, но образовательные услуги предлагаются полностью на платной основе;
- стратегия расширения возможностей, поощряет получение высшего образования за рубежом или в вузах-поставщиках иностранных образовательных услуг [15].

Согласно выработанным стратегиям, интернационализация образования, по мнению ее сторонников, направлена на создание новых возможностей обучения, формирование и внедрение инновационных способов взаимодействия в системе высшего образования, что способствует повышению качества образования.

Интернационализация образования является одним из компонентов развития глобальных процессов и благодаря этому становится важным инструментом, побуждающим к достижению таких целей, как возможность выбирать вузы, как на внутреннем, так и на международном уровне; возможность проведения и развития международных исследовательских программ; выбор и использования лучшего мирового опыта.

Вместе с тем в условиях интернационализации образования трансформации в значительной мере подвергаются не только технологии процесса обучения, но и его содержание. Доминирование в системе российского образования западных технологий, западной системы ценностей (преимущественно североамериканских) актуализирует проблему их взаимодействия с национальными традициями и системой ценностей. Убедительной, на наш взгляд, является позиция В. К. Левашова, высказанная ученым-социологом в монографии «Социополитическая динамика. Опыт социологического исследования» (2003 г.). Основой образовательного процесса, по его мнению, «должна стать концепция о развитии мира как единого целого. Новая национальная система образования призвана обеспечить историческую преемственность ценностей и духовных идеалов поколений, распространение и развитие национальной культуры, воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России» [16].

Рассматривая интернационализацию в системе высшего образования как объективный процесс, как своеобразный вызов глобализации вряд ли стоит абсолютизировать преимущества этого явления по сравнению с традиционной системой отечественного образования. Основа успешного развития образования России в условиях процессов глобализации связана с разумным сочетанием традиций и инноваций.

Список литературы

1. Российская социологическая энциклопедия. – М.: Изд. гр. НОРМА-ИНФРА, 1998. – С. 95.
2. Левашов В.К. Социополитическая динамика. Опыт социологического исследования. – М.: РИНЦ ИСПИ РАН, 2003. – С. 101.
3. Там же. – С. 101, 103.
4. Бжезинский З. Соединенные штаты превыше всего // Независимая газета. – 1999. – 24 ноября.
5. Панарин А. С. Искушение глобализмом. – М, 2000. – С. 5-6.
6. Кириллова Н. Б. Медиа-культура: от модерна к постмодерну. – М.: Акад. Проект, 2006. – С. 344.
7. Специализированный образовательный портал «Инновации в образовании» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sinncom.ru/content/reforma/index.htm>
8. Там же.
9. Вахрушева Е. В., Крапивина К. Н. Изменения в системе национального Российского образования // Молодой ученый. – 2013. – № 1. – С. 326-328.
10. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/193211/internatsionalizatsiya-obrazovaniya---eto-instrumentyi-upravleniya-protsessom-internatsionalizatsii-v-obrazovanii>
11. Knight J. Updating the Definition of Internationalization // International Higher Education. The Boston College Center for International Higher Education. 2003. № 33.
12. Зуева В. К. Интернационализация образования это... Инструменты управления процессом интернационализации в образовании [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://fb.ru/article/193211/internatsionalizatsiya-obrazovaniya---eto-instrumentyi-upravleniya-protsessom-internatsionalizatsii-v-obrazovanii#image818966>
13. Сагинова О. В. Проблемы и перспективы интернационализации высшего образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/problemy-i-perspektivy-internatsionalizatsii-vysshego-obrazovaniya>
14. Ларионова М. В., Горбунова Е. М. Интернационализация высшего образования в странах ОЭСР/ Актуальные вопросы развития образования в странах ОЭСР/ Отв. ред. М. В. Ларионова. – М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. – 152 с.
15. Источник: OECD. Internationalisation and Trade in Higher Education: Opportunities and Challenges. – 2004.
16. Левашов В. К. Указ.соч. – С. 196.

Гаврилова Надежда Юрьевна, д. ист. н., доцент, профессор кафедры гуманитарных наук Тюменского индустриального университета, тел. 8922477506, e-mail: nygavrilova@mail.ru

Габитова Лязат Абаевна, магистрант кафедры социологии, переводчик кафедры иностранных языков Тюменского индустриального университета, тел. 89129259660, e-mail: ala.84@mail.ru

Gavrilova N. Yu., Doctor of Historical Sciences, associate professor, professor of Department of Human Sciences, Industrial University of Tyumen, phone: 8922477506, e-mail: nygavrilova@mail.ru

Gabitova L. A., Master student of Department of Sociology, translator of Foreign Languages Department, Industrial University of Tyumen, тел. 89129259660, e-mail: ala.84@mail.ru

УДК 378.01

ПРАКТИЧЕСКОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК СПОСОБ ПОЛУЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ PRACTICAL EDUCATING AS METHOD OF RECEIPT OF BASIC PROFESSIONAL COMPETENCES

Р. В. Ищенко, Д. А. Костырева
R. V. Ishchenko, D. A. Kostyрева

Ключевые слова: практика; практическое обучение; практико-ориентированный подход; современное образование
Key words: practice; practical educating; practice is the oriented approach; modern education

В данной статье рассмотрены основные проблемы теоретического усвоения материала, при осуществлении подготовки кадров в высших учебных заведениях России. В связи с расширением информационного пространства, формируется новый формат сознания современного человека. В условиях трансформации основных сфер связанных с человеческой деятельностью необходимо менять систему подготовки кадров. Основой решения проблемы была выдвинута гипотеза о внедрении практико-ориентированного образования в вузы. Определена система и способы подачи материала, при котором процесс обучения становится более продуктивен.

In this article there are basic problems of theoretical assimilation of the material, in the implementation of training of personnel in higher educational institutions of Russia. In connection with the expansion of the information space, a new format of the consciousness of modern man is forming. In the context of the transformation of the main areas related to human activity is necessary to change the training system. The basis of solving problem a hypothesis of practice-oriented education in the universities has been put forward. Were determined the system and methods of presentation of material in which the learning process is becoming more productive.

Начало двадцать первого века ознаменовалось как рождение новой эры развития человечества в различных областях его жизни. Трансформации подверглись не просто основные сферы жизнедеятельности человечества, а целые пласты общества. Изменению способствовали развитие и резкий рост коммуникационных технологий. Прогресс систем социального объединения при содействии социальных сетей. Открытые источники мировой информации. Все это привело к различным как позитивным, так и негативным последствиям развития культурного общества в России. Современные технологии с учетом развития мировой цивилизации практически стерли информационные границы стран. Уровень доступности информации за несколько лет вырос более чем в тысячи раз. Учитывая данную доступность и обилие информационных потоков, приходящих в сознание человека ежедневно, человеческий мозг начал просто абстрагироваться от ненужной информации. Более того мозг начинает процесс ограничения запоминания информации. К примеру, еще 10 лет назад в телефонном справочнике среднестатистического человека находилось около сотни записей, из которых как минимум 20 человек мог рассказать наизусть. На данный момент в обычном коммуникаторе

жителя средней полосы России содержаться более 300 контактов, 5 из которых он сможет назвать, остальные же остаются только в памяти коммуникатора.

Развитие повлияло на создание сознанием некоего клипового восприятия информации. Яркость и броскость информации, трендовость темы и главное ограничено порционным потреблением. Частично загруженная информация воспринимается довольно легко, и в случае если данная информация заинтересовала оппонента, тогда можно приступать к следующей порции. Клиповость и порционность информации являются предельно ясной картиной восприятия человеческого продукта. Учитывая современные тенденции развития общества, а также образ восприятия информации, имеет смысл пересмотреть систему образования, поскольку методы, применяемые в моменты становления Российского общества, не просто имеют устаревший характер, они как минимум неэффективны. Современная модель образования принципиально несостоятельна, поскольку построена на создании узконаправленного специалиста, с ограниченным набором знаний и отсутствием практических наработок. Образовательные программы высших учебных заведений состоят на 30 % практического освоения материала и 70 % освоения теоретических знаний. Проведенные в США в 1980 году исследования установили модель зависимости усвоения материала в зависимости от различных методов обучения. Результат предоставлен в виде «Пирамиды знаний» (рисунок) [2].

Рисунок. Пирамида знаний

Согласно данным исследования закрепление информации, полученной в результате лекционного обучения на 70 % ниже, чем выполнения практического задания после усвоения теоретического материала и на 85 % ниже, чем незамедлительное применение теоретического курса на практических занятиях. Процесс обучения человека невозможен без применения практических навыков «этапы обучения, дающие подлинное мастерство в какой-либо деятельности, достигаются именно таким путем — в процессе выполнения деятельности: лишь реально исследуя в ходе работы, выполняемой не только в учебных целях, а с тем, чтобы разрешить определенную проблему, человек овладевает подлинным мастерством исследования» [1]. Практикоориентированный подход в обучении является основным решением задач, которые ставят перед собой современные вузы России:

- сокращение затрат на реализацию образовательных программ;
- оптимизация рабочего времени профессорско-преподавательского состава;
- повышение качества подготовки выпускников;
- укрепление партнерских отношений с предприятиями в работе по трудоустройству выпускников;

- повышения активности студентов в области НИОКР;
- увеличение рейтинга вуза сред абитуриентов.

Практико-ориентированный подход в обучении появился впервые в России в вузах, обучающих по творческим специальностям. В связи с тем, что овладение мастерства изобразительного искусства, или же актерского мастерства основано на практических занятиях в большей степени, нежели теоретического освоения материала. Простым языком говоря: «художник не научится рисовать, не пробуя и не оттачивая мастерство день за днем», так же и актер, имея все способности, не сможет развивать свои умения, не применяя теоретические знания на практике. Позже практикоориентированное обучение перешло в ссузы, что вполне обоснованно, поскольку получение первичных навыков рабочих профессий, также построено на практическом применении знаний. Долгие годы основным убеждением существовало мнение о минимальной практической подготовке специалистов в учреждениях высшего образования, потому что для освоения профессии и получения первичных навыков основой была теоретическая часть. В результате страна была перенасыщена кадрами с наличием высшего образования, при полном отсутствии практико-ориентированных специалистов.[3] Буквально все сферы жизнедеятельности нуждались в работниках имеющих практический опыт, а фраза «забудьте все, чему вас учили прежде...» стала отнюдь не частью юмористического скетча, а больше похожа на отражение действительности.

Сегодня все больше работодателей отдают предпочтение выпускникам образовательных учреждений, которые имеют хорошую материально-техническую базу для прохождения практического обучения, современные тренажеры для моделирования рабочих производственных этапов. Более того осознавая, что проще вложить средства в учреждение и получить «готового» специалиста с необходимым набором компетенций для своего производства, чем принять на работу сотрудника, которого впоследствии необходимо будет обучать, корпорации все чаще создают на базе вуза собственные практические классы, и практико-моделирующие установки. Тем самым вкладывая свои средства в подготовку кадров, имеющих практические навыки профессии.

Вопрос о применении методики практико-ориентированного подхода на направлениях обучения в высших учебных заведениях до сих пор остается открытым. Идея практико-ориентированного образования стала внедряться в систему общего образования уже достаточно давно, например, Постановление Правительства РФ от 9 июня 2003 г. N 334 «О проведении эксперимента по введению профильного обучения учащихся в общеобразовательных учреждениях, реализующих программы среднего (полного) общего образования» [4]. При этом все чаще можно наблюдать, как вузы прибегают к попыткам ввести практико-ориентированный подход, увеличивая нагрузку практического обучения и сокращая теоретическую часть. Мнение о том, что теория должна поддерживаться практикой, начинает устаревать, взамен идет новое движение в организации учебного процесса — практика должна быть подкреплена теоретическими знаниями. Безусловно, непосредственное практическое обучение на производстве, связанное с приобретением ключевых профессиональных компетенций, способствует закреплению материала, полученного при теоретическом обучении. При этом в соответствии с требованием федерального государственного образовательного стандарта, обучение на производстве повышает уровень основных знаний умений и навыков, необходимых для эффективного осуществления профессиональной деятельности и способствует формированию целостного профессионального мышления.

Список литературы

1. Приказ Минобрнауки РФ от 19 декабря 2013г. № 1367 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» п. 21, п. 22.
2. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2009. – 508 с.
3. Методы обучения и пирамида Дейла [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nitforyou.com/index.php/2016/10/13/metodped/>
4. Кларин М. В. Инновации в обучении: Метафоры и модели: Анализ зарубеж. опыта. – М.: Наука, 2005. – 223 с
5. Информационно правовой ресурс Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>

6. Белоножко М. Л., Шафорост П. С. Студенческое самоуправление как социально-практическая среда развития обучающихся // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2015. – № 4. – С. 91-95.

7. Белоножко М. Л., Силин А. Н., Фролов С. Ю. Качество образования удовлетворенность процессом в вузах нефтегазового профиля // Управление. – 2015. – № 4.

Сведения об авторах

Ищенко Роман Викторович, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, тел. 89222621209, e-mail: ishhenkorv@mail.ru

Костырева Дарья Александровна, прикрепленное лицо для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук, Тюменский индустриальный университет, тел. 89323228699, e-mail: kostyreva_da@mail.ru

Ishchenko R. V., Graduate student of of the Department of Marketing and Municipal Government, Tyumen Industrial University, phone: 89222621209, e-mail: ishhenkorv@mail.ru

Kostyreva D. A., attached person to prepare a thesis for PhD degree, Tyumen Industrial University, phone: 89323228699, e-mail: kostyreva_da@mail.ru

УДК 316

ДИНАМИЧНОСТЬ КАК СУЩНОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА СТУДЕНТОВ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ DYNAMISM AS INTRINSIC CHARACTERISTIC OF THE SOCIAL STATUS OF STUDENTS OF THE MOSCOW HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

М. С. Короткова
M. S. Korotkova

Ключевые слова: студенчество; социальный статус студенчества; студенты московских вузов; динамичность социального статуса; динамика; динамизм; переходность; мобильность; транзипция; развитие
Key words: studenthood; social status of the studenthood; the students of Moscow higher education institutions; dynamism of the social status; dynamics; dynamism; transitivity; mobility; transition; development

По результатам эмпирического исследования социального статуса студентов московских вузов в статье анализируется одна из его характеристик — динамичность, проявляющаяся в системе переходов, свойственных социальному статусу студентов. В субъективных оценках респондентов рассматриваются проявления динамичности в учебе, подработке, внеучебной и досуговой деятельности студентов. При первом же переходе, выраженном в поступлении в университет и обретении социального статуса студента, имманентно заложена динамичность, свойственная студенчеству как большой социально-групповой общности. Установлено, что динамичность как объективная характеристика социального статуса студенчества предопределена ритмом образовательной деятельности: на протяжении 4-6,5 лет, от курса к курсу подтверждается социальный статус и вместе с этим движением проявляется динамичность. Дальнейшее проявление динамичности требует от носителей социального статуса дополнительной мотивации, интеллектуальных, временных, физических ресурсов, что свойственно не всем студентам. Только третья часть респондентов совмещает работу с учебой, треть иногда задействована во внеучебной деятельности, половина студентов получают стипендию, треть опрошенных выбирают активные способы решения проблем, более половины студентов ориентированы на домашнюю форму досуговой деятельности (чтение книг, прослушивание музыки, сон). Анализируются причины, по которым динамичность не может быть свойственна всей совокупности студентов.

By results of an empirical research of the social status of students of the Moscow higher education institutions in the article one of its' characteristics — the dynamism, appearing as a system of the transitions, peculiar to the social status of students, is analyzed. In subjective assessments of respondents the manifestations of dynamism in a study, a part-time job, an extracurricular and leisure activities of students are considered. Upon the first transition, expressed in admission to the University and acquisition of the social status of student, dynamism is immanently incorporated, as inherent to student hood is a large social group of community. It was found, that dynamism as an objective characteristic of the social status of the student hood is predetermined by the rhythm of educational activity: for 4-6.5 years, from academic year to academic year the social status is confirmed and together with this movement the dynamisms hows. A further manifestation of dynamism requires from the bearers of social status the extra motivation, intellectual, time, physical resources, which is peculiar not to

all students. Only a third part of respondents combine work with study, one-third are sometimes involved in extracurricular activities, half of the students receive a stipend, a third of respondents choose active ways of solving problems, more than half of the students are oriented towards at home form of leisure activities (reading books, listening to music, sleep). The reasons, for which the dynamism can't be peculiar to the totality of the students, are analyzed.

Изменения, происходящие в современном обществе, связаны с ускорением во всех сферах жизнедеятельности. Они проявляются в растущем динамизме общественных взаимодействий, увеличении информационной нагрузки, расширении ответственности индивидов, снижении предсказуемости изменяющихся жизненных ситуаций.

В социально-профессиональной сфере динамизм выражен в способности выполнять несколько видов деятельности, быстро включаться, адаптироваться к новой ситуации и, как итог, выдавать соответствующие высоким ожиданиям результаты, что требует увеличения психологических, физических, интеллектуальных ресурсов человека. Изменяется динамика, нарастает темп социальной жизни, требующий от его участников постоянного движения, мобильности, развития.

Исходным для понимания является термин «динамика» (от греч. dynamikos — обладающий силой), в социологическом смысле обозначающий развитие, изменение какого-либо явления под влиянием действующих на него сил, противопоставляемое состоянию относительного равновесия.

Динамичность как характеристика социального статуса человека представляет собой целесообразное изменение и преобразование его статуса в экономической, политической, социальной и духовной сферах деятельности. Динамичность неразрывно связана с интенсивной социальной мобильностью: предполагает перемещение статуса в социальном пространстве по восходящей, позитивной траектории — получение образования, профессии, должности.

Динамичность в большей степени присуща молодежному возрасту. Энергия, физическая выносливость, подвижность, свойственная молодому организму, затрачивается на поиск своего места в социальном пространстве, становление социальной позиции, обретение индивидуальности.

Позиция становящегося субъекта общественного воспроизводства вовлекает молодых людей в систему различных переходов в психофизическом и социальном смыслах во взрослое состояние, называемых социологами транзицией [1].

Так, в процессе обретения социально-значимой позиции реализуется одна из главных характеристик социального статуса молодежи — динамичность, то есть интенсивное движение в процессе сменяющих друг друга переходов: от учебы к труду, от преимущественного свойства быть объектом социального воздействия к формирующемуся свойству быть субъектом собственного развития, от младшей возрастной группы молодежи к старшей [2].

В широком смысле этот процесс означает обретение молодыми людьми социальной субъектности, завершающейся обретением социальной зрелости, экономической самостоятельности, преодолением маргинальности социального статуса, то есть успешной интеграцией в социально-экономическую и профессиональную структуру общества.

Все переходы, свойственные социальному статусу молодежи, ограничены во времени, носят интенсивный, динамичный характер, что обязывает молодежь за относительно небольшой промежуток времени преодолеть промежуточность и неустойчивость своего социального положения.

Студенчество — как особая социально-демографическая групповая общность молодежи, выбравшая образование в качестве основного канала восходящей мобильности, реализует в нем свой главный статус — учащегося. Студенчество является той самой уникальной большой социальной группой, статусу которой, динамичность, ограниченность во времени, неустойчивость, неполнота присущи имманентно. В рамках выбранного социального института образования перечисленные характеристики проявляются в множественности переходов, рассмотренных ниже.

Процесс получения высшего образования для большинства студентов дневной формы отделения приходится на юношеский возраст, где начальная его стадия протекает в младшей

возрастной группе молодежи, а завершается — в старшей. Во время этого возрастного перехода происходит физическое развитие молодого организма, перестройка его сознания, выбор собственной социальной ниши, усвоение группы определенных правил, интериоризация и адаптация их к внешнему миру. Неизменно на этом этапе происходит перелом, критичность, двойственность, свойственная движению от социального статуса ребенка к статусу взрослого.

Особенности проявления динамичности социального статуса были изучены нами в группе студентов 11 московских вузов. С января по март 2014 г. автором статьи совместно с научным руководителем — доктором социологических наук, профессором Селиверстовой Н. А. было проведено эмпирическое исследование. Объем выборочной совокупности составил 1 633 чел. Выборку составили студенты дневного отделения следующих вузов Москвы:

- Московский гуманитарный университет (МосГУ)
- Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (НИЯУ МИФИ)
- Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (МГМУ им. И. М. Сеченова)
- Московский государственный медико-стоматологический университет имени А. Е. Евдокимова (МГМСУ им. А. Е. Евдокимова)
- Московский университет МВД России (МосУ МВД)
- Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (РЭУ им. Г. В. Плеханова)
- Национальный исследовательский университет Московский энергетический институт (НИУ МЭИ)
- Российская академия правосудия (РАП)
- Московский педагогический государственный университет (МПГУ)
- Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана (МГТУ им. Н. Э. Баумана)
- Московский государственный технический университет радиотехники, электроники и автоматики (МГТУ МИРЭА).

В исследовании приняли участие студенты 10 государственных и 1 негосударственного вуза, из них на бюджетной основе обучаются 71,5 % (1 116 студентов), на платной — 28,3 % (442 студента), среди платников 17 % (291 студент) — студенты государственного вуза.

Анализ географии мест рождений респондентов показал, что москвичи составили только треть опрошенных студентов (33 %), 42 % учащихся московских вузов — приезжие из других городов и областей России, Подмосквья (16 %), СНГ — 6,2 %, других стран — 1,5 % .

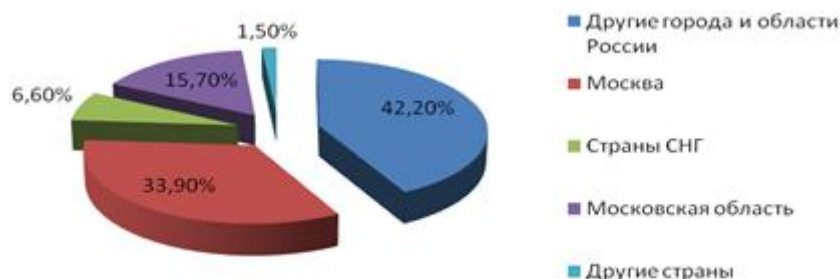

Рис.1. География мест рождений респондентов

Динамичность социального статуса студента для этой категории респондентов проявилась в перемещении их социальной позиции сразу по двум векторам социальной мобильности: горизонтальному (переезд из родительского дома в московское общежитие) и вертикальному (обретение статуса студента вуза посредством преодоления условий поступления).

Социальный статус бакалавра/специалиста целенаправленно достигается студентами на протяжении от 4 до 6,5 лет, регулярно проверяется в течение учебного семестра и подтверждается результатами сессии. В переходности от семестра к семестру, от курса к курсу также заложена объективная статусная динамика, она как бы предопределена ритмом образовательной деятельности и останавливается вместе с окончанием университета.

Движение к желаемому образовательному статусу может быть приостановлено и иметь форму академического отпуска по болезни, в связи с семейными обстоятельствами, с рождением и уходом за ребенком. И в том и другом случае статус студента может быть беспрепятственно возобновлен.

В случае потери статуса утрачиваются его основные свойства, привилегии, права и обязанности. Молодой человек останавливается на пути профессионального продвижения.

Пошаговое достижение соответствия образовательному стандарту в освоении компетенций является необходимым, но не единственно возможным результатом пребывания в статусе студента московского вуза. Свойственная статусу студента динамичность провоцирует положительные изменения в уже достигнутом положении и выражается в получении стипендии. При достижении наилучших результатов академической успеваемости, посещаемости и соответствии ряду требований студент обретает преимущественное право на получение материального поощрения. Так, к основному статусу студента добавляется статус стипендиата.

По результатам исследования, примерно одинаково распределились доли тех студентов, кто получает стипендию (47,2 %) и тех, кто ее не имеет (41,1 %). Изначально ориентированные на успешную учебу, прикладывающие к ней максимум усилий, студенты государственных вузов в большей степени ориентированы на получение стипендии (65,7 %). В данной группе респондентов динамичность социального статуса проявилась в большей степени. Незначительна доля стипендиатов среди студентов платной формы обучения — 8 % учащихся.

Безусловно, динамичность — деятельностная характеристика социального статуса: раскрывается при включении молодых людей в различные виды вторичной деятельности (научную, трудовую, общественную и др.).

Динамичность позволяет студентам быть задействованными в различных сферах самореализации, однако требует соответствующей высокой мотивации, дополнительных временных, психологических, физических ресурсов, а главное, готовности и возможности задействовать вышеперечисленные ресурсы для достижения высоких целей, что, как показали результаты исследования, свойственно не всем студентам.

Если рассматривать динамичность как субъективную оценку социального статуса группой студентов московских вузов, то мы имеем дело с крайне избирательной характеристикой, проявляющейся при удачном сочетании соответствующих личностных качеств студентов и ряда объективных условий.

Так, например, комбинация учебы и работы, учебной и внеучебной деятельности, активные формы досуга свойственны далеко не всей совокупности опрошенных. Только третья часть студентов совмещают работу с учебой, треть иногда задействована во внеучебной деятельности, половина студентов получают стипендию, более половины студентов ориентированы на домашнюю форму досуговой деятельности (чтение книг, прослушивание музыки, сон).

Среди объективных причин, по которым студенты задействуют только главный статус — учащихся — загруженное расписание, большой объем учебной внеаудиторной нагрузки и практических заданий, специфика обучения в университете (военном, медицинском). Динамичность этой группы студентов проявляется в соответствии жестким требованиям образовательной программы и получении стипендии: в абсолютном большинстве стипендию получают учащиеся МосУ МВД (96,7 %) и большинство опрошенных студентов МГМУ им. И. М. Сеченова (60,9 %).

Назовем и субъективные причины, ограничивающие статус студента включением только в одну сферу деятельности — учебную: лень, отсутствие стимула, мотивации, желания «напрягаться» сверх меры, материальное благополучие и связи родителей. Динамичность

социального статуса такой группы студентов исчерпала себя на моменте поступления в образовательную организацию.

С момента обретения статуса студента московского вуза началось пассивное пребывание в нем, четырехлетнее ожидание предписываемого статуса бакалавра/специалиста неважно какого направления, скрашиваемое полагающимися студенту привилегиями (положение официально занятого, возможность не работать, отсрочка от армии, транспортные и иные льготы).

Динамичность как однозначно позитивная и перспективная характеристика социального статуса студентов включает в себя способность изменяться под действием периодически изменяющихся внешних факторов, быстро адаптироваться к ним.

К внешним факторам мы отнесли социально-экономические проблемы, с которыми сталкиваются студенты в процессе становления социального статуса, их оказалось немало: отсутствие собственного жилья, недостаток материальных средств, неправильная организация учебного процесса, большой объем учебной нагрузки, политическая ситуация в стране, качество медицинского обслуживания, отсутствие большой любви и плохое питание. Решение вышеперечисленных проблем опять-таки требует от студентов усилий, времени, ресурсов, движения.

Распределение ответов на вопрос «С какими проблемами Вам приходится сталкиваться?», в %

<i>Проблема</i>	<i>Всего</i>
Непрестижность учебы	6,9
Отсутствие собственного жилья	44,5
Плохое питание	18,2
Большой объем учебной нагрузки	34,4
Неправильная организация учебного процесса	42,1
Взаимодействие с преподавателями	11,9
Качество медицинского обслуживания	19,4
Недостаток материальных средств	37,9
Отсутствие большой любви	18,7
Политическая ситуация в стране	25,3

Прим.: респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа

Вопросы в анкете были подобраны таким образом, что сразу после указания проблем, с которыми сталкиваются респонденты, им предлагалось назвать действия, которые они предприняли для их решения. По результатам исследования, более трети опрошенных выбрали два первых активных способа решения проблем: стали подрабатывать (34 %) и усиленно учиться (37 %). Доля студентов, указавших пассивные способы решения проблемы — «ничего не предпринял, хотя нужно было это сделать» и «у меня не возникло необходимости что-либо предпринимать» составила 14 и 19 % опрошенных соответственно.

В конечном счете, освоение образовательной программы и профессиональная подготовка позволяет и тем и другим завершить переход от статуса студента к бакалавру соответствующего направления. Завершение периода обучения в университете обозначает последний студенческий переход к постоянной трудовой деятельности, вместе с которой становится возможным дистанцирование и/или уход из родительского дома, обустройство своего жилья и создание собственной семьи. Динамичность начинает проявляться в других социальных статусах: сотрудника, матери, отца, мужа, жены и др.

Динамичность как одна из характеристик социального статуса студенчества объективно связана с переходностью, неустойчивостью и промежуточностью положения студентов в социальной структуре общества. Она заложена при переходе от статуса ребенка-школьника к

статусу взрослого человека. Обретение статуса студента московского вуза для группы иногородних студентов содержит двойную переходность. Дальнейшее сильное/слабое проявление динамичности статуса студентов московских вузов связано с их движением и включением в различные виды вторичной занятости, при выполнении ряда объективных и субъективных факторов.

Динамические черты социального статуса студентов активизируются в небольшой группе учащихся московских вузов, способных, благодаря комплексу личностных качеств и позитивным объективным условиям, сочетать увеличивающийся от курса к курсу объем учебной нагрузки и вторичную занятость. Динамичность, проявляемая при этом, приводит к определенным результатам — получению стипендии, опыту работы, разнообразному досугу, и как следствие, ускоряющемуся социальному взрослению.

Список литературы

1. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. – М., 2007. – 158 с.
2. Ковалева А. И. Статус социальной молодежи // Социология молодежи: энциклопед. словарь. – М., 2008. – 608 с.

Сведения об авторе

Короткова Марина Сергеевна, аспирантка 4 курса кафедры социологии Московского гуманитарного университета, тел. 89269928124, e-mail: marina.s.korotkova@gmail.com

Korotkova M. S., graduate student of the 4th year of the Department of Sociology of Moscow University for the Humanities, phone: 89269928124, e-mail: marina.s.korotkova@gmail.com

УДК 331.5

ТРУДОВАЯ САМОРЕАЛИЗАЦИЯ БУДУЩИХ ВЫПУСКНИКОВ В УСЛОВИЯХ ПЕРМАНЕНТНЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ PROFESSIONAL SELF-REALIZATION OF FUTURE GRADUATES IN THE CONDITIONS OF PERMANENT SOCIAL ECONOMIC CRISES

Э. А. Пирвердиева
E. A. Pirverdiyeva

Ключевые слова: трудовая самореализация; занятость; молодежь; фриланс; социальные гарантии; население; постиндустриальное общество; кризис; макроэкономика
Key words: professional self-realization; employment; youth; freelance; social guarantees; population; post-industrial society; crisis; macroeconomics

В данной статье рассматривается вопрос об отношении студенческой молодежи к процессам, происходящим в обществе при прохождении национальной макроэкономикой кризисных периодов. В качестве изучаемой группы рассматриваются студенты бакалавриата и магистратуры Тюменского Индустриального Университета. Студентам были предложены вопросы о нынешнем состоянии российской экономики, перспективах ее развития, о возможностях их будущего трудоустройства, об их отношении к трудовой деятельности вообще. На основе анализа полученных данных критериев авторы выявляют тенденции, которые появляются в молодежной среде, участвуют в формировании самоидентификации, и, как следствие трудовой самореализации в будущем. Авторами определена степень влияния экономических кризисов на социум в целом и на студенческую молодежь в частности. Трудности, связанные с трудоустройством будущих выпускников, нестабильность экономической сферы, безработица рассматриваются как важнейшие факторы, мешающие профессиональной самореализации. Авторами сделаны выводы о современном состоянии социально-трудовой среды и о перспективах ее развития.

This article discusses the issue of relation of student youth to processes, taking place in society while national macroeconomic undergoes the crisis periods. As the study group, the undergraduate and graduate students of Tyumen

Industrial University are considered. To the students there were proposed the questions about current state of Russian economy, about perspectives of its' development, about the possibilities of their future employment, about their attitude towards labor activity in general. Based on the analysis of obtained given criteria the authors reveal the trends that manifest themselves in youth environment, are involved in the formation of self-identity, and, as a consequence, of self-realization in the future. The authors determined the degree of influence of economic crisis on society in general and student youth in particular. The difficulties associated with the employment of future graduates, the instability of the economic sphere, unemployment are regarded, as the most important factors, that impede the professional self-realization. The authors draw conclusions about the current state of the social and labor environment and the perspectives of its development.

Различные катаклизмы в большем или меньшем объеме с различной периодичностью преследуют мировую экономическую систему. Любое отдельно взятое государство, будучи элементом этой системы, ощущает на себе негативное влияние не только сторонних сил, но и воздействие противоречий, происходящих в нем самом. Российская Федерация, находясь не на последнем месте мировой экономической иерархии, также подвержена экономическим неурядицам внешнего или внутреннего генезиса. Количество кризисов за последние 25 лет, начиная с 1991 года, лишнее тому подтверждение. Пережив в последней декаде 20 века экономические, политические и социальные кризисы, Российское государство достаточно успешно вошло в новый период своей истории в 2000 году. Высокие цены на мировом рынке энергоносителей, общее настроение социальной эйфории, связанное, не в последнюю очередь, с обновлением в высших органах государственной власти, начавшийся рост благосостояния населения скрывали негативные тенденции в экономической сфере Российской Федерации. Проблемы российской экономики начали контрастно проявляться, начиная с конца 2007 года. Два серьезных кризиса, проверивших на прочность экономическую среду Российской Федерации и произошедших в достаточно короткий период в 6 лет (с 2008 года), резко изменили расстановку приоритетов в национальной социально-экономической структуре. Мировой финансово-экономический кризис конца 2014 года усилил негативные явления в российской социально-экономической сфере, преследовавшие ее в течение последних десятилетий [1]. Пережив серьезные потрясения, экономическая система, так или иначе, выходит на новый уровень, где необходимо заново решать базовые вопросы, поставленные новыми условиями существования. Одной из таких важнейших проблем является тема структуры трудовой сферы, прошедшей через горнило двух хронологически соседствующих кризисов. Именно эта тема привлекает повышенное внимание в среде современных российских ученых-социологов: что будут представлять собой носители трудового потенциала, которым придется трудиться в посткризисных условиях. Авторами в апреле 2016 года был проведен опрос студентов 40 групп (1 142 молодых человека в возрасте от 17 до 26 лет) очной формы обучения Тюменского индустриального университета с целью определения ментальной стороны качественных базовых характеристик будущих профессионалов, которые будут трудиться в новой, изменившейся, послекризисной экономической среде.

Результаты опросов, представленные ниже, говорят о том, что студенты к последним курсам начинают интересоваться политическими процессами, проходящими в стране, пытаются представить свое профессиональное будущее — в каких условия оно будет реализовываться, какую тактику выбрать на рынке труда в перспективе, каким образом обеспечить себе карьерную будущность. Результатами ответов на вопрос о поддержке студенческой молодежи принятого правительством в марте 2016 года «Плана действий Правительства Российской Федерации, направленных на обеспечение стабильного социально-экономического развития Российской Федерации в 2016 году» представлены в табл. 1 [3].

Таблица 1

Результаты ответов на вопрос о поддержке студенческой молодежи правительством

Вопрос	В % от общего количества респондентов	
	Бакалавриат	Магистратура

Поддерживаете ли вы антикризисные меры, принятые высшими органами государственной власти РФ?	1 курс (17–18 лет)	2 курс (18–19 лет)	3 курс (19–20 год)	4 курс (20–21 год)	1 курс (21–22 лет)	2 курс (22–24 лет)
Поддерживаю	33	47	41	37	34	33
Не поддерживаю	16	14	19	28	31	30
Затрудняюсь ответить	51	39	40	34	35	37

По результатам опроса видно, что более 50 % студентов 1 курса бакалавриата не могут ответить на поставленный вопрос об антикризисном планировании госорганами. Больше всего поддержку правительственным действиям оказывают студенты старших курсов бакалавриата — 37–47 % . В то же время студенты направления магистратуры сомневаются в действенности правительственных мер по преодолению кризиса. Данные опроса, представленные в табл. 1 напрямую коррелируют с результатами в табл. 2.

Таблица 2

Результаты ответов на вопрос о действенности правительственных мер по преодолению кризиса

Вопрос	В % от общего количества респондентов					
	Бакалавриат				Магистратура	
Каким вы находите сегодняшнее состояние экономической сферы РФ?	1 курс (17–18 лет)	2 курс (18–19 лет)	3 курс (19–20 год)	4 курс (20–21 год)	1 курс (21–22 лет)	2 курс (22–24 лет)
Скорее хорошее	43	41	39	36	34	33
Не хорошее, но и не плохое	31	30	29	27	24	24
Скорее плохое	18	19	24	30	36	37
Затрудняюсь ответить	8	10	8	7	6	6

По полученным ответам на вопрос: «Каким вы находите сегодняшнее состояние экономической сферы РФ?» — 8 % , наиболее оптимистично в оценках российской экономики настроены студенты бакалавриата первых курсов — до 43 % дали ответ «скорее хорошее». Самые негативные тенденции отмечают студенты последних курсов обеих ступеней обучения — до 30 % учащихся бакалавриата и до 37 % учащихся магистратуры. В тоже время позитивные оценки российской экономической системы у данных студентов самые низкие по всем курсам — 36 % у обучающихся на 4 курсе бакалавриата и 33 % — на 2-м магистратуры. Исходя из результатов опроса, можно сделать вывод, что оптимистические настроения у обучающихся на 1-ой и 2-ой ступенях переходят в более реалистичное русло, по мере того как студенты приближаются к последним курсам бакалавриата и магистратуры. Это связано с тем, что ближе к выпуску учащиеся начинают искать вакантные места по своей специальности, сталкиваются с действительным положением дел в российской экономической сфере, начинают испытывать трудности, связанные с реализацией себя в профессиональной среде.

Таблица 3

Результаты ответов на вопрос об оценке своих собственных перспектив найти «хорошую работу»

Вопрос	В % от общего количества респондентов					
	Бакалавриат				Магистратура	
Как вы оцениваете свою возможность найти «хорошую работу» после окончания вуза?	1 курс (17–18 лет)	2 курс (18–19 лет)	3 курс (19–20 год)	4 курс (20–21 год)	1 курс (21–22 лет)	2 курс (22–24 лет)
Скорее хорошо	48	49	45	39	36	37
Не хорошо, но и не плохо	19	23	21	20	27	24
Скорее плохо	7	5	9	13	15	16
Затрудняюсь ответить	26	23	25	28	22	23

Результаты опроса на предмет того, как оценивают свои собственные перспективы найти «хорошую работу» показаны в табл. 3. По представленным данным видно, что наиболее оптимистичны студенты начальных курсов первой ступени обучения — до 48 % оценивают свои возможности как очень хорошие, а студенты магистратуры оказались «пессимистами» — до 36 % по данному показателю. Данные ответов на вопрос «Что вы вкладываете в определение «хорошая работа»?» представлены в табл. 4.

Самореализация молодых людей в профессиональной сфере, раскрытие новых горизонтов в профессиональной деятельности, улучшение климата на трудовом рынке, умение молодых профессионалов действовать в кризисных условиях, которые касаются рабочего места или национальной экономики в целом прямо пропорциональны степени продуманности стратегии поведения молодого специалиста на рынке труда. Планирование действий молодого профессионала на рынке труда имеет под собой основание двух видов категорий.

1. Имманентные категории профессиональной деятельности, которые включают в себя условия данной деятельности, уровень ее результативности, полезность для общества, профессиональная самореализация и т. д.

2. Трансцендентные категории профессиональной деятельности, охватывающие социально-экономический климат в государстве, путь по которому развивается национальная экономика, уровень заработной платы той или иной категории работников, престиж различных профессий и т. д. [2]

Таблица 4

Результаты ответов на вопрос «Что вы вкладываете в определение «хорошая работа»?»

Вопрос	В % от общего количества респондентов					
	Бакалавриат				Магистратура	
	1 курс (17–18 лет)	2 курс (18–19 лет)	3 курс (19–20 год)	4 курс (20–21 год)	1 курс (21–22 лет)	2 курс (22–24 лет)
Интересная работа, заработная плата стоит не на первом месте	24	25	23	20	18	16
Работа, за которую хорошо платят, остальные факторы не важны	41	40	43	49	54	56
Работа — вынужденная мера; если будет возможность работать не стану	6	6	7	5	4	4
Затрудняюсь ответить	29	29	27	26	24	24

Наиболее продуктивная профессиональная деятельность, четкое ориентирование на трудовом рынке, разрешение кризисных ситуаций являются результатом грамотно проработанной стратегии поведения на рынке труда вчерашнего студента и нынешнего профессионала. В постоянно меняющихся условиях российской экономики — от кризисных до благоприятных, арсенал типов поведения молодого специалиста должен обладать достаточной вариативностью. В этом плане прогресс развития молодого профессионала должен идти к снижению влияния трансцендентных категорий профессиональной деятельности. Наиболее наглядно эти явления демонстрируют результаты опроса, представленные в таблице 4.

В периоды последних экономических кризисов 2008, 2014 годов произошли наиболее динамичные изменения в стратегии поведения работников на рынке труда в сравнении с докризисным временем. Итоги проведенных исследований показывают, что кризисный период 2008 года, а в особенности 2014, произвел сильнейшее воздействие на формирование профессионального мировоззрения будущих выпускников высших учебных заведений. Присущий молодому поколению оптимизм испытывает серьезную проверку на прочность, столкнувшись с не самой радужной действительностью. Тревожность молодого поколения профессионалов за свое будущее в России является довольно опасным симптомом нынешней экономической ситуации, поскольку может привести к снижению мотивационной составляющей труда, а также вызвать повсеместную эмиграцию талантливых в различных сферах деятельности молодых людей.

Список литературы

1. Михайлова М. Н., Михайлов С. Ю. Проблема трудовой занятости российской молодежи в условиях социально-экономического кризиса // *Фундаментальные исследования*. — 2016. №5. — С.386-390.
2. Хайруллина Н. Г. Социальные аспекты устойчивого развития Тюменской области // *Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика*. — 2014. — № 3. — С. 74–80.
3. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://government.ru/media/files/X6NrVuOjjj1ALG5ZoCbVm5G3IQ0lCkh.pdf>.

Сведения об авторе

Пирвердиева Эльвира Али-кызы, Тюменский индустриальный университет, тел. 89224834230, e-mail: sh989@rambler.ru

Pirverdiyeva E. A. Industrial University of Tyumen, phone: 89224834230, e-mail: sh989@rambler.ru

УДК 316.4

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ В СИСТЕМЕ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)**
STATE LANGUAGES IN THE SYSTEM OF SECONDARY PROFESSIONAL
EDUCATION (EXPERIENCE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Л. В. Сагитова
L. V. Sagitova

Ключевые слова: культурная политика; билингвальное образование; этничность; русский язык; татарский язык; мотивация; профессиональное образование
Key words: cultural policy; bilingual education; ethnicity; Russian language; Tatar language; motivation; professional education

В статье рассматриваются специфика и проблемы изучения государственных языков в системе среднего профессионального образования на примере Республики Татарстан. Культурная политика регионального правительства, основанная на стандартах федеральных законодательных норм, направлена на развитие и укрепление билингвизма в условиях поликультурного региона. Одной из важных сфер формирования двуязычия является система образования. В статье, на основе результатов этносоциологического исследования, анализируется комплекс проблем, связанных с преподаванием языков в системе среднего профессионального образования РТ. Используемый в исследовании комплексный подход, сочетающий качественные и количественные методы, позволил выявить факторы субъективного и объективного порядка, влияющие на как на методические аспекты образования, так и на мотивационные установки учащихся колледжей.

The article reviews the specifics and problems of studying the state languages in the system of secondary professional education on the example of the Republic of Tatarstan. Cultural policy of the regional government, based on standards of the federal legislation norms, is aimed at the development and strengthening of bilingualism in a multi-cultural region. One of the important areas of the formation of a bilingualism is an education system. In the article, based on ethno-sociological research results, the complex of the problems related to language teaching in secondary professional education of the Republic of Tatarstan, is analyzed. Used in the study a comprehensive approach, combining qualitative and quantitative methods, allowed to identify the factors of subjective and objective order, affecting both the methodological aspects of education, and the motivational attitudes of college students.

Подготовка рабочих кадров в последние годы становится одной из важнейших задач развития экономики России, особенно в условиях сложившейся геополитической ситуации, актуализировавшей вопрос импортозамещения и развития отечественного производственного потенциала. О нехватке рабочих кадров в России было заявлено на самом высоком государственном уровне. В. В. Путин поставил перед деловыми кругами задачу — к 2025 году создать 25 миллионов высокотехнологичных рабочих мест. При этом Президент страны подчеркнул, что в сложившейся ситуации положение можно исправить, только объединив усилия органов государственной власти, работодателей, учебных заведений, профессиональных союзов, общественных организаций [1].

Республика Татарстан, являясь наиболее экономически развитым регионом, также испытывает дефицит рабочих высококвалифицированных кадров, как в производственной инфраструктуре региона, так и в связи с проведением мега-проектов, таких, как Всемирная молодежная Универсиада (2013), Чемпионат мира по водным видам спорта (2015) и планируемого на 2018 год Чемпионата мира по футболу. Не случайна заинтересованность Татарстана в стимулирующих данное направление проектах: правительство республики приложило большие усилия для того, чтобы войти в число регионов — участников Всероссийского чемпионата профессионального мастерства WorldSkills Russia в 2018 году. Председатель правительства РТ Ольга Голодец, представлявшая Казань вместе с Президентом Татарстана Р. Миннихановым на рассмотрении российской заявки в Сан-Паулу, отметила, что проведение мирового чемпионата не является самоцелью. Главное для России — повышение

престижа рабочих профессий, организация профессионального обучения, разработка новых высококачественных учебных материалов [2]. В свою очередь, Р. Н. Минниханов отметил реакцию производственного и бизнес-секторов республики: «Мы не ожидали, насколько огромным будет интерес к этому конкурсу со стороны наших предприятий и бизнес-сектора. Сегодня нам необходимо набирать компетенции: 2019 год станет важным экзаменом для России и Татарстана в частности» [2].

На образовательном рынке Татарстана система среднего профессионального образования имеет свою специфику, которая связана не столько с положением ссузов в общей системе образования, сколько с влиянием конъюнктуры на рынке труда и в целом с положением производственных отраслей республики. Будучи связанными с развитием самых разных секторов трудового рынка, часть ссузов осталась востребованной (медицина, образование, финансы, коммерция и др.), другая часть, связанная с производством (ПТУ и профильные техникумы) довольно длительный период оставалась на периферии модернизационных процессов, что повлияло на имидж рабочих профессий, и, как следствие, на качество контингента учащихся.

Между тем, стоящие задачи по развитию производственных секторов экономики требуют повышения качества рабочих кадров. При этом уровень квалификации напрямую связан с общим уровнем культуры рабочего. Мировые стандарты оценки качества человеческого капитала и его потенциала включают составляющую культуры и общего развития экономически активных членов общества в качестве базового условия. В связи с этим, владение языками, речевой культурой, всем культурным багажом страны и народов ее населяющих — становится важнейшей компонентой профессиональной состоятельности квалифицированного работника. Другим важным качеством будущих профессионалов в республике является умение успешно взаимодействовать в условиях поликультурного сообщества, которое немыслимо без знания языков и культуры народов, населяющих Татарстан.

Исследование вопросов, связанных с функционированием языков народов Татарстана в системе республиканского образования, имело своей целью выявить проблемные зоны и точки роста в изучении русского, татарского и иностранных языков на всех ее ступенях: школах, ссузах и вузах [3]. Формируя исследовательский дизайн, команда ученых выбрала комплексный подход, сочетающий взгляд на проблемы самих учащихся и оптику преподавателей и экспертов системы образования. Сопоставление восприятия языковой ситуации включенными в процесс обучения группами оказалось полезным, как в силу выявления всего спектра мнений по теме исследования, так и понимания проблемных зон. Проведение серии экспертных интервью с преподавателями школ, ссузов и вузов, а также чиновниками - имело своей целью выявить значимые аспекты процесса обучения языкам. Исследование каждой из обозначенных выше образовательных ступеней количественным методом (массовый опрос) строилось на отдельно взятой для каждой из них выборочной совокупности [4]. Следует отметить, что выборочная совокупность не претендует на репрезентативность, однако позволяет проследить основные тенденции в системе среднего специального образования и обозначить проблемы в сфере языкового образования. При этом следует отметить сопоставимость данных по выборочным совокупностям всех ступеней образовательной системы.

Проблемы преподавания русского и татарского языков в ссузах. Эффективность учебного процесса по языковым предметам складывается из нескольких составляющих. Первое из них — базовая подготовка учащихся, с которой они пришли в ссуз после 9-ого класса общеобразовательной школы. Второе — мотивация учащихся к изучению языков в рамках образовательной программы ссуза. Третье — методики и приемы обучения; оснащенность учебной литературой.

Как известно, в основе любого процесса обучения лежит мотивационная база. Она подразделяется на два основных направления. Духовное, когда язык осознается как самоценность, и есть понимание того, что язык — это базовая часть культуры любого народа. Такого рода мотивация лежит в сфере темпоральных ценностей в структуре личности. В инструментальном направлении язык воспринимается как инструмент для достижения каких-

либо социальных целей, и в первую очередь, максимизации шансов в имеющейся системе социальной мобильности в рамках данного общества.

Одной из задач исследования было выявление содержания мотивационных оснований в процессе обучения языкам, определенным программой средних специальных заведений. Нами задавался вопрос: «Почему Вы считаете важным владение (татарским, русским, иностранным) языком?» Учащимся предлагалось выбрать не более трех, наиболее важных, на взгляд каждого респондента, предложенных исследователями вариантов, или написать свой. Что же мы получили? Анализ данных показал, что мотивационная ситуация по каждому из языков своя. Отношение учащихся к языкам обусловлено не только мотивацией к обучению, но и установками, сложившимися под влиянием семьи, ближайшего окружения, общества в целом. Оно обусловлено как идеальными, так и инструментальными интересами. Поскольку профессиональная сфера акцентирует инструментальную функцию языка, то для нас важно было произвести сопоставительное сравнение функционального содержания татарского и русского языков у обучающихся в сузах. Наши исследования языковой ситуации в республике на протяжении двух десятков лет показали конкурентный режим сосуществования двух государственных языков — русского и татарского. Как же эта ситуация воспринимается и осознается учащимися?

Наша попытка выявить соотношение идеальной и инструментальной функций в использовании языков помогла увидеть различия в том, как учащиеся воспринимают государственные языки. Оказалось, что восприятие русского языка в большей мере связано с его инструментальной функцией — 60 % опрошенных воспринимают его как средство общения в России; 21 % — в качестве языка, объединяющего россиян. Однако и символическая, идеальная функция русского языка также значима для молодежи. Более половины опрошенных (55 %) подчеркнули статус государственного языка РФ; 25 % видят его как символ русской культуры. Его значимость в качестве составляющей в идентификационной структуре личности отметили 43 % опрошенных. Уточняющий вопрос о значимости русского языка в личностной структуре ценностей учащихся вывел на первые позиции его символическую и инструментальную функции: каждый второй из учащихся подчеркнул значимость государственного статуса языка (51 %) и его необходимость в будущей профессии (49 %). Для каждого четвертого важность владения языком связывается и с тем, что это его родной язык; для каждого третьего — как средство общения с окружением.

Для татарского языка первостепенной стала идентификационная позиция: более половины респондентов отметили его в качестве родного языка (51 %) и языка родителей (29 %). На втором месте — статусная позиция языка в качестве государственного — ее отметили чуть менее половины от опрошенных (47 %). Роль языка, как символа татарской культуры и языка, помогающего татарам сохраниться, как народу отметили, соответственно, 39 % и 21 % опрошенных.

Ответы на вопрос об отношении учащихся к татарскому языку показали как общие позиции с русским языком, так и различия. Здесь первые две позиции в аналогичных пропорциях поменялись местами: на первом месте — идентификационное основание «родной язык» (52 %) и статус государственного языка (49 %). На третьем месте — функция общения с ближайшим окружением (36 %). А вот инструментальная мотивация оказалась на нижних местах: лишь 17 % отметили, что язык пригодится в дальнейшей работе и 1 % — для престижной работы. Кроме того, здесь, в отличие от русского языка впервые проявила себя доля тех, кто не считает важным владеть татарским языком, и это почти каждый пятый из числа опрошенных (19 %).

Как процесс, так и результат обучения языкам во многом зависит от отношения к занятиям самих учащихся. Результаты опроса показали, что большим интересом пользуются уроки русского языка: положительное отношение высказали в совокупности 94 % от опрошенных. С татарским языком ситуация другая: 76 % относятся в целом положительно и 13 % — отрицательно.

На отношение к языковым предметам может влиять этническая принадлежность. Это демонстрируют результаты опроса: среди учащихся-татар положительное отношение (в

укрупненных категориях) к урокам татарского языка высказало 93 % опрошенных; среди учащихся — русских эта доля значительно ниже — 56 %. Положительное отношение к русскому языку сопоставимо у представителей обеих этнических групп: 99 % среди учащихся-русских и 94 % у учащихся татар. Объяснение учащимися интереса к урокам русского языка вновь выводит на первый план инструментальную мотивацию: первые места рейтинга (1-ое, 3-е, 4-ое) заняли причины прагматического свойства: «язык пригодится в дальнейшей жизни» (79 %); «пригодится в будущей работе» (54 %); «это поможет мне построить карьеру» (24 %). И на втором месте — стремление научиться красиво и грамотно говорить и писать по-русски (69 %). Почти те же вариантов ответов вышли на первые позиции по урокам татарского языка, но в существенно меньших показателях, соответственно: 46; 29; 9 %. Причем желание научиться красиво и грамотно говорить и писать по-татарски также заняло в рейтинге 2-ое место — 36 % .

Принимая во внимание тот факт, что в ссузах учится большая доля татар, и особенно сельчан, нам важно было узнать их мнение об использовании татарского языка при обучении специальности. На наш вопрос: «Нужно ли вести отдельные предметы на татарском языке?» более половины опрошенных (53 %) ответили отрицательно; 45 % — затруднились ответить и лишь 2 % — ответили утвердительно.

Языковые предметы в ссузах представлены и иностранными языками, поэтому для нас было важно выяснить отношение к ним учащихся. Оказалось, что в отличие от школьников и студентов вузов, мотивированных на изучение иностранного языка как инструмента для профессиональной мобильности и получения качественного образования, учащиеся ссузов хотя и отметили значимость для каждого человека иностранного языка (57 %), больший акцент направлен на коммуникацию: чуть менее половины опрошенных (45 %) отметили, что знание иностранного языка дает возможность для международного общения, зарубежных поездок и т. п. Низкая ориентация на его использование в профессии объясняется образовательной ступенью среднего звена. Тем не менее, чуть менее трети из числа опрошенных (28 %), имеющих намерение получить высшее образование, связывает владение иностранным языком с будущей работой.

Таким образом, можно констатировать, что для учащихся ссузов больший приоритет отдается русскому языку, в меньшей степени проявляет себя интерес к татарскому, а иностранные языки у большинства учащихся почти не рассматриваются в личностной профессиональной перспективе.

Таким образом, изучение мнения экспертов и преподавателей русского и татарского языка и литературы позволило выявить основные проблемы процесса обучения языкам РТ в казанских ссузах по ряду позиций. Говоря об адресате учебного процесса — учащихся ссузов, следует отметить различия в отношении к языковым предметам, которые они изучают. Отношение к урокам русского и татарского языка сильно разнятся, особенно в разрезе этнических групп учащихся. Так, отношение к русскому языку и литературе консолидировано: большинство русских, и татар оценивает их положительно. Другая ситуация с восприятием татарского языка: если татары в подавляющем большинстве воспринимают занятия положительно, то среди русских доля таковых составляет меньше половины.

Языковые предметы и литература, особенно в непрофильных, не гуманитарных ссузах, воспринимаются зачастую как второстепенные предметы, как формально обязательное завершение полного среднего образования. Между тем, изучение именно этих предметов влияет, как на общий уровень развития учащегося, так и на его успешное освоение профильных предметов. Совершенствование системы образования в ссузах, их обеспеченности и оснащенности напрямую связано с качеством подготовки будущих специалистов среднего звена самых разных отраслей производства, социальной сферы и сферы обслуживания. Наряду с этим, это и шанс дальнейшего успешного становления в избранной профессии. Многопрофильная экономика Татарстана и активно развивающийся малый и средний бизнес испытывают дефицит именно данной категории работников, поэтому развитие и совершенствование как образовательной системы, так и материально-технической базы ссузов Казани и республики в целом видятся в качестве приоритетных направлений системы

образования РТ. Качество кадров это не только гарантия работы для молодежи республики, но и решение ряда региональных проблем: оздоровление экономики, занятость, здоровая социальная среда и т. п. К разряду актуальных из них следует отнести регулирование и сокращение миграционного потока, интенсивность которого, в фокусе последних событий с международным экстремизмом, несет с собой множество рисков, как в социальной сфере, так и в сфере безопасности региона.

Список литературы

1. Воловик М. О проблеме дефицита рабочих кадров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://allabc.ru/sro-stroitelstvo/1708-o-probleme-defitsita-rabochikh-kadrov.html>
2. Казань выиграла право на проведение Всероссийского чемпионата WorldSkills Russia в 2018 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.mail.ru/economics/23504535/?frommail=1>
3. В статье представлены результаты Республиканского этносоциологического исследования «Государственные языки в системе образования РТ» (2015) по заказу Министерства образования РТ в рамках Проекта «Социолингвистический мониторинг этноязыковой ситуации в Республике Татарстан». Проект реализован группой этносоциологов Центра этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани АН РТ: Габдрахманова Г. Ф. (рук.), Макарова Г. И., Махмутов З. А., Мусина Р. Н., Сагитова Л. В., Сагдиева Э.А.
4. Из общей выборки массового опроса — 1174 человека (учащиеся школ, ссузов и вузов г. Казани) доля учащихся ссузов г. Казани составила 350 человек. Выборка по средним специальным учебным заведениям охватывала основные отрасли регионального рынка труда: нефтехимическую, энергетическую, авиационную, пищевую, коммунального хозяйства. Наряду с ними были включены заведения, готовящие специалистов в социальной и творческой сферах; квалифицированных рабочих технических специальностей.

Сведения об авторе

Сагитова Лилия Варисовна, к. истор. н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, тел. 8(8432)929264

Sagitova L. V., Candidate of Historical Sciences, senior researcher Institute of History named after Shihabtd in Marjani, Academy of Sciences of the Republic Tatarstan, phone: 8(8432)929264

УДК: 331.526

ИНТЕГРАЦИЯ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА (НА ПРИМЕРЕ Г.САРАТОВА)

INTEGRATION OF UNIVERSITY GRADUATES IN THE CONTEXT OF THE REGIONAL LABOR MARKET (ON THE EXAMPLE OF SARATOV)

Р. Г. Смирнов
R. G. Smirnov

Ключевые слова: занятость; региональный рынок труда; структура рынка труда; молодежь на рынке труда; рынок труда специалистов; баланс на рынке труда
Key words: employment; regional labor market; labor market structure; young people in the labor market; labor market of specialists; balance in the labor market

В контексте современных социально-экономических реалий в значительной степени актуализируется проблема занятости населения и структуры рынка труда. Устранение административного контроля, а также развитие свободных рыночных отношений обнаружили непригодность многих людей к новым условиям. Вместе с тем, демографические условия российского общества формируют новое проблемное поле в сфере изучения рынка труда: занятость молодых специалистов и трудоустройство выпускников вузов. В 2015 году в Саратове было проведено социологическое исследование, целью которого было изучение поведения молодежи на рынке труда, а также структуры спроса и предложения на рынке труда молодых специалистов. Исследование проводилось методом анкетирования, объем выборки составил 476 человек. В ходе исследования была обнаружена определенная пассивность выпускников при поиске работы: большинство отдадут предпочтение

удаленным формам поиска работы и взаимодействия с работодателями. Вместе с тем, не в полной мере получил подтверждение стереотип об ориентированности молодежи на мгновенное построение карьеры и высокие заработки. Интерес представляет и выявленная трансформация мнений респондентов о необходимых профессиональных качествах в зависимости от наличия у выпускников опыта работы.

In the context of current socio-economic realities the problem of employment and labor market structures becomes actual in a significant degree. Elimination of administrative control, as well as the development of free market relations, discovered the inability of many people to adapt to the new conditions. At the same time, demographic conditions of Russian society form a new problem field in the sphere of the study of the labor market: employment of young specialists and of college graduates. In 2015 in Saratov the sociological research was conducted, the purpose of which was to study the behavior of young people in the labor market, as well as the structure of supply and demand on the labor market of young specialists. The study was conducted using the method of questionnaire survey, the sample size was 476 people. During the study a certain passivity of the graduates in finding employment was found: most prefer remote forms of job search and interaction with employers. At the same time, the confirmation of the stereotype of the orientation of young people in the immediate construction of a career and high earnings was not fully confirmed. Of interest is the transformation of the views of respondents on the necessary professional qualifications, depending on the presence of work experience of graduate students, which was discovered.

Положение с занятостью и безработицей, динамика заработной платы и доходов являются базовыми социопараметрами, отвечающими за благосостояние населения, уровень социальной и политической стабильности общества [2]. Рынок труда любой страны претерпевает постоянные изменения. Одни из них диктуются структурными процессами, другие связаны с циклическим развитием системы рыночного хозяйства. Как в одной из самых сложных подсистем экономики России в сфере социально-трудовых отношений произошли радикальные перемены, которые в первую очередь определяются сменой политики государственного патернализма в области занятости и государственного монопольного использования рабочей силы на свободный выбор места, сферы деятельности, источника получения дохода и добровольный выбор трудоспособного человека о его занятости или незанятости [5, 6].

Структурное неравновесие рынка труда возникает тогда, когда отраслевая, территориальная, квалификационная, профессиональная, возрастная, образовательная и иные виды структуры текущего предложения труда не соответствуют аналогичным характеристикам спроса на труд, соответствующего времени [1, 3]. Для достижения такого баланса, повышения экономических показателей требуется отлаженная работа и взаимодействие всех структурных элементов рынка труда (субъекты рынка, законодательство, регулирующие отношения между субъектами рыночных отношений, службы занятости, службы переподготовки кадров, системы социальных выплат) [8, 9]. Одной из главных особенностей этого рынка является тесная взаимосвязь рынка труда специалистов с системой образования [7]. Учебные заведения выступают на рынке труда как сторона предложения труда, они отвечают за качество знаний и компетентность специалиста, а значит, заинтересованы в успешном трудоустройстве выпускников.

В целях изучения основных проблем и выявления противоречий в процессе трудоустройства выпускников вузов в Саратове в 2015 г. проведено социологическое исследование предложения и спроса на рынке труда методом анкетного опроса. Респондентами выступили выпускники вузов Саратова (N = 476). Как показали результаты исследования, на момент опроса были трудоустроены по специальности 33 % респондентов. Отметим, что данный показатель превышает средний по региону — по данным государственного центра занятости населения лишь 22 % выпускников вузов трудятся по специальности, полученной в вузе. В рамках изучения существующей модели интеракции между соискателем (выпускником) и работодателем на рынке труда респондентам был задан вопрос «Посредством чего вы искали или планируете искать место работы?» (респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа). Согласно полученным результатам, наиболее популярным каналом поиска работы

являются «знакомства» (81 %) и «Интернет» (57 %). В то же время наименее востребованными оказались «Службы занятости населения» (10 %) и «Телевидение» (5 %). Фактически такое распределение означает формирование модели поиска работы, для которой, в первую очередь, характерны: пассивность соискателей (работа ищется «по знакомству», а не самостоятельно); 2) поиск работы осуществляется «на дому» (личные контакты с работодателями (собеседования или телефонные разговоры) уступают по популярности удаленному общению); 3) государственные механизмы регулирования занятости, в первую очередь, «Центры занятости населения», определяются выпускниками как неэффективные. Наиболее важным критерием при выборе места работы для современных выпускников, как показали результаты исследования, является возможность карьерного роста — этот вариант выбрали 67 % опрошенных. Следующим по значимости выступает уровень заработной платы, как главный критерий выбора места работы — 43 % . Менее трети респондентов в качестве критерия выбрали стабильность. Наименее популярным вариантом стал «Социальный пакет» (14 %).

Таким образом, выпускники вузов в значительной степени ориентированы на построение карьеры «в короткий срок». Вместе с тем, стереотип о приоритете для молодых людей заработной платы в полной мере не нашел отражение в рамках представленного исследования [4, 10]. При этом более половины респондентов (52 %) ответили, что планируют продвижение по карьерной лестнице в течение пяти лет, и лишь треть опрошенных ответили, что планирует его в течение года. Также 61 % респондентов ответили, что ожидаемый уровень заработной платы составляет от 15 до 25 тысяч рублей, наиболее высокий уровень заработной платы (от 30 тысяч рублей) выбрали менее 30 % опрошенных. В социальной группе выпускников вузов декларируемые приоритеты карьерного роста и высокой заработной платы не вполне соответствуют социальной действительности [4]. Так, при абсолютном приоритете карьеры (как фактора выбора места работы), как правило, карьерный рост планируется лишь в довольно длительной перспективе. Вместе с тем, уровень заработной платы, также выступая одним из приоритетов, большинством респондентов видится на уровне 15–25 тысяч рублей. Одним из ключевых вопросов рынка труда является вопрос конкурентных преимуществ. Большинство респондентов в качестве основных потенциальных преимуществ выделили коммуникабельность и знание иностранных языков. При этом в целом по выборке наименее часто указывались такие альтернативы, как высокий уровень знаний, опыт работы и стажировки. Особый интерес представляет распределение представленных конкурентных преимуществ в зависимости от наличия у респондента опыта работы *по специальности*. Опыт практической трудовой деятельности, соответствующий специальности / направлению подготовки, оказывает значительное влияние на выпускника, на его понимание структуры и особенностей рынка труда. Более того, наблюдается кардинальная трансформация представлений индивида. Так, если среди работающих по специальности выпускников в качестве основополагающего преимущества при трудоустройстве «коммуникабельность» выбрали 33 % опрошенных, то среди выпускников, не обладающих опытом работы, такой ответ дали 67 % . Аналогичная ситуация наблюдается по варианту «иностраный язык»: к основным конкурентным преимуществам его отнесли 33 % респондентов, имеющих опыт работы по специальности, и 67 % — без такого опыта. Осознание ценности опыта работы, как видно из таблицы 1, приходит именно с опытом (83 и 17 %).

Молодежь является основным актором будущего социально-экономического развития не только региона, но и страны, поэтому проблема ее гармоничного вхождения на рынок труда имеет чрезвычайно актуальный характер. Модели интеракций на рынке труда, используемые современными молодыми специалистами, неизбежно окажут влияние на эффективность и производительность их труда. В современном российском обществе принято критиковать существующую систему образования в самых разных вариантах. Такая критика часто бывает

объективной, имеет конструктивный характер, следовательно, способствует улучшению ситуации. Однако для успешного функционирования рынка труда недостаточно отлаженной работы института образования. Проведенное исследование показало, что при довольно скромных требованиях к потенциальной работе выпускники вузов склонны к проявлению пассивности в поиске работы, делая упор на «связи» как на нечто, появляющееся само собой. Ситуацию усугубляют и ошибочные ориентиры выпускников, выделяющих в качестве главного конкурентного преимущества в борьбе за рабочее место коммуникабельность, отодвинув на второй план знания и стажировки, дающие опыт работы. Возникающая ввиду недостаточного практического опыта ошибка атрибуции, по нашему мнению, может быть исправлена при расширении практики стажировки выпускников, а также студентов старших курсов на предприятиях города. Вместе с тем, в целях преодоления депривации в среде выпускников вузов рациональными представляются следующие меры:

- организация профориентационных мероприятий в учебных заведениях-партнерах;
- поддержка талантливых студентов, школьников и преподавателей профильных учебных заведений через систему корпоративных грантов и стипендий;
- инвестирование средств в создание современных кафедр и лабораторий, в приобретение оборудования по моделированию и управлению производственными процессами;
- проведение дополнительных спецкурсов для студентов и школьников с участием специалистов предприятия.

Таким образом, преодоление ощущения депривации у выпускников вузов будет в значительной степени способствовать возрастанию мотивации к труду, а также формированию адекватной оценки ситуации на рынке труда. В свою очередь, это станет одной из ступеней в решении проблемы занятости молодых специалистов в масштабах регионального рынка труда.

Список литературы

1. Афонцев С. А. Проблемы политики регулирования рынка труда в период экономических преобразований. – М.: ЮНИТИ, 2011. – 216 с.
2. Буланова М. А. Роль стратегической политики государства в формировании условий социальной мобильности работающей молодежи / М. А. Буланова // Власть и управление на Востоке России – 2011. – № 4 (57). – С. 149-157.
3. Власова О.И., Костина Н.Б. Молодое поколение об устойчивости и изменчивости трудовой деятельности: опыт эмпирического исследования // Социум и власть. – 2013. – № 6 (44). – С. 22-27.
4. Зинин А. А. Социальные притязания молодежи в регионе: Социологический анализ (на примере Республики Мордовия) / А. А. Зинин // Науч. проблемы гуманит. исследований. – 2011. – № 9. – С. 254-259.
5. Леонтьева Л. И. Рынок труда в переходной экономике России / Л. И. Леонтьева. – Кострома: Костр. гос. техн. ун-т, 2013. – 253 с.
6. Никулина Ю. Н. Исследование уровня профессиональной подготовленности и конкурентоспособности молодых специалистов на региональном рынке труда // Креативная экономика. 2014. – № 9 (93). – С. 167-175.
7. Разумова Т. О. Выпускники высших учебных заведений на рынке труда: автореферат дис...док.эконом. наук. – М., 2011. – 48 с.
8. Родионова А. В. Работающий студент как социальный феномен // Социология вчера, сегодня, завтра. Новые ракурсы. III Социологические чтения памяти В. Б. Голофаства / Под редакцией О. Б. Божкова. – СПб.: Эйдос, 2011. – С. 304-314.
9. Согомонов А. Ю. Кризис идентичности современного университета // Неприкосновенный запас. – 2007. – № 3. – С. 116-130.
10. Уксуменко А. А. Регулирование регионального рынка труда (на примере Хабаровского края): автореф. дис... канд. эконом. наук. Хабаровск. – 2013. – 20 с.

Сведения об авторе

Смирнов Р. Г., ведущий социолог, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, тел. 8(987)8088804, e-mail smirnovroman2010@mail.ru

№ 4, 2016. News from higher educational institutions. Sociology. Economics. Politics.

Smirnov R. G. leading sociologist, Saratov Socio-Economic Institute(branch) of Plekhanov Russian University of
Economics, phone: 8(987)8088804, e-mail:
smirnovroman2010@mail.ru_____

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОЦЕНКАХ СОЦИОЛОГОВ
CONTEMPORARY SOCIO-CULTURAL PROCESSES IN THE SOCIOLOGISTS

Х. Н. Садыкова, О. И. Гуденкова
H. N. Sadykova., O. I. Gudenkova

Ключевые слова: культурные традиции; ценностные ориентации; наука; образование; миграция
Key words: cultural traditions; values; science; education; migration

В статье проведен обзор научных статей, опубликованных в журнале «Известия вузов. Социология. Экономика. Политика» в 2016 году, затрагивающий различные стороны жизнедеятельности российского общества. Формируется вывод о стабильности ситуации в целом по России и в ее регионах.

The article reviewed scientific articles published in the journal «Izvestiya vuzov. Sociology. Economy. Policy» in 2016, covering various aspects of Russian society. Formed a conclusion about the stability of the situation in Russia as a whole and in its regions.

Научный журнал «Известия вузов. Социология. Экономика. Политика» издается с 2000 года Тюменским индустриальным университетом. В 2007 году он был включен в перечень ВАК РФ как журнал, в котором могут быть опубликованы результаты исследований социологической направленности. За последние годы в журнале публикуются не только результаты исследований региональных социологов [1, 5, 9, 11], но и социологов из других регионов России [2, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 12]. В них анализируются различные аспекты жизнедеятельности населения российских регионов.

Представим научный обзор некоторых работ, опубликованных в 2016 году.

Н. С. Мухаметшина, доктор политических наук Самарского государственного архитектурно-строительного университета проводит в своем регионе полевые исследования с целью изучения мнений жителей Самарской области к иностранным мигрантам. Область на протяжении многих лет остается привлекательной для трудовых мигрантов из государств Закавказья и Центральной Азии [7]. Результаты исследования проведенных в 2012–2015 гг., показывают, что самарцы, с одной стороны, проявляют негативное отношение к мигрантам, а, с другой стороны, проявляют оптимизм и надежду, что мигранты не могут оказывать негативное воздействие на этноконфессиональную ситуацию в регионе. Чаще самарцы связывают ухудшение своей жизнедеятельности с социально-экономической ситуацией в стране, с падением в целом уровне жизни россиян.

На социальное самочувствие, безусловно, влияет наличие в регионе трудовых мигрантов, поскольку они занимают трудовые ниши, пусть и не всегда престижные для местных жителей. Мнения разделились: позитивное отношение к мигрантам демонстрируют жители средней возрастной категории, негативное — старшей возрастной категории. При этом и выявлены различия в оценках мужчин и женщин.

В данном контексте представляют результаты исследований ученых Сургутского государственного университета (ХМАО — Югры) и Института философии и права СОРАН (г. Новосибирск) Мархинина В. В. и Удаловой И. В., которые на протяжении нескольких десятилетий изучают проблемы межнациональных отношений, складывающихся между представителями коренных многочисленных народов Севера и людьми других национальностей, проживающих в северных округах Тюменской области [6].

Намруева Л. В., руководитель отдела из социально–политических и экономических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, рассматривает процессы уменьшения крестьян в аграрном секторе республики Калмыкия. Главной причиной снижения автор называет процесс миграции сельских жителей в города республики. Это связано в первую очередь с тем, что в сельской зоне отсутствуют аграрные предприятия, как следствие на селе растет безработица, зарплата очень низкая и отсутствуют перспективы для молодежи [8] не смотря на то, что последние годы предпринимаются попытки к улучшению ситуации.

Исследователи обеспокоены тем, что миграция сельских жителей приводит к высокой концентрации в городах и главным образом в Элисте, это может привести в ближайшие годы к обезлюдению огромных территорий республики. Одновременно вся жизнь сконцентрируется в одном пространстве (политическая, экономическая, социальная, культурная, научная) и приведет так же к диспропорциям в сферах водоснабжения, газо-, электроснабжения.

Негативным последствием раскрестьянивания является то, что у сельчан исчезает желание заниматься сельскими видами деятельности (животноводство, растениеводство, заготовка кормов и пр.), поскольку это труд на открытом воздухе под действием палящего солнца летом и низких температур зимой, это ручной труд без применения современных технологий. Сельчане утратили желание заниматься и личным подворьем, не хотят ухаживать и содержать домашних животных, и содержать домашних животных, стричь овец, доить коров.

Розанова Н. Н., доцент Смоленского государственного университета исследует проблемы властных полномочий на примере региональной власти. Автор провела социологические исследования, которые позволили обосновать представление смоленской общественности о репутационном пространстве региональной власти. По мнению Розановой Н. Н., для эффективного управления общественными отношениями (государство — граждане — социальные группы — социальные институты) необходимо создать атмосферу доверия на основе свободы выбора, добровольного обмена предложениями, идеями, ценностями в репутационном пространстве региональной власти [10].

В журнале на регулярной основе публикуют свои результаты исследований и зарубежные авторы. Так, Халил-заде Фуад Афган (Бакинский государственный университет) анализируют избирательную систему зарубежных стран для имплементации Азербайджанского законодательства. Государственная власть в Азербайджанской республике разделена на исполнительную власть и принадлежит Президенту, законодательную, которая принадлежит парламенту и судебную власть, которая реализуется через независимые суды [12]. Парламент — Милли Меджлис состоит из 125 депутатов, избирающийся по мажоритарной избирательной системе и на основе свободных выборов.

Исследования ученых показали, что в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре созданы условия для развития малочисленных народов Севера. Исследования фиксируют снижение уровня напряженности в отношениях между людьми различных национальностей и коренным населением. Тем не менее необходимо в предстоящие годы улучшать условия для устойчивого функционирования традиционных отраслей (рыболовство, оленеводство, охота); поддержка традиционного образа жизни, обычаев, проведение религиозных мероприятий. Кроме того, требует совершенствования и нормативно-правовая сфера, которая регулирует различные сферы жизнедеятельности лиц коренных национальностей (ханты, манси, ненцы), проживающих в округе, а также взаимоотношения с участниками нефтегазового освоения региона. Особый акцент требует социальная сфера для повышения качества жизни, улучшения состояния здоровья, различных сторон их жизнедеятельности. Следует помнить, что основой их развития остается язык, культура, фольклор, традиционные прикладные промыслы и ремесла коренных малочисленных народов Севера.

Список литературы

1. Гаврилюк В. В., Маленко В.В. Векторы развития России в сознании жителей российской провинции // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 3. – С. 65-69.

2. Дорошин Б. А. Диалектика социоприродных отношений в архаическом экологическом сознании // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 2. – С. 58-61.
3. Захарова И. Ю., Лилякова Д. С. Комплексное развитие транспортной отрасли Краснодарского края // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 1. – С. 18-23.
4. Зборовский Г. Е., Амбарова П.А. Категориальный аппарат времени: социологический подход // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 2. – С. 15-19.
5. Кольцова Т. А., Садыкова Х.Н. Российская практика налогообложения игорного бизнеса // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 3. – С. 17-21.
6. Мархинин В. В., Удалова И. В. Доминантные ценности и возможные риски в развитии народов Севера: по материалам социологического опроса в Югре // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 3.
7. Мухаметшина Н. С. Общественное мнение в условиях социально-экономических рисков: Миграционный аспект // Известия вузов. Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 3. – С. 22-25.
8. Намруева Л. В, Королевских А. М. О процессе уменьшения численности крестьян в современной Калмыкии // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 3. – С. 26-29.
9. Пелькова С. В., Хайруллина Н. Г. Налогообложение особых экономических зон в России и странах АТЭС: сравнительный анализ // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 3. – С. 30-33.
10. Розанова Н. Н. Репутационное пространство региональной власти // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 3.
11. Устинова О. В. Управление карьерой менеджеров: объект- и субъект- ориентированные подходы // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 3. – С. 6-9.
12. Халил-заде Ф. А. Пропорциональная избирательная система — международный опыт и Азербайджан // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 3. – С. 57-59.

Сведения об авторах

Садыкова Хадия Нургалиевна, ассистент, Тюменский индустриальный университет, тел. 89222661199, e-mail: hadia87@mail.ru

Гуденкова Олеся Ивановна, ассистент, Тюменский индустриальный университет, тел. 89523405774, e-mail: olesya.gudenkova@yandex.ru

Sadykova H. N., assistant Professor, Tyumen industrial University, phone: 89222661199, e-mail: hadia87@mail.ru

Gudenkova O. I., assistant, Tyumen industrial University, phone: 89523405774, e-mail: olesya.gudenkova@yandex.ru

УДК 314

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
В РАБОТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ СОЦИОЛОГОВ
FEATURES OF FUNCTIONING OF MODERN ENTERPRISES ARE IN WORKS OF
REGIONAL SOCIOLOGISTS**

**В. В. Шалин, А. Б Фокина
V. V. Shalin, A. B. Fokina**

Ключевые слова: экономика; социальные проблемы; бизнес; инвестиционная деятельность; органы власти; регион
Key words: An economy; in social problems; business; investment activity; government bodies region

В статье проведен обзор научных статей опубликованных в 2016 году в журнале «Известие вузов. Социология. Экономика. Политика», издаваемом Тюменским индустриальным университетом. Анализируются результаты исследований региональных и российских социологов, экономистов, политологов.

The article reviewed scientific articles published in the journal «Izvestiya vuzov. Sociology. Economy. Policy» in 2016, published in by the Tyumen industrial university. The results of researcher of regional and Russian sociologists, economists, political scientists are analysed.

Проводимые с 1990-х годов преобразования экономики изменили условия функционирования секторов хозяйствования, отраслей предприятий, а так же размер получаемых доходов населением. При этом экономисты отмечают сокращение доли заработной платы в общем расходе, получаемом лицами трудоспособного возраста и увеличение доли неформальных (не учитываемых) доходов.

К экономическим проблемам переходного периода добавились сложные политические и социальные проблемы. Эти сложности усугубляются переживаемыми экономическими кругами, локальными, военными конфликтами, природными и экономическими катастрофами и катаклизмами.

Решение политических и социально-экономических проблем не всегда обосновываются, обсуждаются и чаще вызывают болезненное недовольство большей части населения. Для решения обозначенных проблем Киричук С. М. предлагает проявлять активность представителям властных структур, предприятий и организаций, общественным объединениям и гражданам [2].

В указанном контексте актуализируется роль депутатов, в первую очередь местного уровня. Депутаты начинают выполнять роль почтальона, который передает обращение граждан с просьбой решить их проблемы экономического и социального характера в исполнительные органы власти. Как следствие представители органов власти предпринимают действия, приводящие к улучшению качества жизни сельского и городского населения.

Для решения перечисленных проблем представители органов власти Тюменской области привлекают в экономическую сферу иностранные инвестиции. Тюменская область на протяжении последних лет занимает лидирующие позиции среди российских регионов по созданию благотворительных условий ведения бизнеса. Отметим, что более 51 % привлеченных иностранных средств в регионы Уральского Федерального округа, приходится на нашу область.

По мнению Махмудовой М., Королевой Л. М., Шакировой Э. В., Ефименко Е. Л., наиболее привлекательными для инвестиций являются нефтедобывающая нефтеперерабатывающая сферы, сервисные компании ТЭК. Одновременно менее привлекательными остаются здравоохранение, социальная сфера, транспорт и связи [3]. Привлечение иностранного капитала в различные сферы позволяет косвенно решать проблемы региона, в социально-экономической сфере, приводя к снижению уровня безработицы в Тюменской области в целом. Конкурентные преимущества таких предприятий подталкивают персонал повышать уровень своей профессиональной квалификации, совершенствовать навыки работы на современном оборудовании, осваивать инновационные методы и технологии производства.

Зиновьева Н. М. придерживается точки зрения, согласно которой инвестиционная деятельность определяет эффективность управления деятельностью не только региональной власти, но и производственных процессов. Сегодня необходимо управлять инвестициями для получения позитивных эффектов с учетом особенностей региона, изменяющихся условий и влияния негативных факторов внешней среды. Для этого каждое отдельное предприятие обязано разработать инвестиционную политику, которая обеспечит развитие предприятия, увеличить производственные мощности и получить дополнительные эффекты.

Как было отмечено выше, инвестиционная деятельность предполагает вложение не только в технологии, но и в человеческий капитал. Претерпевают изменения и подходы к управлению персоналом, чаще руководители предприятий ориентируются на формирование комплексной системы, которая предполагает мониторинг и управление карьерой работников.

Развитие карьеры в компаниях предполагает изучение потенциальных возможностей работников посредством личных бесед, собеседований, интервью со специалистами отделов кадров о способности обучаться, повышать квалификацию и пр.

По мнению Устиновой О. В., развитие карьеры связано с необходимостью постоянно повышать уровень образования, совершенствовать профессиональные знания и навыки. Сотрудник, проявляющий такие способности, в свою очередь вправе ожидать продвижения по карьерной лестнице (по службе) [5].

Список литературы

1. Зиновьева Н. М. Формирование инвестиционной политики промышленного предприятия // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 1. – С. 23-27.
2. Киричук С. М. Наднациональный парламентаризм – механизм повышения эффективности взаимодействия сообществ // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 1. – С. 59-65.
3. Махмудова М. М., Королева А. М., Шакирова Э. В., Ефименко Е. Л. Инвестиционная привлекательность северного региона // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – №1. – С. 27-32.
4. Силин А. Н., Хайруллина Н. Г. Управление персоналом. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2004.
5. Устинова О. В. Управление карьерой менеджеров: объект- и субъект-ориентированные подходы // Социология. Экономика. Политика. – 2016. – № 1. – С. 6-9.
6. Хайруллина Н. Г., Устинова О. В. Профессиональное развитие муниципальных служащих. – Тюмень: ТюмГНГУ, 2005.
7. Хайруллина Н. Г. Управление персоналом на предприятиях торговли. – Тюмень: Издательство ТюмГНГУ, 2012.

Сведения об авторах

Шалин Виктор Викторович, д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой «Социология и культурология», Кубанский государственный аграрный университет, тел. 89282395222, e-mail: viktor_filosof@mail.ru

Фокина Анна Борисовна, ассистент, Тюменский индустриальный университет, тел. 89199254052, e-mail: fannabor@bk.ru

Shalin V. V., Doctor of Science in Philosophy, Professor, head of Department of Sociology and Cultural Studies in Kuban State Agrarian University, phone: 89282395222, e-mail: viktor_filosof@mail.ru

Fokina A. B., assistant, Tyumen industrial University, phone: 89199254052, e-mail: fannabor@bk.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна — д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна — д. с. н., профессор, профессор кафедры социологии Тюменского индустриального университета

Барбаков Олег Михайлович — д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Гаврилук Вера Владимировна — д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Тюменского индустриального университета

Генин Влад — декан факультета бизнеса, менеджмента и информационных технологий университета Феникс, содиректор международных программ Стэнфордского университета и университета UC Лос-Анджелеса, полномочный представитель Академии высшего образования в ООН, главный специалист фонда Фулбрайт, доктор бизнес-администрирования, Ph.D, профессор инжиниринга и международного менеджмента (США)

Докторов Борис Зусланович — д. ф. н., профессор, действительный член Российской академии социальных наук, независимый исследователь и лектор (США)

Егоршин Александр Петрович — д. э. н., профессор, ректор Нижегородского института менеджмента и бизнеса

Голенкова Зинаида Тихоновна — д. ф. н., профессор, заместитель директора Института социологии РАН

Звонников Виктор Иванович — д. пед. н., профессор, проректор по развитию учебно-методического объединения и качества управленческого образования Государственного университета управления

Левашов Виктор Константинович — д. с. н., профессор, руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Нарбут Николай Петрович — д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна — д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович — д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями ОмГУ им. Ф. М. Достоевского

Силин Анатолий Николаевич — д. с. н., профессор, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

EDITORIAL BOARD

Professor Belonozhko, Marina Lvovna — Editor-in-Chief, Doctor of Sociological Sciences, Chair of the Department of Marketing and Municipal Government, Industrial University of Tyumen, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Khayrulina, Nursafa Gafurovna — Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology, Industrial University of Tyumen

Professor Barbakov, Oleg Mikhaylovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, Senior Fellow, International Higher Education Academy of Sciences

Professor Doktorov, Boris — professor, member of the Russian Academy of Social Sciences, independent researcher and lecturer

Professor Gavrilluck, Vera Vladimirovna — Doctor of Sociology, Professor, Chair, Department of Sociology, Industrial University of Tyumen

Professor Genin, Vlad — Doctor of Business Administration, Ph.D, Technical Sciences, Professor of Engineering and International Management Science, Chair of the College of Business, Management, and Information Technologies, University of Phoenix, General Editor and Program Co-Director, Stanford University, UCLA, Plenipotentiary Representative of the Academy of Higher Education in the United Nations, Senior Specialist, Fulbright Foundation, U.S. Department of State

Professor Golenkova, Zinayida Tikhonovna — Doctor of Philosophical Sciences, Deputy Director, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Professor Levashov, Viktor Konstantinovich — Doctor of Sociological Sciences, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, Head of the Laboratory, Research Institute of Society, Industrial University of Tyumen

Professor Narbut, Nikolai Petrovich — Doctor of Sociological Sciences, Chair, Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Professor Plyonkina, Vera Vladimirovna — Doctor Of Economical Sciences, Chair, Department of Management, Director, Institute of Management and Business, Industrial University of Tyumen

Professor Roy, Oleg Mikhailovich — Doctor of Sociology, Professor, Chair, Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after Dostoevsky F.M.

Professor Silin, Anatoliy Nikolaevich — Doctor of Sociology, Professor, Professor, Department of Marketing and Municipal Government, Industrial University of Tyumen

Professor Yegorshin, Alexander Petrovich — Doctor of Economics, Professor, Rector of Nizhny Novgorod Institute of Management and Business

Professor Zvonnikov, Victor Ivanovich — Doctor of Pedagogy, Professor, Vice Rector for Development, Educational and Methodical Association of Education and the Quality of Management of the State University of Management

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Известия высших учебных заведений РФ. Социология. Экономика. Политика» — это академический журнал, акцентирующий внимание на теории и методологии исследований социальных социально-экономических, социально-политических и социокультурных процессов. В нем освещаются новейшие исследования, концепции и теории, свежие практические идеи и инициативы, результаты.

Редакция журнала принимает статьи от российских и зарубежных авторов по следующей тематике:

- Теория и методология исследования социальных процессов
- Управленческие процессы
- Политические и правовые процессы
- Экономические и демографические процессы
- Культурные традиции и новации
- Проблемы и перспективы развития науки и образования
- Информационные технологии и виртуальное пространство

Эмпирические исследования, концепции, мета-анализ, рецензии на книги, количественные и качественные исследования, социальные инновации, обзоры литературы, ретроспективы, взгляды практиков - все это может быть объектом исследований.

Журнал выходит ежеквартально в марте, июне, сентябре и декабре.

Каждая статья рецензируется. После того, как рецензент признает ее пригодной для публикации, редакционная коллегия решает, возможна ли публикация статьи, нужно ли ее доработать или отказать в публикации.

Присланная статья (материалы) не должна быть ранее нигде опубликованной, не может быть послана для публикации в другие издания. Если статья будет принята в журнале, она не должна публиковаться в той же форме на английском или каких-либо других языках без письменного согласия редакционной коллегии. Автор статьи несет ответственность за подбор и объективность приведенных фактов, данных и прочих сведений, а также за отсутствие в присланных материалах плагиата и неправомерного заимствования. Редакция журнала не несет ответственность за достоверность и объективность материалов, представляемых авторами.

Редакция оставляет за собой право на сокращение и редактирование статей.

Направление материалов в редакцию для публикации означает согласие автора с приведенными выше требованиями.

Пожалуйста, посылайте Ваши статьи: профессор Нурсафа Хайруллина — зам. главного редактора

Телефон / Факс +7(3452) 20-94-24

E-mail: nur@tsogu.ru, nursafa@inbox.ru

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСИ

Рукопись, предоставляемая в редакцию, должна иметь название статьи, ФИО авторов, их должностную и контактную информацию (телефон, e-mail) название учреждения, где выполнена работа, аннотацию (резюме), ключевые слова — все вышеперечисленное на русском и английском языках, введение (краткое), цель исследования, материал и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы или заключение, список литературы, включающий не менее 10 наименований.

При написании и оформлении статей для печати редакция журнала просит придерживаться следующих правил.

1. Заглавие статьи должно соответствовать следующим требованиям:

- быть информативным;
- включать только общепринятые сокращения;
- не должно содержать больше 8–9 слов.

2. Библиографический указатель (список литературы) дается авторами в конце статьи в порядке последовательности ссылок в тексте. Ссылки на литературу и источники даются в квадратных скобках в тексте (например, [12, 67]; 12 по списку литературы в конце текста, страница 67). В списке литературы указываются: а) для журналов и сборников — фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала (сборника), номер или том, место и год издания, стр.; б) для книг — фамилии и инициалы авторов, название книги, место издания, название издательства, год издания, стр. В список литературы вносят только те работы, которые опубликованы в печати. Список литературы оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 2008.

3. Статья должна иметь индекс УДК по таблицам Универсальной десятичной классификации, имеющимся в библиотеках.

4. Объем аннотации должен включать минимум 100–250 слов (по ГОСТ 7.9-95 — 850 знаков, не менее 10 строк). Аннотация объемом не менее 10 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней результаты.

Рукопись предоставляется в редакцию в виде файла, набранного с использованием Winword, размер шрифта 11 (Times New Roman), интервал одинарный, абзац 1,25, страницы не нумеруются, не допускаются постраничные сноски. Ввод формул производить в редакторе формул Microsoft Equation 2.0. Иллюстрации выполняются на компьютере и вставляются в файл статьи. В таблицах все наименования проставляются полностью, без сокращения слов. Объем статьи до 4 страниц. Параметры страницы: верхнее поле — 2,5 см, нижнее поле — 2 см, левое поле — 2,5 см, правое поле — 2,5 см.

Если статья была или будет направлена в другое издание или же была ранее опубликована, необходимо сообщить об этом в редакцию.

Рукописи, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста рукописей. Корректур статей авторам не предоставляется.

Электронный вариант статьи высылается по адресу e-mail.

Заголовок рукописи должен быть набран заглавными буквами, жирным шрифтом, и по центру в верхней части первой страницы. Автор(ы) и представляемые ими организация (и) должны находиться по центру, жирным шрифтом, через один интервал на третьей строке под заголовком. Не используйте звания, такие как д-р или профессор, и т. д. Шрифт имени (имен) должен быть "БОЛЬШОЙ". (12). Например:

**Джон Смит, Тюменский государственный нефтегазовый университет Мэри Джонс, Университет
Калифорнии, Беркли
John Smith, Tyumen State Oil and Gas University Mary Jones, University of California, Berkeley**

Если у вас более одного автора и все они представляют одну организацию, используйте следующий формат:

**Джон Смит
Кэти Мэттьюз
Тюменский государственный нефтегазовый университет
John Smith
Kathy Matthews
Tyumen State Oil and Gas University**

E-mail:

MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES

A manuscript submitted for publication should have the article title, authors, their officials and contact information (phone, e-mail) name of the institution where the work was performed, the abstract, keywords - all of the above both in English and in Russian, the introduction (short), the purpose of the study, material and methods, results and discussion, conclusions, or conclusion, references, consisting of not less than 10 names. When writing and drafting articles for the publication the Editorial Board asks to follow these editorial guidelines.

1. The title of the article should meet the following requirements:

- Titles of scientific articles should be informative;
- You can use only standard abbreviations in the title.
- Title of the article should not contain more than 8-9 words.

2. References should be in alphabetical order - first domestic and then foreign authors and executed in accordance with GOST 2008 7.0.5. References should be listed and numbered at the end of the paper. References cited in the text should appear as the corresponding numbers in square bracket with or without the author's names in front. (for example, [12, 67] - the source of T70; 12 on the list of references at the end of the text, page 67). References should be given in the following form: a) for Journal Articles - Author(s) last name, followed by first and middle initials; Article Title; Journal Title; Volume Number; Location; Year of Publication; Pages; b) for Books - Author(s) last name, followed by first and middle initials; Book Title; Publisher Location; Name of Publisher; Year of Publishing; Pages (GOST 7.1 -84). References should list only those works which are already published.

3. The article should have an index on UDC (Universal Decimal Classification) tables, available in libraries.

4. The volume of abstracts must include a minimum of 100-250 words (According to GOST 7.9-95: 850 characters, not less than 10 lines). Abstract of not less than 10 lines should summarize the main subject of the article and contain the results of the research.

Papers submitted for publication must meet three criteria: One, the manuscript must contribute to knowledge, theory, and practice; Two, the manuscript content must be accurate and scholarly; and Three, the manuscript must conform to the editorial guidelines of the Journal presented below:

The paper should be submitted as a file and via email. The paper should be in APA style and typewritten in Microsoft Word with font size 11 (Times New Roman), Do not insert page numbers.

Footnotes are not allowed. All formulas and/or equations (if any) should be done by using Microsoft Equation 2.0. and be placed on separate lines and numbered consecutively, with the equation/formula numbers placed in parentheses and aligned against the left margin.

Tables, figures, and graphs should be typed as close as possible to the location where they are cited. No abbreviations (all words appearing in tables should be fully spelled out). Headings should be centered, bold-faced, and in all capital letters above the table or figure. All tables must be in boxes. The size of the heading for each table or graph should be "LARGE."

The body of the manuscript should be single space. Double space before and after first-level and second-level headings. Triple space between the title and before and after the author's name.

All paragraphs should be indented with a tab of five (5) spaces, paragraph 1.25. You must leave a space after each paragraph. The margins should be as follows: Left Margin: 1 inch or 2.5 cm Right Margin: 1 inch or 2.5 cm Top Margin: 1 inch or 2.5 cm Bottom Margin: 0,7 inch or 2 cm

All spelling, grammar, and punctuation are the responsibility of the author(s). No corrections will be made by the Journal Editors. Therefore, all articles must be edited prior to submission.

Note: Rejected manuscripts will not be returned to the author(s).

Manuscripts which fail to meet the specifications will be returned to the author and risk not being published or at the very least, delaying the publication schedule.

A manuscript submitted for publication in the Journal should not have appeared or be under consideration for publication in other journals. Citation of the original work must be included.

After acceptance by the Journal, a paper or any portion of a paper may not be published elsewhere without prior written approval from the Editors. A manuscript published in the Journal becomes the property of the Journal, with the Journal possessing exclusive right to publication. All copyrights will belong to the Journal.

The Journal reserves the right to edit manuscripts for brevity, clarity, and consideration of style.

The electronic version of it should be sent to: nur@tsogu.ru, nursafa@inbox.ru

The title of the manuscript should be in all capital letters, bold-faced, and centered at the top of the first page. The author(s) and affiliation(s) should be centered, bold-faced, and single-spaced beginning on the third line below the title. Do not use titles such as Dr. or Professor, etc. The size of the name(s) should be "LARGE." (12 point). For example:

John Smith, Tyumen State Oil and Gas University Mary Jones, University of California, Berkeley

If you have more than one author and all authors have the same affiliation, use the following format:

**John Smith
Kathy Matthews**

Tyumen State Oil and Gas University

CALL FOR PAPERS

The «News From Higher Educational Institutions: Sociology, Economics, Politics» is an academic Journal focusing on the theory and methodology of research of socio-economic, socio-political and socio-cultural processes. It highlights cutting edge research, new concepts and theories, and fresh practical ideas and initiatives. The editors of the Journal welcome contributions from throughout the world in the following research areas:

- Management processes
- Theory and methodology of research of social processes
- Political and legal processes
- Economic and demographic processes
- Cultural traditions and innovations
- Development of science and education: challenges and future outlook
- Information technologies and online world

Empirical studies, conceptual papers, meta-analyses, literature reviews, case studies, quantitative and qualitative studies, pedagogical innovations, practitioner perspectives, and book reviews are all welcome. Papers can adopt a historical perspective, a current perspective or a future perspective. Contributions from practitioners along with academics in the field, reporting on the latest strategies, new thinking and initiatives being applied are published as well.

The Journal is published quarterly in March, June, September and December. Each paper is reviewed by the Editors, and, if judged suitable for this publication, is then sent to our referees for double blind peer review. The Editors then decide whether the paper should be accepted as it is, revised or rejected.

Submission of a paper implies that it has not been published previously, that it is not under consideration for publication elsewhere, and that if accepted it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, without the written consent of the publisher.

The author is responsible for the selection and objectivity of the facts, data and other information, as well as the absence in the materials submitted plagiarism and unauthorized borrowing. The Editors are not responsible for the accuracy and objectivity of the materials submitted by the authors.

The editors reserve the right to cut and edit articles.

Contributing to the editor for publication constitutes acceptance by the author the above requirements.

Подписано в печать 26.12.2016. Формат 60x90 1/8.
Уч.-изд. л. 13,43. Усл. печ. л. 18,25. Тираж 500. Заказ № 677

Центр развития публикационной активности
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ